

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Событія, описанныя въ моей повѣсти, совершились въ царствованіе Бориса Феодоровича Годунова, а мѣстомъ этихъ событій была страна, называвшаяся Сѣверією. Я думаю, немногимъ извѣстно, что это былъ за край въ то время, и потому считаю необходимымъ сказать о немъ предварительно нѣсколько словъ.

Сѣверская земля, или Сѣверія, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской и отчасти Курской и Орловской губерній, въ царствованіе Бориса Годунова была пограничемъ Московскаго государства со стороны Литвы и называлась *Литовскою Украиною*, въ отличіе отъ *Украины Польской*, то есть полевой (*), какъ именовали тогда края Россіи вдоль черкас-

(*) Въ «Разрядной Росписи 1616 года», польскими (то есть степными) городами называются: Воронежъ, Ливны, Елецъ, Лебедянь, Осколъ, Волуйки, Бѣлгородъ и Курскъ. (См. источники при книгѣ Бѣляева: «О сторожевой службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства»). Поэтому прилагательное «польская», или «полская», прилагалось этой украинѣ не въ смыслѣ страны, соседней съ Польшою. Это слово произведено отъ *поле* (т. е. степь), какъ назывались тогда въ Московскомъ государствѣ пустыни, по которымъ разбросаны были несчисленные выше города.

скихъ (*) и татарскихъ степей, и *Украины Малороссійской* обѣихъ сторонъ Днѣпра, которая была въ то время пограничною областью Польской республики.

Главная черта въ физіономіи этой Украины была, какъ и теперь есть, рѣка Десна. Она протекала почти по самой срединѣ Сѣверіи, съ сѣвера на юго-западъ, подмывая, съ правой стороны, лѣсистыя горы, а съ лѣвой — делѣясь вдоль широкихъ луговъ и степныхъ равнинъ, отѣняемыхъ также довольно часто густыми пущами.

Съ той и съ другой стороны впадало въ нее нѣсколько небольшихъ рѣкъ, тѣснимыхъ повсемѣстно пустынными зарослями.

Бѣлые меловые обвалы раздирали то тамъ, то сямъ черную, косматую одежду изгорнаго берега Десны, что придавало его лѣсамъ еще больше дикости, и какой нибудь захожіи, незнакомый съ стороною, охотнѣе вглядывался въ перспективу лѣваго берега, который расплывался передъ его взоромъ заманчивыми пологими постепенно блѣднѣющей синевы, весело посвѣчивая противъ солнца длинными озерами и рѣчными затоками.

Впрочемъ, оба берега Десны были въ то время малопріютны для человѣка. Въ темнотѣ нетронутыхъ топоромъ сѣверскихъ лѣсовъ стояли и ржавѣли обширныя болота, давая въ своихъ заросляхъ и топяхъ неприступныя убѣжища множеству дикихъ птицъ и звѣрей. Воды рѣкъ и озеръ разливались шире вынѣшняго, какъ и во всей русской землѣ. Обработанныхъ полей было мало. Вся страна представляла картину запустѣнія и безлюдья.

Немногіе города и села, осаженные по рѣчнымъ взгорьямъ, по лѣсамъ и сыримъ низменностямъ Сѣверіи, сообщались между собой извилистыми дорогами, да и тѣ проторены были копытами животныхъ и ногами пѣшеходовъ: на колесахъ встарину ѣзжали здѣсь мало; товары перевозили: лѣтомъ — по водѣ, а зимою — на саняхъ.

Царь Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ далъ повелѣніе валить вездѣ въ государствѣ по дорогамъ деревья и устраивать плотвы;

(*) Черкасани называли тогда русскіе своихъ старинныхъ соотечественниковъ, малороссовъ. Названіе это дано было ими сперва запорожцамъ, потомъ малороссійскимъ городовымъ казакамъ, а наконецъ и всѣмъ малороссійцамъ безъ различія.

но это повелѣніе, по важнымъ причинамъ, не было еще исполнено въ пограничной, дикой, малолюдной землѣ Сѣверской, и самая такъ называемая тогда *большая новгородская южная дорога*, пролегавшая чрезъ Новгородъ или Новгородскъ-Сѣверскій въ Литу, была рядъ топикихъ гатей, гилыхъ мостовъ, плетихъ перевозовъ и безчисленныхъ поворотовъ между болотъ и косматыхъ камышчатыхъ озеръ.

Въ народонаселеніи Сѣверской, или Литовской Украины замѣтно было три главные состава: восточную, болѣе степную половину страны занимали словяны бѣлые, крытыи соломою, хатами малороссы; на западной, по преимуществу лѣсной сторонѣ Десны жили въ курьихъ, покрытыхъ досками-выколками, избахъ сухощавые и клинбородые бѣлорусцы; въ верхнихъ, отдѣленныхъ впоследствии къ Орловской губерніи, городахъ и селахъ Сѣверія жили русскіе, малымъ чѣмъ отличные отъ обитателей средины Московскаго государства.

Неизвѣстно, съ котораго времени устоялось въ Сѣверской области это разнохарактерное населеніе: такъ ли оно было и въ то еще время, когда князья Давидовичи облегли *пересы* (*) Новгорода-Сѣверскаго, или это уже въ эпоху татарскую подданные гедиминовы подвинулись изъ дремучихъ лѣсовъ своихъ къ свѣтлой рѣкѣ Деснѣ; а послѣ войвъ царя Іоанна III съ Литвою, можетъ быть, жители близкой къ Олѣ Украины русскаго царства углубились въ такъ называемыя *поля* и перемѣшались съ обывцами, дмитровцами и другими коренными обитателями верхней Сѣверія. Знаемъ только, что со времени царя Іоанна IV Грознаго началъ примѣшиваться сюда четвертый, чисто-московскій составъ. Много приходило тогда въ Литовскую Украину выходцевъ изъ внутреннихъ городовъ государства; они уходили изъ родины отъ разныхъ причинъ, и царь не преслѣдовалъ ихъ здѣсь. Во первыхъ, посылать сыщиковъ въ страну пограничную, покрытую лѣсами и непроходимыми толями, гдѣ лабиринтъ дорожекъ былъ неизвѣстенъ, однимъ непослѣдичить намѣтъ бродягамъ, было едва ли не вовсе бесполезно, а вторыхъ, царю нужны были въ Сѣверію, на случай войны, люди, родные къ такому дѣлу: «собственная безопасность составляла ихъ усердно защищать границу.»

(*) Валм.

Царь Борисъ Θεодоровичъ съ тою же цѣлью смотрѣлъ на Литовскую Украйну. Тутъ находили пристанище всякаго рода преступники, которымъ несчастливо удалось уйти отъ наказанія. Сюда бѣжали непокорные холопы отъ своихъ господъ. Здѣсь искали счастья земледѣльцы, уклонявшіеся отъ налоговъ и повинностей. Число выходцевъ особенное потому умножилось, когда издавъ былъ указъ объ укрѣпленіи крестьянъ за владѣльцами земель. Такимъ образомъ, въ Сѣверской землѣ появились многіе поселенцы, способные къ поддержанію смуть, наступившихъ для Россіи съ первою вѣстью въ народъ, что сынъ царя Іоанна Грознаго, Дмитрій, живъ и идетъ на Годунова войною.

Число выходцевъ умножилось въ Сѣверіи еще холопами сосланныхъ царемъ Борисомъ въ ссылку бояръ Черкасскихъ и другихъ. Люди этихъ опальныхъ вельможъ вели тамъ жизнь бродягъ; они расходились по вольнымъ украйнамъ промышлять себѣ хлѣбъ добрымъ и недобрымъ ремесломъ.

Но всего больше наполнялась Литовская Украйна, или Сѣверія, выходцами изъ внутреннихъ областей во время голода, постигшаго Россію въ началѣ царствованія Бориса Годунова. Многіе бояре, дворяне и боярскіе дѣти, имѣя множество вольныхъ слугъ, стали тяготиться кормить ихъ дорогимъ хлѣбомъ и отпускали отъ себя. Отпущенные уходили на границы государства и больше всего въ землю Сѣверскую, гдѣ голодъ свирѣдствовалъ менше и гдѣ малолюдными пустынями давали всякому убѣжище.

Здѣсь одни изъ такихъ выходцевъ, перемѣнивъ имя, записывались въ городовые и станичныя казаки, которыхъ содержали при воеводахъ на жалованьи для охраненія крѣпостей, для сторожи по землянымъ городкамъ, по лѣснымъ вѣскамъ, по рѣчнымъ бродамъ и перелазамъ, для развѣдочъ по пограничнымъ «цѣлкамъ-сакмамъ», и давали имъ за эту службу болѣе или менше обширныя помѣстья (*); другіе дѣлались «подсосѣдниками» и «закребетниками» у этихъ служилыхъ поселенцевъ или у прочихъ землечювыхъ пахарей, во большую часть они ходили бабылами подъ именемъ вольныхъ казаковъ, а цѣвали и похвалялись Богъ знаетъ гдѣ, кормились Богъ знаетъ чѣмъ, показывались нуною и по одиночкѣ то тамъ, то сямъ, и вдругъ исчезали безъ вѣсти, какъ перелетныя птицы.

(*) Отъ 50 до 300 четвертей каждому казку.

Съ началомъ смуты перемещенныхъ самозванщицею, эти волные казачьи стаи чаще и смѣлѣе показывались въ окрестностяхъ городовъ и вѣгостовъ, являлись толпами на сельскихъ ярмаркахъ и принимали угрожающій видъ. Коренные жители Сѣверія и помѣстные служилые казаки боялись ихъ и неважидан и съ радостью отводили въ губную избу на расправу всякаго бродягу, котораго имъ удавалось схватить на веровскомъ промыслѣ. Казаки мстили за своихъ товарищей новыми проказами и такимъ образомъ держали ошдаое населеніе Сѣверія во всегдашней бдительности и готовности отражать силу силой. Главная черта въ характерѣ всѣхъ вообще сѣверянъ была поэтому воинственность, которая-то болыно всего и помогла Самозванцу въ борьбѣ его съ ополченіями царя Бориса.

Теперь, когда вы нѣсколько ознакомились съ мѣстностью Литовской Украіны, или Сѣверія, мы съ вами можетъ отправиться бродить по ея лѣсамъ и болотамъ вслѣдъ за Алексѣемъ Однорогомъ, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ моей повѣсти. Онъ возвращался изъ чужеземщины, на Русь и въѣзжалъ сюда со стороны Литвы, осенью 1604 года, именно въ концѣ октября, когда отцѣлѣтная природа съ каждымъ порывомъ вѣтра теряла послѣдвіе лохмотья своей прежде богатой одежды.

Эта былъ статный и сильный молодець, хорошо вооруженный, на добромъ сѣромъ конѣ, въ каштанѣ изъ простого вельскаго сукна, съ мѣховыми опушками рыжаго цвѣта, и въ круглой шапкѣ изъ чернаго какого-то мѣху. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ, на каремъ, тоже добромъ конѣ, слуга его Добрыня, старикъ невзрачный, толстоносый, узкоглавый, весь сморщенный, но при всемъ томъ не оттаивающій своею наружностью и глядѣніемъ такъ, какъ будто готовъ сейчасъ махнуть всякаго добраго чело-вѣка хоронимъ совѣтомъ или разсказать что нибудь диковинное.

Алексѣй Однорогъ былъ одинъ изъ семнадцати молодыхъ людей, отправленныхъ царемъ Борисомъ въ нѣмецкія земли для науки всему полезному, чего не знали на Русь. Мѣтъ пять странствовалъ онъ по разнымъ европейскимъ государствамъ,

освоился съ чужими языками и обычаями, перенялъ многое отъ разныхъ иноземныхъ мастеровъ и нижнихъ людей, пробовалъ сражаться въ иноземныхъ арміяхъ и особенно понаторѣлъ въ малоизвѣстномъ топаѣ на Руси «огненномъ боѣ» во всѣхъ его примѣненіяхъ.

Старый слуга Добрыня, отравленный отцомъ Алексѣя видѣть съ нимъ для береженья молодого боярча и надзора надъ нимъ, потерпѣлся довольно страху за него и за себя въ переѣздахъ черезъ заоблачныя горы и бездонныя пропасти, въ опасныхъ плаваніяхъ по морямъ, въ житиѣ-бытѣ между народами неправославными, которыхъ онъ почиталъ нехристями и чуть не людоедами, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда горячій нравъ Алексѣя увлекалъ его въ схватку на шпагахъ съ нѣмецкими забіяками или въ сраженіе, гдѣ онъ рисковалъ головой Богъ знаетъ за какую землю и за какого государя; насилу удержалъ душу въ тѣлѣ бѣдный старикъ отъ вѣчныхъ безпокойствъ и гореванья; изсушила, изтомила его чужбина; сѣрая голова его побѣлѣла, какъ Воробьевы горы въ зиму; согнуло бѣднягу въ дугу, и пять лѣтъ показались ему пятью вѣками.

Но не допустилъ-таки Господь своего усерднаго молителю умереть на чужой сторонѣ. Вотъ онъ возвращается на Святую Русь, къ могиламъ дѣдовъ и пращуровъ. Ожилъ старикъ и страхнулъ со спины нѣсколько тяжкихъ родовъ при одномъ восклицаніи: «Вотъ она! вотъ русская земля!» и теперь сердце его томится только желаніемъ увидѣть русскій крестъ на церковной главѣ, а старая кровь его волнуется только отъ вѣтѣрнѣйша похвалиться скорѣе передъ честными людьми на Москвѣ своимъ питомцемъ и сдать его съ рукъ на руки старому боярину.

Товарищъ странствій Добрыни, Алексѣй, прѣдъ нимъ его жаждалъ возвращенія на родину; но чужеземщина совсѣмъ иначе подѣйствовала на его душу и здоровье, — видно потому, говорила старикъ, что молодое дерево пересадить легко въ садъ, а старое будетъ зеленѣть тамъ только, гдѣ выросло. Алексѣй оставилъ Русь топкимъ, худощавымъ юношею и сложился въ дюжого, широкоплечаго мужчину. На щекахъ его игралъ здоровый румянецъ, потемнѣвшій отъ южнаго солнца; пріятно очертанныя губы оживлены были почти всегда легкой улыбкою, которая говорила ясно, что душа его не знавала стра-

стой, проводящихъ морщины на лицѣ и изгоняющихъ изъ сердца радостное ощущеніе бытія.

Онъ былъ привлекательный молодой человекъ, хотя ни его слабо-голубые, почти сѣрые глаза, ни носъ, очертапный грубовато, ни лобъ довольно низкій и гладкій, безъ живописныхъ выпуклостей, ничто не создано было какъ у красавцевъ. Онъ только тѣмъ и бралъ, что въ выраженіи его лица, въ голосѣ и движеніяхъ отражались ясная правдивая душа и горячее сердце.

Итакъ, Алексѣй Однорогъ и его вѣрный пѣстунъ возвращались домой. Вы, конечно, знаете, что былъ въ то время путь изъ Литвы въ Московское государство другой, гораздо лучше проторенный; но наши путники избрали Новгородскую сѣверскую дорогу по особенной причинѣ, о которой узнаете въ послѣ.

Уже давно оставили они послѣднюю деревню, населенную одноплеменниками западныхъ сѣверянъ, признававшими «осударемъ» польскаго Жигимонта, давно уже ѣхали по землѣ царя московскаго, но не встрѣтили еще ни погоста, ни починка, ни однопкой избы, гдѣ бы назвали ихъ *земляками* — именемъ, самымъ пріятнымъ послѣ долгаго странствія по чужбинѣ.

Области Московскаго государства отдѣлялись тогда отъ иноземныхъ не чертами, строго опредѣленными, а широкими пустынными полосами, которыя хотя по договорнымъ грамотамъ и принадлежали государству, но въ сущности тамъ жили только зѣбри «прыскучіе», птицы перелетныя да неподвижныя племена деревьевъ. Въ эти пустыни отъ времени до времени выѣзжали, по одному и по два, станичные казаки соглядать, не идутъ ли съ чужой стороны «воинскіе люди» на Русь, пробѣгали по условленнымъ путямъ — «сакмамъ», встрѣчались съ сошедшими объѣздами, мѣнялись «доѣздными памятями» и возвращались на свои сторожи, которыя раскинуты были жидкою цѣпью по пустынямъ, въ виду чужихъ степей, передъ городами Брянскомъ, Стародубомъ, Почепомъ, Новгородомъ-Сѣверскимъ, Путивлемъ и такъ далѣе.

Новгородская гонная дорога, несмотря на названіе свое большая, веда нашихъ путниковъ то узкими лѣсными просѣками, то гнилыми болотными гатами, то бугроватыми и извилистыми торами по дикому полю, на которомъ степной бурьянъ и

густой дрокъ спорили за каждый оазисъ чернозема съ жесткими, низкорослыми кустарниками.

День склонялся къ вечеру. Солнце довольно часто выбивалось на просторъ изъ за густыхъ облаковъ, тяжело идущихъ по небу съ готовымъ запасомъ снѣгу на зиму. Вся сторона кругомъ, отъ перемѣчиваго освѣщенія, то усмѣхалась, то хмурилась. Съ возвышенностей, на которыя по временамъ поднимались путники, видны были впереди холмы за холмами, лѣса за лѣсами. Тонкая синяя мгла лежала по низменнымъ мѣстамъ, между тѣмъ какъ всѣ возвышенности горѣли теплыми красками, которыми осень расписала лѣса, кустарники и травистую землю.

Путники наши съ каждой высоты запускали зрѣніе въ глубину дико отцвѣтающаго передъ ними пейзажа, стараясь за этими нитями мгlistой синевы, за пестрыми рядами возвышенностей, за свѣтлыми полосами березовыхъ и темными грядами сосновыхъ лѣсовъ разглядѣть верхи церквей или дымъ деревенскій. Но ничего подобнаго вдали не мелькало. Кой-гдѣ блеснетъ сквозь туманную дымку излучина рѣчки, но на ней не чернѣетъ приземистая мельница; кой-гдѣ поднимается къ небу косвеннымъ столбомъ дымъ, но это не тотъ пріятный для усталаго путешественника дымъ, который обѣщаетъ ему ужинъ и ночлегъ: это гдѣ нибудь далеко въ сторону ползетъ пожаръ по смолистому сосновому бору.

Молодой человѣкъ спокойно ожидалъ, пока дорога приведетъ наконецъ ихъ къ какому нибудь пристанищу; но старикъ часто охалъ, пожимался на сѣдлѣ, покачивалъ головой и безпрестанно оглядывался по сторонамъ. Было, однакожъ, видно, что его беспокоило вѣчто гораздо важнѣйшее, нежели усталость и безпріютность страны. Дѣйствительно, когда они еще раза три взѣхали на возвышенность и спустились въ сырое удолье, и когда лѣсъ, перемежаемый до сихъ поръ открытыми мѣстами, потянулся по обѣ стороны дороги, какъ двѣ стѣны, онъ высказалъ — и, можетъ быть, въ сотый разъ уже — свое безпокойство.

— Эхъ, осударь Алексѣй Николанчъ, такъ началъ онъ: — неларомъ ты родился подъ вѣтеръ да подъ бурю. На все у тебя своя воля; больно прытокъ ты, на бѣду себѣ и мнѣ старику, придался. Ну, не цѣплялся ли я тебѣ въ полы: «Не сворачивай, сударь, на эту разбойничью дорогу, поѣзжай прямо на Смо-

ленскъ къ родимой Москвѣ; чай ждешь не дождешься старый бояринъ сына.» Но тебѣ запахло здѣсь бѣдами, а на бѣды ты привыкъ накликается. Эхъ, не дожить тебѣ до сѣдыхъ волосъ, — право такъ.

— Полно, полно ворчать. Пахомычъ, безопасно отвѣчалъ Алексѣй, которому вошла въ привычку укоры старика, какъ ребенку замѣчанія говорливой няни.

— Какъ не ворчать, батюшка мой! продолжалъ тотъ: — да ворчанье-то мое не въ прокъ тебѣ. Ахъ, кабы далъ мнѣ Господь сбить тебя на руки старому боярину! то-то бы свѣчу поставилъ Заступницѣ Усердной. И сбывъ бы я тебя, удалю головушку, цѣла и невредима, когда бь окаянный не напуталъ тебя ѣхать черезъ эту Сиверу! Вишь глушь-то кругомъ, глушь! И на помочъ цыкого не дозовешься.

— И, Пахомычъ! сказалъ Алексѣй: — что тебѣ все мерещатся разбойники? Вѣдь мы и самѣ, ты знаешь, съ усами.

— Эва! воскликнулъ, съ полу-досадою, съ полу-насмѣшкою, старикъ: — вишь какой храбрецъ, богатырь Илья Муромецъ, проявился! Защитить тебя небось кованая сорочка? Только ковию тяжесть. Тутъ не съ двумя, не съ тремя придется тягаться: тьма-тьмушая, говорятъ, сползлась головорѣзовъ — шапками забрасаютъ!

— А не ты ли, Добрыня Пахомычъ, говаривалъ почасти, что ни силачу, ни богачу, ни разумнику суда Божьяго не миновать?

— Да оно-то такъ, отвѣчалъ медленно Добрыня, побѣжденный собственнымъ оружіемъ, и, чтобъ переимѣнить основу своего ворчанья, сказалъ: — но зачѣмъ тебѣ владаться въ опасность въ за пустяковъ? Захотѣлось повидать свою нареченную, такъ надо повернуть на глухіе дебри, на медвѣжьи логовища, на казачьи притоны.

— Ну, угораздило меня сказать тебѣ про нареченную! сказалъ, усмѣхаясь, Алексѣй. — Я думалъ, это угомонитъ тебя, а ты разворчался пуще прежняго. Но послушай, Пахомычъ: вѣдь ты умный мужикъ?

— Вѣстимо, отвѣчалъ тотъ: — за умомъ къ нѣмцамъ не поѣхалъ бы....

— Ну, какъ же ты не разсудишь, что дѣло-го это стовтъ того, чтобъ пуститься хоть въ какую сторону?

— Стоять! хотѣлъ бы я знать, какъ оно этого стоитъ.

— А вотъ какъ: видишь ли, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, я зналъ толкъ въ жизни не больше запечнаго котенка.

— Теперь небось много ума-разума набрался! заворчалъ опять старикъ. — Своевольства да задору только набрался!

Но Алексѣй, не обращая на то вниманія, продолжалъ:

— Когда обручалъ меня батюшка съ Берендѣевой Парашею, чтобъ жениться мнѣ на ней, воротясь изъ чужеземщины, я готовъ былъ обручиться и со всякой дѣвушкой, по его выбору.

— А теперь какъ же? прервалъ его Добрыня: — теперь что-што пошелъ бы противъ отцовской воли?

— Не то, Пахомычъ, но по крайней мѣрѣ я бы пожелалъ теперь сперва видѣть суженую лицомъ.

— Вотъ-те на! да когда жъ это бывало на Руси, чтобъ показывали жениху невѣсту? Эко срамъ какой!

— Пускай бы мнѣ и не показывали, я самъ бы постарался посмотреть.

— Чтожь ты насильно, что ли, вломался бы въ дѣвичій теремъ?

— Ну, ужъ объ этомъ не заботься: придумалъ бы я, какъ согнать тучи съ ясна мѣсяца.

— Вотъ они, нѣмецкіе-то обычаи! сказалъ преданный, но вѣчно недовольный своимъ бояричемъ, Добрыня. — Ну, и чтожь? пускай бы ты посмогрѣлъ, а еслибъ не по праву? Такъ, небось, пошелъ бы къ батюшкѣ да сказалъ: «власть ваша, осударь батюшка, не любя мнѣ эта невѣста»?

— Вѣстимо.

— Господи, ты Боже мой! вотъ-те и заморскія науки! Ну, готовься къ отвѣту, Добрыня Пахомычъ: возлежѣлъ батюшкѣ сына на добро да на славу! научилъ уму-разуму!

Алексѣй не могъ удержаться отъ смѣху всякій разъ, когда его дядька простоудшно принималъ на себя отвѣтственность перелъ отцомъ за его нравственность, умъ и всѣ помышленія. Чтобъ пригасить, однакожь, негодование своего пѣстуна и сдѣлать его способнымъ продолжать разговоръ хоть нѣсколько минутъ безъ огорченія, онъ обратился къ хорошо испытанному средству.

— Послушай ты меня, Добрынюшка, сказалъ онъ.

— Слушаю, отвѣчалъ тотъ, все-еще съ прежнимъ выраженіемъ лица.

— Вѣдь ты мужицъ-то головастый!

Нѣсколько морщинъ изгладилась на черствомъ лицѣ старика, а онъ, погладивъ свою небольшую, бѣлую, съ желтизною бородку, отвѣчалъ:

— Вѣстимо дѣло: небось, твой батюшка не отдалъ бы тебя дураку подъ началъ.

— Ну, такъ какже ты этого не возмешь въ толкъ, что съ женой сойтись — вѣкъ не развестись?

— Вотъ это по нашенски сказано, замѣтилъ Добрыня: — ты всегда умно говоришь, когда повторяешь мои рѣчи. Посмотримъ дальше, къ чему ты рѣчь-то гнешь.

— Какже мнѣ, Пахомычъ, жениться не по сердцу? Теперь-то мимоѣдомъ и взглянуть мнѣ на нее, и коли не по нраву, то лучше вѣкъ не жениться. Ужь я найду, какъ мнѣ переговорить съ батюшкой; а изъ Москвы ѣздить въ такую даль на развѣдъ не приходится.

— Глупенько ты разсудилъ, осударь мой, сказалъ на это Добрыня. — Живутъ въ добрѣ и съ непригожими. Лучше всего положиться на волю Божию. Жена мужу отъ Бога дается. Ты, баричъ, нѣмеччину отряхни злѣсь въ двкомъ бору, коли хочешь пожить счастливо на святой Руси.... Но чу! что это? сказалъ Добрыня, пережѣнясь въ лицѣ.

— Чего ты испугался? отвѣчалъ Алексѣй: — это пѣсня.

— Да пѣсня-то, я слышу, да что за напѣвъ такой! словно сова завываетъ!

Изъ глубины лѣса съ лѣвой стороны, кто-то звонкимъ и двкимъ голосомъ пропѣлъ, или, лучше сказать, прокричалъ, что-то похожее на пѣсню:

Гой, ты, боръ-борина!

Эхо звучно пошло по высокимъ деревьямъ, на которыхъ мало оставалось листьевъ, и когда умолкнуло, съ правой стороны другой голосъ отвѣчалъ:

Ты, чужая сторона!

— Господи! проговорилъ тихо Добрыня: — сердце такъ и заходило: быть бѣдѣ!

— Эхъ, ты, Добрыня! екавалъ Алексѣй: — ворочникъ только богатырское имя.

— Слушай, слушай! шепталъ тотъ, весь въ трепетѣ.

Съ лѣвой стороны лѣса понесся новый стадъ пѣсни:

Приютъ ты молодецъ

И въ отвѣтъ ему съ лѣвой:

Безъ матери, безъ отца.

На этотъ разъ голоса послышались явственнѣе. Ихъ выраженіе неизвѣстно какимъ показалось Алексѣю, но Добрыня охотнѣе услышалъ бы въ полночь на кладбищѣ голоса покойниковъ; когда они, какъ онъ, бывало, самъ рассказываетъ, кажутся при свѣтѣ мѣсяца.

Онъ подѣхалъ къ своему спутнику такъ близко, что конь его терся бокомъ о своего товарища, и какъ испугъ, такъ же, какъ и мужество человѣка, сообщается этому чуткому животному, то конь Добрыни насторожилъ уши и боязливо поводилъ глазами, между тѣмъ какъ его сосѣдъ, досадуя на помѣху, ворчалъ на него и перемѣнилъ ровную рысь на рьяные скачки.

Между тѣмъ пѣсня въ лѣсу продолжалась и слышна была уже очень близко.

Добрыня застоналъ и, схвата за поводъ коня Алексѣева, умолялъ боярича воротиться назадъ. Но въ то же мгновеніе ему показалось, что голоса раздаются сзади, и онъ, бросивъ поводья, убѣждалъ его, съ краснорѣчіемъ испуганнаго человѣка, прищипорить лошадей и летѣть впередъ безъ оглядки.

Было, однакожь, поздно бѣжать, потому что голоса раздались впереди очень близко:

Ты, тоска кручина, прочь!

Разгуляйся, молодецъ!

И въ нѣсколькихъ шагахъ показалось съ обѣихъ сторонъ на дорогѣ по человѣческой фигурѣ: одна — на конѣ, другая, какъ говорилось въ старину, сама-о-себѣ.

Солнце свѣтило въ лицо нашимъ путникамъ и не давало разсмотрѣть хорошо этихъ людей. Они чернѣли на свѣтлой глубинѣ ярко освѣщенной солнцемъ прорѣки и показались Добрынѣ великанами. Двѣ длинныя тѣни, достигавшія по землѣ почти до

копыть его коня, еще увеличивали впечатлѣніе страха, который проявлялъ бѣднаго старика до костей.

Онъ уже поворотилъ было коня на уходъ и хотѣлъ опять схватить поводъ своего боярича, но тотъ быстро отскочилъ въ сторону и подѣхалъ къ двумъ великанамъ, заступившимъ ему дорогу.

Конный великанъ былъ въ самомъ дѣлѣ крупной породы мужчина, съ черною, окладистою бородою и съ правильными очертаніями лица, которое можно бы назвать очень красивымъ, еслибъ густыя брови не висѣли чернымъ облакомъ надъ его сверкающими глазами. Впрочемъ, наружность его не имѣла въ себѣ ничего разбойничьяго, и еслибъ онъ повстрѣчался Алексѣю иначе, то былъ бы принятъ имъ за честнаго горожанина, за боярскаго сына или за дворянина средней руки.

На немъ былъ широкій охвачень изъ толстаго, кирпичнаго цвѣта, сукна, которое, будучи охвачено на плечахъ и на рукавахъ свѣтящимъ сзади солнцемъ, ярко горѣло на темной зелени сосенъ; на глаза надвинута была шапка изъ черныхъ барашковъ, съ четверо-угольнымъ мѣховымъ козырькомъ, который былъ приподнятъ, но могъ, опускаясь, защищать глаза отъ солнца и вмѣстѣ съ стоящимъ воротникомъ охачня закрывать лицо отъ любопытныхъ; ноги были обуты въ огромные до коленъ сапожищи, а вооруженіе его — тогда никто не выѣжалъ въ дорогу безъ оружія — состояло изъ меча при боку и желѣзной, скованной наподобіе молота, боевой палицы, которая висѣла у сѣдла. Все это было очень небогато, какъ у зажиточнаго простолюдина; но прекрасный чернѣйшій жеребецъ, на которомъ онъ сидѣлъ, давалъ ему наружность особы значительной.

Товарищъ его былъ человекъ совсѣмъ другого покроя: худощавый, рыжебородый, со взглядомъ сѣверскаго медвѣдя. Кожа на его рукахъ, ногахъ и на лицѣ до того потемнѣла и огрубѣла отъ вліянія жаровъ и холода, что потеряла природный цвѣтъ свой и казалась чѣмъ-то похожимъ на юфту.

Но еще замѣчательнѣй была его одежда. Вся она состояла изъ короткаго тулупчика, котораго переднія полы были привязаны веревочками къ заднимъ, такъ что тулупчикъ служилъ ему вмѣстѣ и панталонами, да изъ башмаковъ, сдѣланныхъ изъ двухъ кусковъ кожи и обтянутыхъ вокругъ голыхъ ногъ лыками; а оружіемъ были огромная дубина на плечѣ и

длинный ножъ, пригнѣпленный къ кожаному поясу. Шапки, сапожки и другихъ принадлежностей одежды ему, видно, было не нужно или негдѣ было взять.

Едва Алексѣй успѣлъ окинуть обонхъ взглядомъ, какъ всадникъ наскочилъ на коня его такъ близко, что тотъ попытался назадъ, и, схватясь за рукоять меча, закричалъ:

— Чья сторона?

Не понявъ этого вопроса, Алексѣй обнажилъ саблю и сказалъ:

— Прочь съ дороги, или убью!

— О-го! воскликнулъ незнакомецъ, приготовясь къ защитѣ: — въ нашенъ дому хозяйничать! За это стоитъ проучить по-свойски молодца. Но говори сперва, чья сторона? За кого ты? Борисъ али Димитрій?

«Вотъ что!» подумалъ Алексѣй.

И отвѣчалъ смѣло:

— Борисъ!

— Такъ не смѣй же важничать въ осударевей ватчинѣ, го-дуновець! сказала тотъ. — Сдайся, или тутъ же положишь голову!

— За царя моего радъ положить всегда голову, отвѣчалъ Алексѣй: — но еще посмотримъ, кто кому страшень.

И выпалъ на него по правиламъ иноземнаго фехтованья.

— Ай-ай! сказалъ съ удивленіемъ его противникъ, отпарировавъ ударъ съ искусствомъ, которое также удивило Алексѣя. — Давно не встрѣчался я, продолжалъ бородачь: — съ соколомъ такого полета. Откуда пожаловалъ, удалецъ, на святую Русь за смертью?

И, говоря это, онъ продолжалъ отпущать ударъ за ударомъ такъ ловко и сильно, что только добрая миланская кольчуга давала нашему молодому путешественнику смѣлость презирать ихъ.

Все это произошло такъ быстро, что Добрыня готовъ былъ думать, что видитъ сонъ. Однакожъ, стукъ и блескъ оружія говорилъ ему ясно объ опасности, которой подвергается господинъ его. Нѣсколько секундъ онъ былъ въ оцѣпенѣніи: такъ сильно поразила его мысль о возможной смерти молодого боярина среди этихъ глухихъ пустынь; но скоро онъ преодолѣлъ свой ужасъ и, какъ человѣкъ, приближающій къ послѣднему усилію въ отчаян-

помъ случаѣ, выхватилъ саблю и поскакалъ на помощь Алексѣю.

Въ ту минуту какъ будто молодость воротилась-къ старику: такъ много силы чувствовалъ онъ въ рукѣ своей. Но дѣло доказало, что сила эта была у него только въ сердцахъ. Пѣшій разбойникъ — иначе никто не назвалъ бы оборванца, — въ два скачка, не уступавшіе скачкамъ олени, очутился между нимъ и предметомъ его сердоболія, остановилъ за узду его лошадь и замахнулся на него дубиною.

— Не шевелись, старина! закричалъ онъ: — ато тутъ тебѣ и аминь!

Но Добрыня нашъ не струсилъ и отпустилъ ему такой ударъ, который, какъ ему казалось, перестѣкъ бы одинъ изъ трехъ дубовъ, поддерживавшихъ гнѣздо Соловья-Разбойника.

Оказалось, однакожь, что дубина этого бродяги была крѣпче воображаемыхъ дубовъ. Повторенные удары также отражены были успѣшно и доказали, что жизнь и смерть сѣдой бороды зависятъ вполнѣ отъ рыжей.

Но не о собственной жизни и смерти думалъ старикъ: каждый взявъ меча плечистаго противника алексѣева падалъ на его сердце. Уже ему мерещилась могила съ бѣднымъ крестомъ при глухой лѣсной дорогѣ, и видѣлъ онъ самого себя издыхающимъ на этой могилѣ. И дѣйствительно, гдѣ бы ни умеръ молодой бояричъ, Добрыня остался бы скитаться вокругъ того мѣста, пока тамъ же и самъ не сложилъ бы костей своихъ въ сырую землю.

Слезы выступили у него изъ глазъ, съ досады на его безсиліе, и, не находя другого средства помочь своему господину, онъ закричалъ трепещущимъ отъ волненія голосомъ:

— Безбожники! Знаете ли вы, на кого напали? уберите, окаянные, своей дорогою, али будетъ вамъ казнь отъ царя такая, какой не слыхано! Слышите? это бояричъ Однорогъ, не простой дворянинъ! За каждый волосъ его дадите отвѣтъ.

На этотъ разъ дряхлому тезкѣ сказочнаго богатыря посчастливилось больше, нежели, можетъ быть, самъ онъ ожидалъ: имя боярича Однорога подѣйствовало волшебнио на лѣсныхъ вѣтвяхъ.

— Стой, стой! закричал конный, осаживая назаль своего жеребца. — Такъ ты въ самомъ дѣлѣ Однорогъ, сынъ боярина Николы Аонасыча?

— Да, я его сынъ, отвѣчалъ Алексѣй, удивляясь, что въ этихъ притонахъ знаютъ его отца.

— Такъ намъ не за что съ тобой драться, сказалъ тотъ, вкладывая въ ножны мечъ.—ты будешь нашъ. Ай да рубака! искры летять, что изъ подъ молота!

— Съ какой стати мнѣ быть вашимъ? спросилъ съ досадою Алексѣй:—и кто ты, что смѣешь сына боярина Однорога называть своимъ?

— Да какже сыну-то боярина Николы Аонасыча не быть нашимъ? отвѣчалъ съ увѣренностью незнакомецъ.

— Чтò за новости! говорилъ Алексѣй, внѣ себя отъ удивленія. — Съ чего ты взялъ, чтобъ бояринъ Никола Аонасычъ Однорогъ измѣнилъ своему царю, Борису Феодоровичу?

— Я не скажу, отвѣчалъ тотъ: — что онъ измѣнилъ, а знаю, что онъ вѣренъ *природному* царю московскому. Да чтò объэтомъ толковать на перепутьи? Добро пожаловать, бояричъ, насвятую Русь изъ чужеземщины праздновать съ русскимъ народомъ великій праздникъ возврата осударева на свой прародительскій престолъ! Мы не враги съ тобой, а пріатели, слуги одного царя.

— Мой царь Борисъ Феодоровичъ! воскликнулъ Алексѣй. — Никогда не буду я слугою бродяги-самозванца, и тотъ клевететь, кто говоритъ, что старый бояринъ Однорогъ промѣняетъ своего законнаго царя на вора!

— У, горячая кровь! знатная кровь! сказалъ весело незнакомецъ, взглянувъ на своего товарища, который, оставя въ покоѣ Добрыню, стоялъ неподвижно, опершись на дубину, и вслушивался въ разговоръ. — Славная кровь! такихъ-то молодцовъ намъ теперь и надо!

— Но кто ты, еще разъ спрашиваю, вскричалъ Алексѣй: — что такъ смѣло на царской дорогѣ возглашаешь царемъ Самозванца?

— А воевода новгородскій-сѣверскій, отвѣчалъ тотъ съ гордымъ видомъ, какой только могъ принять на себя какой бы то ни было воевода.

— Какъ! воскликнулъ Алексѣй, пораженный этими словами больше прежняго: — ты воевода Плесецкѣ, Алексѣй Романовичъ?

— Какой Плесецкѣ! было ему отвѣтомъ: — я, Парфиль Мулюха, я настоящій воевода здѣшній. Опъ и него братія не смѣютъ носа выткнуть изъ своей кучки, а мой голосъ знаютъ все здѣшніе лѣса и болота, трушобы непроходныя и топи бездонныя!

Алексѣй не могъ прійти въ себя отъ удивленія.

«Неужели — думая оны — края государства уже затѣлись явной измѣной?»

Другая мысль его была объ отцѣ. Пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ отсутствіи, неужели могли переродить человѣка, самаго твердаго, самаго вѣрнаго царю, самаго доблестнаго, какого только оны зналъ на Руси? Пускай бы еще говорилъ ему объ этомъ простолюдинъ, тогда бы оны заткнулъ себѣ уши; но слышать такую вѣсть не въ тайну отъ измѣнника-воеводы нельзя было безъ горькаго сомнѣнія даже и въ томъ, на кого оны полагался во всякомъ случаѣ больше, нежели на самого себя.

Эти мысли такъ тяжело налегли на душу Алексѣю, что когда Мулюха протянулъ ему руку въ знакъ примиренія и дружбы, оны безсознательно подалъ ему свою, — но вдругъ отхватилъ и сказалъ:

— Нѣтъ, не подамъ руки измѣннику царя!

— Измѣннику Ворнея Годунова, ты хочешь сказать, отвѣчалъ тотъ, не обидясь: — но вѣрному слугѣ царскому. Твой отецъ такой же измѣнникъ и такой же вѣрный подданный, какъ и я.

— Это говоришь ты, сказалъ, подумавъ, Алексѣй. — Нѣтъ, не можетъ быть, нѣтъ в сто разъ нѣтъ, чтобы старшій бояринъ Одворогъ измѣнилъ своему государю!

— А если ты услышишь это отъ самого батюшки, тогда что?

— Тогда.... тогда увидишь, что; хвалиться нечего заранѣ.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ Мулюха: — ты не откажешься отъ вочлега въ воеводскомъ домѣ. Кто не радъ угостить сына боярина Николая Афанасьича?

— Нѣтъ, не войду и подъ кровлю къ мятежнику; отвѣчалъ Алексѣй. — Мы сойдемся съ тобой только на кровавомъ пиру,

въ полѣ ратномъ. Тамъ сынъ боярина Однорога разопьеть съ крамольниками охотно чашу смертную.

— Ай да молодецъ же! воскликнулъ Мулюха. — Ну, право, хоть ты и упираешься покажѣсть за своего Годунова, но не могу натѣшиться твоими рѣчами: точно уголье въ горну полѣ мѣхомъ! Перемѣни только имя Бориса на Димитрія, и будутъ чудныя, истинно боярскія рѣчи!

— Прощай и забудь, что меня видѣлъ, сказалъ Алексѣй, опуская поводья.

— Погоди маленько, сказалъ Мулюха, заѣхавъ ему дорогу. — Ты неразумно отказываешься отъ моего ночлега. До самого Путивля и за Путивль еще тебѣ придется спать подъ открытымъ небомъ, коли захочешь ночевать только у своихъ. И въ самой твоей материнской вотчинѣ путивльской, въ Перебоишѣ — вѣдомо мнѣ и это — ты не найдешь ни одного двора, гдѣ бы не славили царевнча Димитрія.

— Въ самомъ дѣлѣ? воскликнулъ Алексѣй, в холодъ пошелъ по его тѣлу при мысли, что Самозванецъ въ Литвѣ набираетъ и наберетъ себѣ тысячи человекъ ополченія, а тутъ уже знатная часть государства отпала отъ законнаго царя московскаго.

Тревога его не укрылась отъ пронизательнаго взгляда Мулюхи.

— Поѣдемъ, бояричъ, сказалъ онъ: — ты узнаешь отъ меня столько, что поуменьшишь свою вѣрность къ гонителю природнаго царя. Но погоди, дай отпустить мнѣ своего Огонь-Бороду.

— Эй, ты, Огонь-Борода, сказалъ онъ своему товарищу: — ступай въ Чертово-Хайлище, вели Недогону съ товарищами жрать въ Зубрицкомъ Яру, пока красный пѣтухъ ударитъ крыльями. Тогда стрѣлой на куку-рѣжу.

Огонь-Борода кивнулъ головой, какъ будто сказалъ: *слекамъ*, повернулся на одной ногѣ и исчезъ въ лѣсу.

Это пахло чѣмъ-то зловѣщимъ и съ одной стороны отталкивало Алексѣя отъ Мулюхи, какъ отъ человека, пропитаннаго насквозь кровью, но съ другой — непреодолимое любопытство влекло его, наперекоръ его убѣжденіямъ, къ непостижимому во еводѣ новгородскому. Желаніе узнать поскорѣе о положеніи дѣлъ въ отечествѣ и объ отцѣ своемъ, котораго Мулюха зналъ, помогло ему также преодолѣть отвращеніе къ обществу изгнаника.

Онъ опустилъ поводья и пѣсколько минутъ ѣхалъ рядомъ съ Мулюхой молча; мысли, одна другой тяжелѣе, клонили внизъ его голову. Скоро, однакожь, въ его умѣ сверкнула свѣтлая догадка и на минуту озарила всѣ его недоумѣнія. Въ ухваткахъ и рѣчахъ своего новаго знакомяца замѣтилъ Алексѣй что-то мужицкое, не боярское: манеры и рѣчи бояръ и тогда рѣзко отличались отъ ухватокъ и рѣчей простолюдиновъ. Самое имя *Порфирій*, обращенное въ простонародное *Парфиль*, наводило сомнѣніе на подлинность его званія.

— Послушай, господинъ воевода, сказалъ Алексѣй: — что это за прозвище у тебя такое чудное? Я никогда не слыхалъ на Москвѣ имени боярина Мулюхи, хотя слыхалъ и знаю бояръ и дворянъ безъ числа.

— Это оттого, другъ любезный, отвѣчалъ Мулюха: — что я вышелъ недавно изъ малыхъ людей въ воеводы (*). Это твой Борисъ Годуновъ нарядилъ меня въ сѣверскіе правители.

— И ты, воскликнулъ съ негодованіемъ Алексѣй: — вытасченный царемъ изъ грязи, такъ отблагодарилъ его за благолѣніе!

— Не горячись, пока не свѣдаешь, какъ было была, отвѣчалъ спокойно Мулюха. — Иное дѣло Москва, иное дѣло Сивера-глушь. Лучше бы мнѣ быть на Москвѣ какимъ ни на есть мастеромъ, чѣмъ въ этомъ захолустьи воеводою. Вашъ царь не допускаетъ нашего брата къ Москвѣ и близко: воеводствуи волей и неволей на рубежѣ; а нашъ осударь Дмитрей Ивановичъ всѣмъ путь откроетъ къ Москвѣ свободный. Но не за это одно мы ему служимъ, а больше за то, что онъ природный осударь московскій.

Пожалъ плечами Алексѣй: дико, какъ лѣсной вѣтеръ, шумѣли въ его ушахъ рѣчи мулюхины. Онъ, однакожь, продолжалъ задавать ему вопросы за вопросами, и Мулюха рассказалъ ему, что Русь для Бориса и Борисъ для Руси совсѣмъ уже не то, что были въ памятное и для Алексѣя время подъ Серпуховымъ. Тогда по грамотѣ Годунова, котораго считали царемъ законнымъ, пятьсотъ тысячъ войска собралось на берегахъ Оки. Теперь тѣ самые бояре, дворяне и боярскіе дѣти, которые шесть лѣтъ тому назадъ выѣзжали въ поле съ густымъ роемъ даточ-

(*) При Борисѣ Годуновѣ это могло случиться: мѣстничество тогда было весьма много.

пыхъ людей и холопей, подѣлались *плтчицами*. Однихъ пѣтъ въ полкахъ — прикинулись въ болѣзнь, другихъ раззорилъ голодъ, у третьихъ сбѣжали холопи со двора, выселились крестьяне въ Юрьевъ день, а иной *въ-плтцахъ* такъ себѣ, малый за стараго прчется.

— Всѣми способами, рассказывалъ Мулюха: — собрали къ Брянску кой-какую рать, да и оттуда кто изнурился отъ долгаго стоянья въ полѣ, кто испроторилъ запасы, давай распозаться по домамъ за подмогою, и стала рать борисова жидка. Дмитрій царевич на границѣ, а она не смѣетъ выступить въ Украйну. Прошли тѣ времена, что казаки, какъ пауки по паутинѣ, сновали взадъ и впередъ по степямъ съ дождными вѣстями. — Я самъ, продолжалъ Мулюха, присанившись: — въ серпуховскій годъ наряженъ былъ заставнымъ головою, въ степяхъ надъ Донцомъ-рѣкой. У насъ отъ засѣки къ засѣкѣ, отъ сторожи къ сторожѣ ты не выбралъ бы полъ-часа въ сутки, чтобы пролѣзть къ городамъ, не повстрѣчавшись съ казаками. Стена, лѣса и рѣки, въ полдневный жаръ и въ утреннюю росу, и при мѣсячномъ свѣтѣ, звенѣли нашими голосами и выстрѣлами. Какъ стрѣла изъ лука, такъ вѣсть отъ одной сторожи до другой летѣла, и чуть завидитъ сторожевой казакъ съ дерева гонца, то по взмаху шапки смекнетъ, въ чемъ дѣло, и уже на конѣ, и летитъ свистить къ очередной сторожѣ, и черезъ часъ изъ города двинулся уже заставный голова со стрѣльцами на перерѣзъ неприятелю. А теперь, какъ здѣсь проѣхали вы отъ самой границы подъ самый немало Новгородъ, такъ поѣзжайте и со стороны Черкасъ и съ Татарскаго кону — вездѣ вамъ будетъ просто отъ любителей Годунова, не просто лишь отъ слугъ царя природнаго. Мы зорко смотримъ по лѣсамъ и болотамъ, и любители царя Бориса боятся нашего оклика, какъ лоси и козы охотничья рога. Отблагодарили казаковъ за ихъ усердіе. Ты видѣлъ моего Огонь-Бороду, въ какомъ нарядѣ разгуливаетъ онъ по лѣсу; да и то кабы не Парфиль, не Мулюха, такъ ходи съ булавой, что «перехожій-калика». Зато жь и они теперь поклонятся добрымъ поклономъ! своими трупами помостятъ они мостъ надеждъ-царевичу къ Москвѣ бѣлокаменной.

Всего больше, даже больше, нежели самая злоба Мулюхи на царя Бориса Годунова, была не по сердцу Алексѣю эта восторженность, съ которою отчаянный крамольникъ описывалъ ему

шохія обстоятельства царствующаго государя и усердіе украинскихъ казаковъ къ Самозванцу.

Но тѣ же самыя рѣчи производили противное дѣйствіе на вѣрнаго его пѣстуна. Добрыня любилъ царя не меньше, какъ и господинъ его, но только царя, а не Годунова. Молва о чудесномъ спасеніи сына Іоанна Васильевича Грознаго, которой захлебнулъ онъ въ Польшѣ, живо подѣйствовала на старое его воображеніе, и сколько Алексѣй ни убѣждалъ его разными доводами, что не можетъ быть живъ младенецъ Димитрій, убитый въ Угличѣ среди бѣла дня, и котораго смерть была изслѣдована боярами и властями на самомъ мѣстѣ убійства, старика, наперекоръ разсудку, очаровывала дивная судьба воображаемаго царевича.

Онъ жадно выслушивалъ въ Польшѣ и въ Литвѣ разказы о томъ, какъ царица Марѳа, узнавъ о замыслѣ Годунова погубить наследника престола, подмѣнила, будто бы, царевича Димитрія похожимъ на него мальчикомъ, а самого его отправля тайно въ Литву съ вѣрными слугами; какъ царевичъ, въ видѣ простого сироты, ходилъ изъ дому въ домъ по Литвѣ, пуще всего боясь, чтобъ не узнали, кто онъ, и какъ наконецъ, въ опасной болѣзни, открылся онъ въ своемъ родѣ-племеніи литовскому пану, у котораго жилъ слугою, чтобы тотъ, по его смерти, передалъ на Русь вѣсть о сынѣ царя Іоанна Васильевича, погибшемъ въ чужеземной сторонѣ, съ его наказомъ къ православному люду русскому творить молитвенныя поминанія о душѣ его.

Грустное положеніе мнимаго царевича, умирающаго среди иновѣрцевъ, живо трогало сердце Добрыни, полное тоской по родинѣ, боязнь умереть на чужой сторонѣ и страстнымъ желаніемъ воротиться на святую Русь. Онъ, правда, иногда какъ будто и покорялся доводамъ Алексѣя, но память его скоро теряла нить умозаключеній, а въ сердцѣ между тѣмъ сама собой виѣдрялась болѣе и болѣе чудная повѣсть о покровительствѣ Божиемъ надъ беззащитной головой царственнаго юноши.

Поэтому онъ съ восторгомъ услышалъ, что на Руси также признають Димитрія царевичемъ, и рѣчи Мулюхи были для него водою, напоющею горячую песчаную равнину души его. Радость его была тѣмъ живѣе, что разбойники, угрожавшіе смертью Алексѣю, оказались слугами природнаго царя московскаго.

Но ему сдѣлалось опять чего-то страшно, когда Мулюха, пробѣжавъ съ версту, прервалъ разговоръ съ его бояричемъ и, оглянувшись кругомъ на деревья, завопилъ — нельзя сказать: заплакъ — прежнюю пѣсню :

Гой, ты, боръ-борица!

Голосъ его, какъ труба, загремѣлъ въ лѣсу, и черезъ минуту послышался вдали чуть внятный, но знакомый уже Добрыни и Алексѣю, отвѣтный стихъ :

Ты, чужая сторона!

Съ каждымъ новымъ кличемъ быстро усиливался отвѣтный голосъ, наконецъ прозвучалъ за передними соснами; вслѣдъ за тѣмъ затрещали сухія вѣтки, и показался изъ лѣсу человекъ, одѣтый и вооруженный не лучше Огонь-Бороды, — только этотъ былъ объ одномъ глазѣ, и такъ неприятны для зрѣнія были его исключенные сѣдые волосы и сѣрая борода, сбившаяся въ колтунъ, что Добрыня невольно проговорилъ :

— Это одиноголазый лѣшій, прости Господи!

— А, это ты, Полосастый Климъ? сказалъ Мулюха. — Кто стоитъ на броду, на забобѣ, у Ольгина Тору, черняки аль бѣляки?

— Бѣляки, отвѣчалъ Полосастый Климъ.

— А, проговорилъ Мулюха. — Вели Косолапу — ты найдешь его у Воеводскаго дуба — наказать въ Красную Розсошь, чтобъ были къ воеводѣ на домъ перелѣ полуночью.

Отправя и этого гонца, Мулюха сказалъ Алексѣю :

— Солнце скоро зайдетъ, бояричъ: мы не поспѣемъ гонной дорогой въ городъ на ужинъ: надо перехватиться намъ черезъ Ольгинъ Торъ, путемъ ближайшимъ.

— Что это за окликъ у васъ такой? спросилъ Алексѣй, которому все въ этомъ человекѣ казалось крайне необыкновеннымъ и невиданнымъ.

— А ты, бояричъ, знать, не бывывалъ на украинныхъ станицахъ? сказалъ ему, усмѣхнувшись, Мулюха. — Все здѣсь не по московски; человекъ здѣсь перерождается. Но вотъ погостишь у насъ на Сиверѣ, такъ не то увидишь и услышишь.

— Мнѣ некогда гостить здѣсь, отвѣчалъ Алексѣй: — я спѣшу въ Москву, какъ только кони вынесутъ.

— Слѣхъ твой напрасень, сказалъ таинственно Мулюха: — не ѣздить тебѣ дальше Сиверы.

— Какъ! воскликнулъ, быстро поворотясь къ нему, Алексѣй.

— Да ужъ я тебѣ говорю, что не ѣздить, отвѣчалъ тотъ спокойно.

— Чтѣбъ это значило? сказалъ Алексѣй, пораженный вдругъ странною мыслью, и рука его протянулась сама собой къ саблѣ: — не ловушка ли это? Если ты воевода только на перекресткахъ, то эта сабля жиню отправить тебя въ твое мѣсто.

Спокойная усмѣшка Мулюхи обезоружила Алексѣя.

— Прямой ли я воевода, сказалъ съ достоинствомъ этотъ загадочный человекъ: — объ этомъ ты узнаешь скоро. Если жъ тебѣ не по праву мой обычай, такъ ступай гонимой дорогой, а я поспѣшу на горичій ужишь объѣздомъ. — Только безъ меня смотри, чтобъ не случилось бѣды! Собаки не трогаютъ захожихъ только при хозяинѣ....

— О Господи! простоналъ Добрыня: — помилуй насъ грѣшныхъ! Батюшка Алексѣй Николаичъ, не покидай добраго человека въ дорогѣ!

— Солнце садится быстро, продолжалъ Мулюха: — прощай; у меня не одно еще сегодня дѣло.

Алексѣю стало стыдно его опрометчивости, хотя въ душѣ его все-таки оставалось какое-то сомнѣнiе насчетъ его необыкновеннаго знакомца, и, колеблясь нерѣшимостью, какъ ему думать и дѣйствовать, онъ спросилъ (а Мулюха, казалось, и ожидалъ этого вопроса):

— Но зачѣмъ же ты говоришь, что мнѣ не ѣздить дальше Сиверы?

— Объ этомъ, отвѣчалъ тотъ: — узнаешь ты отъ меня дома.

— Не думаешь ли ты силою задержать меня въ своемъ воеводствѣ? спросилъ Алексѣй.

— А что намъ изъ тебя добра, было ему отвѣтомъ: — коли ты силою будешь въ нашей рати? Идѣтъ, ты будешь нашимъ добровольно, и не позже, какъ сегодня, ты узнаешь, почему.

— Говори сейчасъ, или я съ тобой не поѣду.

— На это твоя воля. А я скажу тебѣ только въ городѣ, иго на прощаньи. Тогда узнаешь ты кой-что отъ меня и про ба-

тюшку боярина Николу Аознасыча. Ты, чай, думаешь, что онъ на Москвѣ, въ боярской думѣ застѣаетъ?

«Боже мой! — подумалъ Алексѣй, поколебавшись еще разъ въ своемъ убѣжденіи насательно отца: — неужели въ самомъ дѣлѣ онъ сталъ заодно съ этими крамольниками?»

И, не отвѣчая на вопросъ Мулюхи и боясь развѣдывать у него про отца больше, онъ поѣхалъ за своимъ проводникомъ, какъ прикованный въ нему цѣпью.

Мулюха повернулъ съ большой говной дороги на тропинку, такую узкую, что можно было ѣхать только гусемъ, да и то вѣтви хлестали безпрестанно по лицу съ обѣихъ сторонъ.

Долго извивались наши всадники между деревьями, наконецъ вѣхали въ березовый жиднякъ. Здѣсь дорожка пошла прямо, и часто сквозь березы открывалась глубина вида. Она представляла широкую котловину рѣчки, которая тихо плыла между камышчатыхъ топкихъ береговъ. Зарѣчная сторона, поднимаясь круто, была покрыта лѣсомъ, густымъ, раскрашеннымъ осенними цвѣтами и молчаливымъ. Солице скрывалось за горою; отъ этого весь видъ потянутъ былъ холодною тѣнью. Встававшій надъ водой туманъ дѣлалъ окрестность еще угрюмѣе.

— Тропинка эта, началъ говорить Мулюха: — гораздо короче большой дороги, только не всякъ пустится ею въ такую пору... я самъ, немного позже, ни за какія радости не поѣхалъ бы вдоль Ольгина Тора, да черезъ Буѣвище.

И слова эти сказаны были такимъ голосомъ, который далъ знать обоимъ спутникамъ, что тутъ скрывается что-то несвойское....

Сердце заходило въ старой груди Добрыни, и самъ Алексѣй спросилъ съ невольною торопливостію:

— А что?

— Да Богъ съ нимъ, отвѣчалъ Мулюха и остановилъ коня, чтобъ дать Алексѣю поровниаться съ собою. — Тутъ въ старину, продолжалъ онъ, понизя голосъ и посматривая на противоположный берегъ такъ, какъ будто боялся что-то увидѣть: — тутъ въ старину совершилось дѣло дивное, нелюдское....

— Что же такое? спросилъ Алексѣй, нечуждый суевѣрія своего вѣка, — суевѣрія, которое творило тьму повѣрій и балады по всей Европѣ и, среди безлюдныхъ мѣстъ, прославлен-

ныхъ какой нибудь волшебной или кровавой повѣстью, навело дрожь на людей; незнавшихъ страху въ битвахъ на сушѣ и на водѣ.

— А вотъ что, отвѣчалъ Мулюха. — Но я, право, не знаю, говорить ли мнѣ, или ужь отложить на другое время? какъ-то немножко тово.... страхъ проникаетъ. Они жь.... всѣ этакіе.... не любятъ, когда ихъ поминаютъ.

И остановился, вѣроятно, въ ожиданіи просьбы; но Алексѣй освободился уже отъ перваго впечатлѣнія таинственнаго голоса Мулюхи и молчалъ, стѣсненный сознаниемъ, что этотъ человѣкъ, котораго онъ презиралъ какъ измѣнника, въ короткое время покорилъ его своему вліянію; а Добрыня не смѣлъ вступить въ разговоръ съ воеводою и только испускалъ невнятные восклицанія:

— Господи! угодники Божіи! святые ангелы-хранители спасите насъ!

Приписывая молчаніе Алексѣя нѣмой боязни и довольный произведеннымъ на него впечатлѣніемъ, Мулюха продолжалъ, не дожидаясь просьбы:

— Рѣчку эту прозвали севрюки здѣшніе Ольгинымъ Торомъ по какой-то Ольгѣ Богачкѣ. Была, видишь, въ старину удѣльная княгиня, что ли, здѣсь какая-то, Ольга Богачка, и хаживала этой рѣчкой на судахъ къ Деснѣ рѣчкѣ, а Десной рѣчкой къ Чернигову, къ своей дочери. А дочь-то ея, слышишь, была замужемъ за черниговскимъ княземъ. А Черниговъ не былъ тогда пустыней-городкомъ, какъ нынче: княжили въ немъ князья, торговали цареградскіе гости. Да нашли съ востока поганые татары; князя черниговскаго убили на стѣнномъ забралѣ, а княгиня съ вѣрнымъ гуслиромъ-баяномъ ушла вверхъ по Деснѣ въ лодкѣ. Доплываетъ она, батюшка ты мой, до розсоши, до Ольгина Тору, оглянется — за ней погоня. Она къ берегу да на гору въ лѣсъ. Татары въ лѣсъ за нею. Нельзя спастись ей отъ басурманъ. Вдругъ смотритъ — передъ ней земля разверзлась, Глубь безконечная и синѣетъ какъ небо; на небѣ облака, и тамъ облака ходятъ. А то не земля разверзлась: то была передъ ней круча надъ устьемъ Ольгина Тора. Ольгинъ Торъ, видишь, шелъ въ ту стародавнюю старину по бѣданнымъ ручьемъ — плылъ какъ естъ вскланъ съ котловиной. Княгиня-то, слышь, обрадовалась:

думаетъ , самъ Богъ разверзъ передъ ней мать-сыру-землю , да и ринулась въ воду. Вотъ оно какъ было-то дѣло!

— Я тутъ не вижу еще ничего страшнаго , сказалъ Алексѣй.

— Да погоди , отвѣчалъ Мулюха , по видимому , не совѣтъ довольный его спокойствіемъ : — тутъ еще не все ; послушай-ка далаѣ. Какъ услыхала Ольга Богачка про' такое несчастье , « не жилица , говоритъ , я на бѣломъ свѣту ! » Рядить судно , приплываетъ къ этой кручѣ-то ; зовется круча Ольгино Буйвище. Вотъ мы скоро увидимъ ее , только поворотимъ за этотъ лѣсной сапожокъ , за этотъ лѣсъ-огъ , что вдался языкомъ въ воду. Ольга-Богачка вышла на этотъ сапожокъ , взбѣжала на кручу , на самую закраину , протянула руки къ небу : « Прими , Господи , мою душу ! » и хотѣла броситься внизъ . Ну , Богъ душу-то ее принялъ , да самое ее не приняла ни земля , ни вода : приросла къ утесу ногами и доднесь стоитъ на своемъ Буйвищѣ . Смотри , вонъ она ! заключилъ Мулюха робкимъ шопотомъ .

Въ это время они обогнули , вмѣстѣ съ рѣкою , лѣсную ногу или сапожокъ , и передъ ними пошла по тому берегу , къ самой Деснѣ , отвѣсная гора ; верхъ ея поросъ лѣсомъ , а бока наерошены были кореньями , по которымъ цѣплялись и висѣли густыя вязи дикаго , уже изсохшаго хмѣлю и другихъ волокнистыхъ растений . Въ своемъ безпорядочномъ и поблекломъ убранствѣ , гора имѣла какое-то сходство съ ветхимъ гробомъ въ подземномъ склепу , украшеннымъ нѣкогда великолѣпно , и бросала мертвенную тѣнь на рѣку , которая ее подмывала , и на отлогій берегъ , по которому ѣхали наши путники . Крайній отрогъ этой горы чернѣлъ , какъ надломанная сверху башня , надъ Десною , и на немъ вросли двѣ сосны , которыя своими контурами могли въ самомъ дѣлѣ напоминать живому воображенію станъ , поднятая вверхъ руки и развѣвающуюся одежду женщины . Онѣ рывались рѣзко на золотистомъ вечернемъ небѣ и готовы были , казалось , каждый мигъ обрушиться въ воду , которой передній планъ , затѣненный горою , блестѣлъ какъ вороненое желѣзо , а дальній , охваченный невидимымъ солнцемъ , горѣлъ огненною рѣкой .

— Такъ это , говоришь ты , Ольга Богачка ? спросилъ Алексѣй , ожидавшій чего-то больше отъ повѣсти Мулюхи : — это просто двѣ сосны .

— Дяѣ сосны! сказалъ, съ нѣкоторой досадой, разскащикъ:— хотѣлъ бы я, чтобъ ты повидалъ эти двѣ сосны въ полночь!

— Что же тогда? спросилъ Алексѣй, взглядываясь въ оборванные фестоны и гирлянды высохшаго хмѣлю, который слегка пошевелился, хотя и не было замѣтно вѣтра.

— А то, отвѣчалъ Мулюха и, казалось, невольно понизилъ голосъ: — то, батюшка ты мой, что лишь въ лѣсу взвоетъ сова, Ольга Богачка оживаетъ изъ дерева, бродить по надъ рѣкой и, кого астрѣтитъ, съ крикомъ и злачемъ спрашиваетъ: «Гдѣ дочь моя? гдѣ дочь моя?»

— Господи, насъ заступи и спаси! послышалось сзади. — Экая сторона! эхъ, Алексѣй Николаичъ, не сдобровать намъ съ тобой!

— Ты не встрѣчался съ ней ни разу? спросилъ Алексѣй, полу-сомнѣваясь, полу вѣря словамъ Мулюхи.

— Я? отвѣчалъ тотъ и перекрестился. — Сохрани Господи всякаго крещенаго человѣка! Одинъ изъ моихъ молодцовъ забрелъ было сюда ночью, да послѣ дня три былъ словно потерянный. И теперъ я не пустился бы въ раздобары, колибъ не видалъ отсюда новгородскаго замка всего въ свѣту солнечномъ.

Они подѣхали въ это время близко къ устью Ольгина Тора и увидѣли солнце, сѣвшее уже на самый горизонтъ. Къ нему пошла изгибами, вся золотая, рѣка Десна, скрываясь иногда за выступами горъ, которыя то завлекали ее въ свои амфитеатры, то выгибали крутымъ лукомъ далеко въ луга. При послѣднемъ поворотѣ влѣво, виднѣлся на горѣ недавно обновленный новгородскій замокъ, или собственно *городъ*. Онъ былъ весь деревянный, но въ вечернемъ освѣщеніи блестѣлъ какъ окованный мѣдью. Внизу передъ нимъ, въ туманномъ оврагѣ, лежала часть *посада*, котораго дома замѣтны были только по струямъ дыму, просвѣченнаго солнцемъ. Далѣе за городомъ виднѣлся Спасскій монастырь, окутанный деревьями. Покатая гора подъ нимъ до самой воды была набугрена огромными камнями, которые казались издали обломки низринутаго въ рѣку зданія. Всѣ эти предметы, изъ за тяжелой массы Ольгина Буйвища, живописались въ воздушной глубинѣ легко и прозрачно, а красноватый солнечный свѣтъ, разливаясь по убогимъ верхамъ монастырскимъ, по деревьямъ и выдвинувшимся изъ горы камнямъ, охватывая вскользь бока крѣпостныхъ строеній и сверкая по

водянымъ нитямъ на дугахъ, превращалъ этотъ уголокъ земли въ картину, на которую нельзя было досыта наглядѣться.

Путники наши, однакожь, надо признаться, далеки были отъ новѣйшей страсти къ живописнымъ мѣстоположеніямъ. Наступающая ввиду волшебнаго Ольгина Буйвища ночь, усталость и голодъ обращали всѣ ихъ помыслы къ мѣсту отдыха.

Но Ольгинъ Торъ, окутанный съ обѣихъ сторонъ камышомъ, все еще не представлялъ удобнаго брода. Возлѣ самого устья, правда, камышчатая полоса рѣзко прерывалась, но зато рѣчка забурлила здѣсь по камнямъ, выдававшимся со дна. Камни шли уступами, и вода, еще тихая у камыша, вдругъ превращалась въ шумящія изгибы, крутятся и пѣнясь, врѣзывалась въ спокойно плывущую Десну и проводила по ней длинную, черную, сверкающую на солнцѣ, гриву.

— Этотъ *черторый*, какъ его здѣсь называютъ, сказалъ проводникъ: — не замерзаетъ и зимой. Въ старину, говорятъ, его не было: вода спала въ Ольгиномъ Тору отъ ея проклену за дочку. Говорятъ, мертвая до тѣхъ поръ будетъ бродить здѣсь да вопить по ночамъ, пока и до остатку высушить свой Торъ.

— Какъ же ты насъ переведешь черезъ эти водовороты? спросилъ Алексѣй.

— А вотъ, видите эту тихую полосу воды у камышей, подъ сѣдымъ черторыемъ? Тутъ-то и есть бродъ по твердому камню.

— Да здѣсь какъ разъ снесетъ въ водяную бизду!

— Такъ и думаетъ всякій захожіи, кто не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ. А тутъ воды и по колѣни коню нѣтъ. Эта каменная плотина только и держитъ рѣку въ ложбинѣ, а то бы вся ушла въ Десну. Ступай за мной, смѣло.

Алексѣй вѣтрлся своему проводнику безъ страха, но Добрыня трепеталъ, и глядя на воду, которая клубилась у ногъ его коня, готовая унести его при первомъ неосторожномъ шагѣ, и глядя на обороченную въ дерево Ольгу Богачку, которая, казалось, такъ и ринется съ высоты ему на голову.

Путешественники, однакожь, безъ всякихъ волшебныхъ приключеній, перебрались черезъ баснословный Ольгинъ Торъ и поѣхали по подъ горой по узкой, незамѣтной съ противнаго берега тропинкѣ, къ лѣсному сапогу. Тамъ они поднялись на гору и скоро выбрались на гонную дорогу.

Черезъ часть утомительной ѣзды по высотамъ и удолямъ наддесенскимъ, очутились они на отлогомъ склонѣ возвышенностей, который назывался Заручьемъ, потому что отдѣляется отъ городского посада ручьемъ Ярославовымъ, теперь почти изсякшимъ. Въ самозванщину это урочище стояло еще незаселенною пустынею и было очищено отъ лѣсу для того только, чтобы въ военное время не дать неприятелю подойти незамѣтно къ городу.

Первый предметъ, замѣченный Алексѣемъ, когда онъ взглянулъ впередъ съ главной высоты Заручья, былъ прудъ, тускло отражавшій потемнѣвшее небо и неопредѣленныя формы вербъ, насаженныхъ, какъ можно было догадаться, вдоль плотины. Надъ прудомъ, по сю сторону, можно было неясно рассмотреть какое-то деревянное строеніе, съ высокимъ вокругъ заборомъ, а изъ за него, въ отдаленіи, чернѣлъ на ночномъ небѣ силуэтъ горы съ замковыми башнями. Подъ горой мерцали кое-гдѣ огоньки, обозначавшіе посадъ Новагородка-Сѣверскаго.

— Намъ надо захватить на минуту сюда, сказалъ Мулюха, подѣхавъ къ деревянному строенію.

И Алексѣй съ своимъ дядькой последовали за нимъ въ ворота, которыя отворились передъ ними какъ бы сами собой.

Имъ представился въ полу-мракѣ широкій дворъ съ навѣсами и разными постройками вдоль забора. Среди двора стояла большая изба, съ ярко освѣщенными волоковыми окнами, изъ которыхъ несли шумный говоръ множества голосовъ.

Добрынѣ сдѣлалось страшно. Самъ Алексѣй началъ подозревать что-то недоброе, особенно, когда услышалъ стукъ замковъ, которыми накрѣпко запирали ворота.

Загадка объяснилась тотчасъ. Мулюха, поворота коня къ Алексѣю, снялъ шапку и, низко кланяясь, сказалъ :

— Добро пожаловать, дорогой гость, Алексѣй Николаичъ : это жой воеводской дворъ !

Алексѣй не зналъ, что отвѣчать на это : досада и стыдъ, что дался такъ легко въ обманъ разбойнику, отняли у него на минуту рѣчь.

О Добрынѣ и говорить нечего.

— Такъ вотъ ты какой воевода ! сказалъ наконецъ Алексѣй.

— Но я заставляю выпустить себя сейчасъ изъ западни или продамъ свою жизнь дорого !

— Не горячись попусту, бодрить, отвѣчалъ Мулюха съ спокойствіемъ сильнаго своими средствами человека : — тебѣ не зла, а добра хотять. Не подойди я подѣ тебя обманомъ, ты бы ко мнѣ не заѣхалъ; а не заѣхалъ бы ты ко мнѣ, то какъ разъ попалъ бы въ эту ночь между молотъ и наковальню. Недаромъ тебѣ говорю. Слѣзай-ка съ коня да отдохни у насъ, такъ постарѣешь въ часъ пятью годами, узнаешь такое, чего тебѣ и во снѣ не грезилось.

Надо было Алексѣю низойти еще ниже. Мулюха очевидно былъ атаманъ шайки лѣсныхъ бродягъ, но онъ говорилъ съ такой твердостью о старомъ бояринѣ Однорогѣ, что нельзя было не предположить между ними чего-то общаго. Дѣйствія его въ отношеніи къ Алексѣю также заставляли думать, что въ основу скопая съверскихъ вплетена нить и его судьбы. Прежній намекъ Мулюхи на мѣстопребываніе отца алексѣева и послѣднія слова его объ опасностяхъ, скопавшихся надъ самимъ Алексѣемъ, давали новое побужденіе безпокойному любопытству добраго Алексѣя. Итакъ, убѣжденный, что тутъ хотять не жизни его, Алексѣй рѣшился терпѣть нѣсколько времени сообщество разбойника, какъ зло неизбежное и неотвратимое, и, если можно, извлечь изъ него какую нибудь выгоду для дальнѣйшей дороги.

На это онъ рѣшился тѣмъ скорѣе, что у него, при всемъ стыдѣ и досадѣ на самого себя, повеселѣло на душѣ, когда онъ узналъ, кто таковъ Мулюха.

«Значить — думалъ онъ — измѣна въ Сѣверской землѣ не пошла еще такъ далеко, какъ проповѣдывалъ съ умысломъ о томъ крамольникъ; значить, новгородскій замокъ, самый неприступный въ Сѣверіи, еще находится во власти царя, и хотъ мятежники смѣло гнѣздятся подѣ его выстрѣлами, однакожь, правительство еще въ силахъ держать заставы на большихъ дорогахъ (ибо этимъ объяснилъ теперь себѣ Алексѣй причину того, что Мулюха избралъ трудную и, какъ казалось, дальнѣйшую дорогу къ городу мимо Ольгина Буйвища), а слѣдовательно и всю страну въ нѣкоторомъ повиновеніи.»

Между тѣмъ какъ эти мысли быстро вращались въ головѣ его, Мулюха былъ окруженъ дюжими ребятами, которые приняли отъ него коня съ почтительнымъ усердіемъ, подобающимъ настоящему воеводѣ.

Соскочивъ на землю, Мулюха очень учтиво повторилъ Алексѣю приглашеніе на ночлегъ и тутъ же велѣлъ своимъ дворчанамъ принять отъ гостей и выхолить хорошенько лошадей.

Алексѣй слѣзъ съ коня, и Мулюха, угадывая, по его движеніямъ, что происходило въ душѣ его, сказалъ :

— Не гнушайся нашей бесѣдушкой, бояричъ. Мы не воры, не разбойники. Мы роду честнаго и желаемъ быть честными людьми. Это твой Борисъ Годуновъ съ своими боярами нарядилъ насъ бѣглецами да баламутами, а нашъ свѣтъ осударь Дмитрій Ивановичъ воротить насъ на наше мѣсто.

Эта успокоительная рѣчь неизвѣстно въ какой мѣрѣ подѣйствовала на господина, но слуга перекрестился и проговорилъ тихо :

— Дай-то, Господи, чтобъ этому была правда !

Бѣдному старику, однакожъ, суждено было долго еще мучиться страхомъ за жизнь своего боярича. Когда онъ вступилъ за Мулюхой и Алексѣемъ въ избу, ему представилось зрѣлище, само по себѣ очень обыкновенное, но отъ котораго сердце его затрепетало сильнѣе, нежели когда либо.

Посреди просторной избы вѣдланъ былъ въ потолочныя доски дымоволокъ, выплетенный изъ лозы, въ видѣ колокола, и обмазанный глиною; подъ нимъ, на желѣзной решеткѣ, трещали ярко пылающія сосновыя щепки, а вокругъ огня помѣщалось человѣкъ десять плечистаго народа, въ грязныхъ, нараспашку, сорочкахъ, и всѣ они были заняты оттачиваніемъ огромныхъ ножей, похожихъ на мечи. Огонь въ широкихъ полосахъ этихъ ножей блисталъ для глазъ Добрыни такъ страшно, какъ будто они были обогрѣны человѣческою кровью.

— Здорово, молодцы! сказалъ Мулюха, перекрестясь, съ низкимъ поклономъ, передъ образомъ въ серебряномъ окладѣ, который обрисовывался нѣсколькими искрами въ темномъ углѣ избы. — Работайте, работайте! Такая работа моститъ дорогу къ родимой матушкѣ Москвѣ. А вотъ я вамъ привезъ гостя именитаго, почетнаго, боярича Алексѣя Николаича Однорога. Прямо къ намъ пожаловалъ изъ чужеземщины. Да здравствуетъ свѣтъ осударь нашъ Дмитрій Ивановичъ !

Молодцы отвѣсили Алексѣю по низкому поклону, или, какъ говорили тогда, «поклонились большимъ обычаемъ».

— Добро пожаловать, бояричъ, говорили они: — въ нашу братчину.

— Послушай, дѣсной воевода, сказалъ Алексѣй: — если ты уже затащилъ меня въ свой притонъ волей и неволей, такъ умѣрь хоть свое нахальство: не навязывай мнѣ своего самозваннаго Дмитрія Ивановича!

— Не слушайте его, братцы, сказалъ Мулюха, снимая съ себя охабень, подъ которымъ надѣто было черное плинсовое полукафтанье, съ золотыми галунами:—не слушайте его: онъ еще не знаетъ, гдѣ его батюшка; онъ только лишь изъ чужеземщины, и вовсе ему невѣдомо, какъ здѣсь дѣла пошли....

Эти слова осадили Алексѣя. Онъ былъ готовъ купить у Мулюхи тайну самой дорогою цѣною; но Мулюха казался ему человѣкомъ непакимъ на деньги, а въ густыхъ его бровяхъ читалъ онъ упрямство, котораго не могутъ побѣдить никакія просьбы. Итакъ, скрѣпя сердце, онъ рѣшился ждать терпѣливо, пока его таинственный знакомецъ откроетъ добровольно тайну, посредствомъ которой держалъ своего гостя какъ бы на привязи.

— Ба, ба! воскликнулъ Мулюха, замѣтя полмѣ дымоволока человѣка, похожаго наружностію и нарядомъ на Огонь-Бороду. — Ты зачѣмъ здѣсь, Байтуръ?

— Я съ черниговской сакмы, Парфилъ Яковичъ, отвѣчалъ тотъ.

— Ну, что новаго?

— Да новостей полонъ коробъ, и всѣ трепещутъ, что рыба въ неволу. Насилу дождался твоей милости, чтобы ты услышалъ не послѣдній.

— Ну, ну, развязывай свою нощу поживѣе.

Байтуръ откашлянувшись, какъ человѣкъ, готовый возгласить что-то очень важное, и сказалъ съ торжественностію:

— Осударь нашъ Дмитрей Ивановичъ — въ Черниговѣ!

— Bravo! bravo! закричалъ Мулюха съ своими товарищами.

— Слава те, Христось! значить, Моравскъ уже нашъ?

— Еще со вчерашняго дни, отвѣчалъ Буйтуръ.

— Слава те, Христось! раздалось опять, и всѣ захребетники мулюхины крестились вмѣстѣ съ нимъ на образъ большаки крестами.

— Ну, что, бояричъ? сказалъ потомъ Мулюха, обратясь къ Алексѣю.

— Еще Богъ милостивъ, отвѣчалъ Алексѣй : — Черниговъ не Богъ знаетъ какая важная крѣпость.

— Неважная! пускай и такъ : будетъ въ его власти скоро и важная! будетъ за нимъ крѣпость Новгородская, а не дѣляе, какъ въ эту же ночь....

— Но какъ же, обратился Мудюха къ Буйтуру : — какъ Господь помогъ нашему свѣтъ-осударю справиться съ московскими басмановскими стрѣльцами? вѣдъ у него, мы знаемъ, рать на Латы жевелишка.

— Басмановъ, отвѣчалъ Буйтуръ : — подошѣвъ къ Чернигову поздно.

— Ну, хвала тебѣ, Господи! А жана казани, шебось, вра-служался знатно?

— Какъ разъ да два, сказалъ Буйтуръ. — Еще осударь былъ не дошодчи Чернигова, какъ наши съ посадекиши северюкиши славили воеводскихъ стрѣльцовъ, что макуну.

— И будто татевскіе да Шаховскаго осадные люди черниговскіе, спросилъ Мудюха : — стрѣляли-таки, впрямь, по нашимъ?

— Треску было довольно, отвѣчалъ Буйтуръ : — а дѣло дѣломъ поведено. Воеводъ выслали осударю на гостинищъ.

— Чтожъ? чай, указалъ смертью казнить злодѣевъ?

— И куды! пожаловалъ великою милостью, оставилъ при себѣ. Князь Татевъ, говорить, въ большомъ почетѣ.

— Вотъ нашъ царь-то каковъ! обратился Мудюха къ Алексѣю : — и злодѣевъ своихъ жалуетъ; а вашъ и вѣрныхъ слугъ не милуетъ!

На это отвѣчать было нечего. До Алексѣя доходили за границею слухи о несчастной подозрительности Бориса, жертвою которой сдѣлалось много людей невинныхъ, усердныхъ царю, и о томъ, какъ много доносчиковъ породила эта подозрительность. При всей его преданности благодѣтелю его, сердце благороднаго юноши возмущалось, когда ему рассказывали, что за ложныя награждали деньгами, а за ложныя извѣты не наказывали. Онъ опасался уже за благодѣтеля своего царя Бориса, и опасенія его начали теперь сбываться. Съ горечью выслушавъ онъ упрекъ Мудюхи и не сказалъ ни слова въ оправданіе царя, да котораго въ важномъ случаѣ готовъ былъ пожертвовать жизнью.

— Ну, гдѣ же дѣвался Басмановъ? продолжалъ разспрашивать Буйтура Мулюха.

— Это-то и есть то, зачѣмъ меня къ твоей милости послано: Басмановъ идетъ къ Новгородку.

— Ой ли? сказалъ Мулюха. — Дѣло неладно!... спѣшно идетъ?

— Спѣшно: къ разсвѣту будетъ.

— Къ разсвѣту! лишь бы не къ полувечу. Эй, Филата! катая къ Зубрвицкому Яру. Чуть только придутъ чертохайлопы, чтобъ ты, не смигнувъ глазомъ, очутился у Черняка Жука: онъ знаетъ, что въ горенъ положено; пусть выпускаютъ краснаго пѣтуха на волю. Скажи, что время больно вздорожало.

Одинъ изъ молодцовъ бросился одѣваться, и едва кончилъ Мулюха распоряженіе, на немъ очутился смурый охабень съ высокими воротникомъ, которымъ можно было, въ случаѣ надобности, закрыть лицо отъ любопытныхъ встрѣчныхъ, — полъ охабнемъ короткій мечъ, а за поясомъ ножъ, въ ременныхъ ножнахъ.

Чуть вышелъ онъ изъ избы, тотчасъ закрипѣла калитка, и послышался топотъ коня, удаляющагося во всю прыть отъ дворя. Алексѣй догадался, что здѣсь держатъ лошадей всегда осѣдланыхъ.

— Ну, вотъ, тары да бары, сказалъ Мулюха, принявъ прежній безпечный видъ свой: — а гость стоитъ не посаженный. Милости просимъ, бояричъ, въ свѣтелку. А вы, молодцы, удалцы, поворачивайтесь: кто бражки, кто пивца, да что въ печи, то и на столъ мечи.

— Да еще есть къ твоей милости у меня словечко отъ воеводы черниговскаго Пратазанова, сказалъ Буйтуръ Мулюхъ.

— Ну, говори, да живо: я ито ужъ не порядкомъ хозяйничаю.

— Ведѣлъ воевода черниговскій спросить твою милость, будешь ли ему сватомъ, какъ придетъ царевичъ въ твое воеводство.

— Онъ все хлопочетъ о берендѣевой Парашѣ? сказалъ Мулюха, и вниманіе Алексѣя видимо удвоилось. — Передай ему отъ меня, что эта невѣста не про него. Пускай не важничаетъ черезчуръ своимъ боярскимъ родомъ. Безъ меня что онъ за важная птица передъ царевичемъ? Все моими трудами сдѣлаво.

— Ну, такъ приказалъ Пратазановъ передать твоей милости, отвѣчалъ Буйтуръ : — что будетъ промышлять своимъ толкомъ, а невѣсту отъ Берендѣя добудеть.

— Пускай добываетъ! закричалъ запальчиво Мулюха, нахмуривъ брови : — Берендѣй не по немъ звѣрь, такъ скажи ему. Не по немъ звѣрь Берендѣй : я знаю, зачѣмъ это говорю, а онъ стрѣляетъ, зажмура глаза. Есть у меня зять Берендѣю — не Пратазанову чета! такъ скажи ему. А чуть онъ покусится на что нибудь воровское, то, право слово, распластаю его какъ сулака!

— Чтò, заиграли глазки! Я и съ этой стороны тебя знаю, сказалъ Алексѣю, глядя на него лукаво, Мулюха, когда они вошли въ свѣтелку.

Алексѣй выдержалъ его лукавый взглядъ спокойно, какъ человѣкъ, для котораго сердечныя дѣла уже не шалость, — но не могъ надвинуться, что этотъ крамольникъ, будучи ему до сихъ поръ вовсе неизвѣстенъ, такъ озаботился всѣми его дѣлами и раскинулъ, по видимому, свои сѣти не только между простолюдинами, но и между боярами.

— По чести, сказалъ онъ : — ты дивный человѣкъ : и воевода, и атаманъ отчаянной вольницы, и свать. Но еще дивнѣе мнѣ, какъ все переѣнилось на Руси въ мою отлучку. Неужто гордый бояринъ Берендѣй такъ друженъ — безъ околичностей скажу — съ человѣкомъ твоей масти? Я знавалъ его вѣрнымъ царю, какъ и мой батюшка.

— Онъ и нынче таковъ, пусто бы ему было! отвѣчалъ съ видимой добродой Мулюха : — но-этимъ-то онъ и есть мнѣ подначальный человѣкъ. Чтò хочу, то теперь съ нимъ сдѣлаю. Онъ у меня здѣсь, на Сиверѣ, что бревно въ глазу : хватаетъ моихъ молодцовъ, какъ цапля лягушекъ. Да чуть осударь Дмитрій Ивановичъ сюда, тотчасъ волкъ оборотится овцой, а овца волкомъ. Тогда-то я сосватаю Парашу за кого хочу, съ придачею сиверскихъ вотчинъ берендѣевскихъ. Коли ты будешь нашъ, она будетъ твоя, а не будешь — не видать тебѣ ни мизинчика твоей нареченной.... Но вотъ и уживъ на столѣ. Засядемъ да подкрѣпимся. Кому спать, а намъ еще надо много дѣла сдѣлать. Вотъ тебѣ почетный уголъ, подь образами, бояричъ Алексѣй Николаичъ, милости просимъ. Эй, старшіе, садитесь съ

и ты; и вы, меньшие, угостите у себя хорошенько боярского слугу.

Двое изъ дѣтинъ Мулюхи Чадѣли пливовыя полукрѣпаны, какъ на самоѣ Мулюхѣ, и помѣстившись за столомъ нѣсколько поодавъ отъ гостя и хозяина.

— Видишь, бояричъ, началъ говорить Мулюха послѣ перваго приступа къ горячей похлебкѣ, къ которой и гость его, порадочно протелодавшійся, не былъ равнодушенъ: — благословлялъ меня Господь семейкою нарядною. Все это, батюшка мой, ребята бездомные, бѣглецы далекіе, головы неприютныя. Оди-наковая доля породнила насъ на чужбинѣ. На все мы мастера: сами себѣ повара, сами слуги и хозяева. Кабы началъ тебѣ всякій рассказывать свою бѣду-исторію, ты бѣ и до утра не переслушалъ.

— Расскажи, по крайней мѣрѣ, хоть ты свою, сказалъ Алексѣй: — ужь если судьба свела меня съ тобой на полсутокъ, такъ я хочу знать, какаго гнѣзда ты птица.

— Исторія моя невеличка, да замысловата, отвѣчалъ Мулюха. — Коли ты не видалъ прямой удали въ чужеземщинѣ, такъ здѣсь налюбуешься ею вдоволь. Времячко закипѣло бурное: есть на чемъ наостриться. Но ты слушай меня, бояричъ, а самъ почаще въ чашку заглядывай. Дѣло, видишь, вотъ какъ было. Жили-были на Москвѣ два брата, вольные люди ремесленники, и наострились такъ оружейному и всякому обривному дѣлу, что поди ты межъ нѣмцами такихъ мастеровъ пощи. И жили такъ душа въ душу, что сказали другъ другу: «не будешь, братъ, жениться, чтобъ не разрозниться, не любить намъ жонъ, ни жонамъ насъ такъ, какъ мы теперь одинъ другаго любимъ: не станемъ по смерти разлучаться». Но что же? Злая судьба разлучила насъ. Выпало одному на долю связаться съ недобрымъ человекомъ, бояриномъ Онуфревымъ. Работалъ онъ у его въ вотчинѣ разные доспѣхи ратные. Такъ вотъ, батюшка ты мой, и вздумай бояринъ-отъ Онуфревъ за-кабалить себѣ невольца обриваго мастера. Мастеръ къ рас-чету, а онъ ему служилый листъ изъ Холопя Приказа: «ты у меня шесть мѣсяцевъ служилъ — ты мой вѣчный холопъ.» Всюдашникъ мастеръ — къ Борису Феодоровичу съ челобитьемъ: «Я вольный мастеръ московскій; работалъ за день-и... помилуй, рассуди, осударь!» А въ Борисъ-то Феодоровичъ

ужь иной чюдотѣцъ, что былъ правителемъ. Шлетъ въ Холоній Приказъ: «Тамъ тебя разберутъ: у меня дѣлки правосудныя.» Заплакалъ, горемыка, простился съ братомъ неаппетитнымъ, доклинался святымъ церквамъ московскимъ и поцелалъ, изъ дѣсу въ дѣсу, на Украйну. Приходить онъ, батюшка мой, на Украйну, а тутъ ужь не одинъ москвичъ мыкаетъ горе: кого дождетъ, кого кабала, кого прыткость-бойкость загнала въ северскую глушь. Собралъ онъ ихъ себѣ съ десятковъ, завалъ кузю, мельницу; въ кузнѣ куетъ, жерновами мелетъ — копейка въ мощну отовсюду сыплется; посадскіе мужики, сельскіе се-врюки осударемъ-милостивцемъ величаютъ; все бы, кажись, ладно, да тоска по миломъ братѣ, по Москвѣ бѣдокаменной крушить его. Но авось Господь помилуетъ своихъ богомольцевъ, воротитъ на Москву вмѣстѣ съ царевичемъ, яснымъ нашимъ солнышкомъ. Вотъ тебѣ, дорогой гость, исторія кузнецца-обронщика, Парфила Мулюха, воеводы новгородскаго.

— Но гдѣ ты, спросилъ Алексѣй: — научился такъ драться на мечехъ?

— У тѣхъ же, чай, людей, отвѣчалъ Мулюха: — что и ты. Мы съ братомъ учились своего художества у иѣмца на Москвѣ же, а бывалый былъ человекъ нашъ мастеръ — прошелъ сквозь огонь и воду, былъ и на томъ свѣтѣ, въ Америкѣ; дрался не только съ людьми, но и съ чертями. У него-то мы набрались разной потѣнки мечевой.

— Еще дай себя спросить, сказалъ Алексѣй: — что это за Пратазановъ и зачѣмъ онъ зовется воеводой черниговскимъ?

— Видишь ли, отвѣчалъ Мулюха: — Сивера вся подѣлена на двѣ части: города, посады, погосты и села, хоть и не всѣ, тянутъ къ твоему царю Борису; а дѣса, болота, большія и малыя дороги, а ночью такъ и всѣ околицы, тянутъ къ нашему свѣтъ-осударю Дмитрію. Опять же стрѣльцы, городовые и ставничные казаки, люди посадскіе и севрюки сельскіе зовутъ покаместъ царемъ, хоть и не всѣ, Бориса; а мастера, что загнаны сюда водою аль бѣдою, и вольные казаки величаютъ осударемъ своего батюшку Дмитрія Ивановича. Надъ дѣсами-то, да надъ болотами, да надъ этими буйными головушками стоятъ большіе и малые воеводы. Мнѣ, большому воеводѣ, продолжалъ крамольникъ, забывая въ жару рѣчей своихъ вопросъ Алексѣя: — мнѣ по всей Новгородчинѣ подначаленъ всякій горемыка безталанный,

и дѣлаю я дѣла тамъ, гдѣ нога моя никогда не бываетъ. Моего слова боятся въ томъ высокомъ замкѣ, что смотритъ на Заручей пушечными жерлами, и никто не знаетъ, гдѣ сходится моя власть со властію годуновскихъ воеводъ — за кономъ ли посадскимъ, али за порогомъ воеводской избы. Эти руки, воскликнулъ воспламененный наконецъ до изступленія Мулюха, засучивъ рукава и протянувъ ихъ къ Алексію: — эти руки выковали тысячу смертей прислужникамъ Годунова! Ими хочу я подпереть престолъ царя православнаго, истиннаго!... Но чу! что за шумъ?...

Въ свѣтелку вбѣжалъ одинъ изъ меньшихъ братьевъ.

— Батюшка Парфилъ Яковличъ! закричалъ онъ: — красный пѣтухъ распустилъ уже крылья на посадѣ!

— Ахти миѣ! сказалъ Мулюха, торопливо вставая изъ за стола. — Лошадей! лошадей! Чтѣжь бы это значило? Братцы, кольчуги, куяки (*)! приспѣло времячко: покажемъ себя въ глаза воеводамъ! пускай узнаютъ, какую цацу выковали имъ заручейскіе кузнецы! Но чтѣжь это Жукъ поторопился? не случилось бы какой помѣхи!... Но будь чтѣ будетъ.... на коней! авось либо поклонимся великому осударю знатнымъ гостиничкомъ — новгородскимъ замкомъ.

Въ нѣсколько минутъ вся сводочъ была въ стальныхъ сорочкахъ и блестящихъ шлемахъ-мисюркахъ; мечи на ремешныхъ черезъ плечо перевязяхъ; въ рукахъ рогатины; у сѣделъ желѣзныя, наподобіе молотовъ, боевыя палицы.

Все это дѣлалось при заревѣ недалекаго пожара. Алексій велѣлъ Добрынѣ сѣдлатъ коней, а самъ вбѣжалъ по лѣстницѣ на одну изъ плоскихъ кровель, которыя, наподобіе крѣпостныхъ парпетовъ, шли вдоль забора, — и ему представилась мрачно-величественная картина.

Новгородскій посадъ пылалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Ночь была совершенно безвѣтренная, и дымъ, восходя къ небу, стался надъ столбами пламени подобно купамъ густыхъ вѣтвей надъ древесными стволами. При заревѣ пожара, съ одной стороны блестяли свѣжія сосновыя стѣны замка, на крутой горѣ, отрѣзанной отъ посада широкимъ ровомъ, или, лучше сказать, провальемъ; съ другой видѣлись городскія окрестности, холмистыя, покрытыя зарослями и изрѣзанныя глубокими буераками. Влѣво

(*) Латы изъ желѣзныхъ дощечекъ, нашитыхъ на бархатъ, сукно или кожу.

отъ замка петянулась темною полосой Десна, вдоль широкихъ луговъ, покраснѣвшихъ отъ осени и озаренныхъ на далекое разстояніе пламенемъ. По рѣкѣ только изрѣдка сверкали огненные черты, тамъ, гдѣ вода огибала торчащіе съ праваго берега камни или ластилась у низменнаго лѣваго берега.

Крики народа звонко раздавались въ ночномъ воздухѣ. Предубѣжденный слухъ Алексѣя старался уловить въ пожарной тревогѣ восклицанія особеннаго рода; ему чудились даже ружейныя выстрѣлы, а люди, густо мелькающіе въ разныхъ мѣстахъ на посадѣ, представлялись его воображенію бойцами, смѣсившимися въ жестокой сѣчѣ.

Несмотря на послѣднюю выѣзда и на сомнѣнія, по видимому, волновавшія отважнаго крамольника Мулюху, онъ вспомнилъ о своемъ гостѣ. Выѣзжая со двора, онъ обернулся и сказалъ:

— Прощай, бояринъ Алексѣй Николаичъ! увидимся, или нѣтъ, но чтобъ ты не бродилъ безъ толку по Сиверѣ, я направляю тебя въ одно мѣстечко, что стрѣлу изъ лука. Слушай: батюшка твой Никола Афанасьичъ въ Перебоншѣ, въ твоей сиверской материнской вотчинѣ, подъ Путивлемъ. Ступай къ нему; отъ него узнаешь больше. Будешь нашъ!

И, перекрестясь большимъ крестомъ, онъ промолвилъ набожно:

— Теперь благослови насъ, Николай угодникъ Божій, и ты, святой Побѣдоносецъ!

Всѣ молодцы также сотворили по крестному знаменью и поскакали за своимъ атаманомъ.

Дѣйствительно, слова Мулюхи направили сердце моего добраго Алексѣя, какъ стрѣлу изъ лука, къ одрой цѣли. Теперь онъ позабылъ — а хоть и не позабылъ, то пренебрегъ — цѣль, для которой избралъ возвратную дорогу въ Москву черезъ Сѣверскій-Новгородъ: невѣста, которой онъ не видалъ отроду, и женитьба на удачу перестали прельщать, волновать и мучить его душу. Сыновняя привязанность и чувство патріотизма одни овладѣли ею.

Усадьба боярина Берендѣя лежитъ не дальше часу пути въ сторону отъ Сѣверскаго Новгорода; но онъ не заѣдетъ туда ни на минуту. Сердце его сильнѣе всего требуетъ убѣжденія, дѣйствительно ли отецъ его стоитъ заодно съ людьми, для кото-

рыхъ своя корысть выше обязанностей подданного и гражданина. Свиданіе съ отцомъ рѣшить, что онъ долженъ дѣлать въ исполненіе своего долга, какъ русскій, и какъ усердія къ царю, какъ благодѣтельствованный имъ человекъ.

А надо было ещѣ употребленіемъ въ дѣло его способностей, знаній и — что всего важнѣе — непоколебимой вѣрности, въ столь смутное для государства время; надо было снѣшить потому, что туча самозванщины, ничтожная въ его глазахъ за границую, предвѣщала теперь бурю страшную, и Алексѣй оглядывался теперь на этого таинственнаго Дмитрія, что однимъ именемъ беретъ крѣпости, какъ оглядывается поселянинъ на далекую молнію, грозящую пожечь въ цѣлу драгоцѣнную его пашню.

Добрыня, напротивъ, былъ восхищенъ извѣстіемъ, что старый бояринъ его стоитъ за царевича Дмитрія, и только опасенія за своего питомца и недовѣрчивость къ удалившимся разбойниками вѣшали ему радоваться. Теперь же, когда онъ увидѣлъ, что подозрительные люди предоставили Алексѣю полную свободу, его не устрашала и самый видъ пожара.

— Видишь, оеударъ Алексѣй Николанчъ, говорилъ онъ, взбираясь на сѣдло и торопясь не отстать отъ своего боярча: — ты все корилъ, бывало, блажью старика; а вотъ и самъ твой батюшка призналъ царевича Дмитрея сыномъ царя Ивана Васильевича!

— Молчи, Добрыня! сказалъ, не оглядываясь, Алексѣй: — не говори ни о чемъ ни слова, пока увидимся съ батюшкой. Будемъ ѣхать всю ночь и весь день.

— Ахъ, мой соколъ! да ты, чай, што изморился: какъ тебѣ выдержать такую дорогу? Вотъ нелегкая надумала этого сорваголова исполошить тебя среди ночи!

— Лишь бы ты выдержалъ, Добрынюшка, а обо мнѣ не тужи. Да и, пожалуй, оставляю тебя гдѣ нибудь за Новымъ-городомъ соснуть, а самъ поспѣшу впередъ къ батюшкѣ.

— Оставишь меня соснуть! за кого жъ ты меня считаешь, Алексѣй Николанчъ! что! я ужъ такъ состарѣлся, что ни къ чему не гоюсь, что ли? нѣтъ, не обижай: плывъ я до сихъ поръ, такъ на берегу не утону. Сдамъ тебя съ рукъ на руки батюшкѣ, только донеси Господи наши головушки до Перебойнца. Но, Боже мой! черезъ какія еще огненные рѣки намъ надо переплыть!

сказалъ, престаясь, старикъ, когда до его слуха долетѣлъ явнѣе свѣшавшій гулъ множества голосовъ.

Теперь Алексѣю стали ясны распоряженія и похвальбы Мулюхи. Мятежники, видно, сговорились ажечь посадь и, когда осадные стрѣльцы и казаки выдутъ гасить огонь, ударить вдругъ на замокъ и овладѣть имъ во имя царевича Дмитрія. Итакъ, онъ готовился мимоходомъ быть свидѣтелемъ приступа, котораго успѣхъ казался несомнѣннымъ, судя по тому, что можно было вывести изъ рѣчей страшнаго Мулюхи. Еслибъ Алексѣй былъ на-челѣхъ хоть двадцати добрыхъ латниковъ, онъ бы ринулся на толпу мятежниковъ съ большимъ удовольствіемъ, нежели въ жаркій лѣтній день бросался съ крутого берега въ рѣку; но одинъ, что могъ онъ сдѣлать для новгородской крѣпости? только погубилъ бы себя и отнялъ у царя Бориса искуснаго артиллериста и стратега для предстоящей войны съ Самозванцемъ.

Чѣмъ больше, однакожъ, онъ приближался къ крѣпости, тѣмъ больше убѣждался, что не отсюда неслись громкіе крики, которые часто вырывались изъ общаго гула, какъ яркое пламя вырывается изъ густой купы дыму.

Онъ уже поднялся на гору по дорогѣ, которая идетъ мимо убогой, но живописной Никольской церкви, и очутился на посадѣ, какъ схватившій за нимъ Добрыля сказалъ:

— Смотри, смотри, боярничъ, не наши ли это знакомцы? экая дѣше летять сломя-голову! и откуда они высыпали!

Алексѣй оглянулся и увидѣлъ вдали нѣсколько всадниковъ, которые быстро ехали по направленію отъ горада къ мулюхину двору. Близость огня усиливала темноту отдаленія, и всадники обозначались во иракѣ только блескомъ кольчугъ и куяковъ, по которымъ сверкало пламя пожара, да брызгами искоръ, вышлепываемыхъ конскими подковами изъ камней.

Отлегло на сердцѣ у Алексѣя.

«Стало быть — подумалъ онъ — пожаръ произошелъ не отъ краснаго пѣтуха, котораго долженъ былъ выустить Жукъ, а отъ такой причины, которая заставила самаго Мулюху убираться назадъ за-добра-ума.»

Дѣйствительно, посадъ горѣлъ безъ большой суматохи, каковой бы можно было ожидать, и странно было видѣть, что жители давали полную свободу огню: если жъ хозяева принимались кое-гдѣ гасить пожаръ, то всеобщіе недѣльщики разбивали

ведра, рубили бочки. Крикъ и шумъ происходили отъ подъятія разныхъ тяжестей для спасенія изъ домовъ, да отъ треска падающихъ построекъ, отъ лопанья бочекъ и тому подобнаго.

Пробираясь по улицамъ, Алексѣй замѣтилъ, что многіе жители стараются ускользнуть съ своими пожитками въ поле, тогда какъ другіе везутъ и несутъ ихъ по направленію къ замку. Нѣсколько разъ ему слышалось въ смѣшанномъ говорѣ ния Басманова, и, вслушавшись хорошенько въ отрывки разговоръ, онъ вывелъ изъ нихъ заключеніе, что Басмановъ съ своими стрѣльцами уже здѣсь, что онъ-то велѣлъ зажечь въ разныхъ мѣстахъ посадъ, можетъ быть, опасаясь, что Самозванецъ нагрянетъ сюда изъ Чернигова по его пятамъ, а можетъ быть провъдавъ о замыслѣ мятежниковъ, которыми кипѣли окрестности Сѣверскаго Новгорода.

Часто попадались въ улицахъ и праздныя толпы, которыя никому не помогали спасать пожитки и смотрѣли на пожаръ, какъ люди, у которыхъ горѣтъ здѣсь нечему. Ихъ смуглыя лица показывали, что домъ и кровь рѣдко бываютъ мѣстомъ ихъ труда и отдыха. Отъ нихъ такъ и пахло вѣтромъ буераковъ и лѣсовъ, въ которыхъ они жили, нося на себѣ все свое имущество. Въ этихъ толпахъ нерѣдко поблескивала при огнѣ полуса длиннаго ножа или другого оружія. Бурлаки держались одинъ близъ другого тѣсно и, казалось, сомнѣвались, они ли должны бояться кого здѣсь, или сами внушать ужасъ. Замѣтно, впрочемъ, было, что недѣльщики, подкрѣпляемые небольшими отрядами стрѣльцовъ и служилыхъ городовыхъ казаковъ, проходили тамъ тише, гдѣ чернѣли эти дикія и какъ бы на что-то отчаянное приготовленныя сборища. Бочки рубились и въ ихъ глазахъ, но палки оставались въ покоѣ.

— Ну, что, ребята! чего сбѣжались на пожаръ? сказалъ, проходя мимо, старый стрѣлецъ.

— А тебѣ жаль и лучины, не токма-что дневного свѣта! отвѣчалъ за всѣхъ одинъ голосъ. — Добро загнали насъ въ лѣсную темь!

— Вотъ ужъ погодите, сказалъ тотъ: — недалеко царская рать: не увидите тогда и по лѣснымъ трощобамъ!

— Не тронь ихъ, сказалъ старый недѣльщикъ: — воевода Петръ Федорычъ не велѣлъ затѣвать въ ночь драки съ бурлаками. Кто знаетъ, сколько ихъ ждетъ только знака въ ярахъ во-

кругъ посада? Безъ готовой подмоги, ты думаешь, они такъ смѣло сползлись бы къ замку?

— Эхъ, страсти какія! говорилъ Добрыня. — Пронеси насъ, Господи! Всему доброму изучилъ я тебя, бояричъ, въ чужеземщинѣ; не изучилъ только тихому ходу да смиренству: будетъ мнѣ отъ батюшки за твое озорничество! Ужь и молю тебя и прошу, осударь мой, если, не дай Богъ, повстрѣчаемъ такихъ налетовъ, какъ этотъ Мулюха, не моги ты съ ними что пѣтухъ съ пѣтухомъ сѣпливаться; кони у насъ добрые: унесутъ и отъ быстрого вѣтра.

Въ общей суматохѣ и бѣготнѣ на Алексѣя не обращалъ никто особеннаго вниманія, онъ быстро миновалъ охваченныя пламенемъ мѣста посада, повернулъ въ Казацкую улицу, куда пожаръ не проникнулъ еще, и скоро очутился въ дѣсу, отдѣлявшемъ тогда Спасскій монастырь отъ города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вокругъ монастыря царствовала глубокая тишина, прерываемая только по временамъ звучнымъ окликомъ филына. Прямо въ лицо нашимъ путникамъ свѣтилъ мѣсяцъ, только что поднявшійся надъ деревьями, которыхъ темные верхи были слегка окрашены пожарнымъ заревомъ.

Обогнувъ монастырскую ограду, они начали спускаться съ горы, между огромныхъ камней (которые въ военное время могли бы служить лучшими бойницами для обстрѣливанія лежащей внизу переправы чрезъ Десну) и теперь только подумали о препятствіи, какое можно встрѣтить при переѣздѣ чрезъ рѣку въ ночную пору, и еще въ такую тревожную годину.

Дѣйствительно, еще съ горы они увидѣли на паромѣ и на берегу черную купу людей, изъ которыхъ многіе, если не всѣ, были вооружены, потому что противъ мѣсяца часто поблескивали полосы желѣза.

Страннымъ показалось Алексѣю и его спутнику, что такое множество людей, да еще ратныхъ, обходится безъ крика и пуму, какой обыкновенно бываетъ при переправѣ черезъ рѣки. Слышался только тихій говоръ, заставлявшій предполагать въ этомъ сборищѣ пѣчто таинственное.

Добрыня не преминулъ и этого случая испугаться за своего боярича; но дѣваться было некуда, и даже его премудрая голова не придумала никакого совѣта, какъ уклониться отъ столкнове- нія съ этими людьми, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ уже все худшее.

Да Алексѣй и не слушалъ его оговъ. Онъ видѣлъ, что паромъ нагружомъ, что отчаливъ черезъ минуту, и снѣшнѣ захватить себя мѣсто.

Это, однакожъ, оказалось совершенно невозможнымъ, — не столько по тѣснотѣ, сколько по неприязненности вооруженныхъ людей, собравшихся у переправы. На всѣ его вопросы, на всѣ просьбы и даже угрозы — хотя угрозы тутъ были вовсе неумѣстны — ему отвѣчали «нельзя». И между тѣмъ, какъ онъ пытался купить себѣ мѣсто деньгами или открыть путь на паромъ доброю саблею, а Добрыня, какъ нянька, цѣплялся ему въ полы и отклонялъ отъ него гнѣвъ ратныхъ людей увѣреніями, что это малый помѣшанный и жалкій — въ чемъ на сей разъ не совѣмъ ошибался, — онъ успѣлъ схватить слухомъ нѣсколько словъ, которыя заставили его рѣшиться на крайнюю мѣру для переѣзда на тотъ берегъ.

Кто-то на паромѣ произнесъ его имя.

— Не можетъ быть! сказалъ на это голосъ, какъ будто знако- мый Алексѣю.

— Онъ, онъ, продолжалъ прежній голосъ: — я узналъ его по слугѣ. Старый хрычъ въ пять лѣтъ не перемѣнился вовсе.

— Отваливай! Задержать паромъ до утра! сказалъ опять знакомый голосъ.

И вслѣдъ за тѣмъ толпа людей, доселѣ слитая въ одну массу, раздѣлилась надвое, потому что часть ея отдѣлилась отъ берега вмѣстѣ съ паромомъ.

Тогда Алексѣй, видя, что ему на этомъ берегу угрожаетъ какое-то насиліе, далъ коню шпоры и направилъ его въ рѣку. Благородное животное смѣло бросилось въ воду и быстро начало удаляться отъ берега, какъ будто чуюло позади опасность.

Подозрѣнія всадника и коня были не напрасны. До Алексѣя долетѣли съ берега слова:

— Не пустить ли молодца по рѣкѣ въ Кіевъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ кто-то другой: — не тронь. Кто знаетъ, что у него въ душѣ? Въ наше время трудно это узнать: какъ придетъ царевичъ, тогда развѣдутся всякому руки и языкъ.

Хвалите Алексѣя Однорога, сколько угодно, за смѣлость, за рѣшимость, но я не похваляю его за то, что онъ въ эту минуту позабылъ о человѣкѣ, который во снѣ и на яву безпрестанно о немъ заботился. Бѣдный старикъ остался на берегу въ положеніи курицы, покинутой на сушѣ ея дѣтенышемъ. Несчастная пискѣла и клохчетъ, и зоветь своего пловучаго прелемяша, и мечется взадъ и впередъ надъ водою, воображая, что онъ погибъ невозвратно: такъ и Добрыня, внѣ себя отъ испуга, вертелъ коня туда и сюда по камнямъ и плакался на злую свою судьбину.

Сперва ему казалось, что Алексѣя, всплывъ воду, пошелъ прямо ко дну; но, протерши хорошенько глаза, онъ удостовѣрился, что неразумное чадо его заботѣ держится съ своимъ конемъ довольно высоко на поверхности воды. Еще прошла минута въ нерѣшимости. Наконецъ лучшее чувство Добрыни взяло верхъ надъ всеми прочими. Онъ совершилъ большое крестное знаменье, какъ человѣкъ, рѣшившійся на все, и, проговоря: «коли погибать, то погибать вѣстѣ!» направилъ коня въ рѣку.

Оба коня были боевые, добытые Алексѣемъ для войны у людей, прошедшихъ сквозь огонь и воду, и потому Добрыня не встрѣтилъ въ своемъ никакаго сопротивленія. Зыблелася, въ блескѣ мѣсяца, вода, и съдой богатырь, напѣвалъ у-у-у! отъ холоду, повлывалъ по прозрачнымъ струямъ Десны, какъ лебедь.

Между тѣмъ Алексѣй былъ уже на срединѣ рѣки и поровнялся съ паромомъ. Мѣсяцъ свѣтилъ ему слѣва, и лучи его падали прямо на паромъ. Алексѣй увидѣлъ на паромѣ, черезъ головы смотрѣвшихъ на него людей, колымагу, съ запавъсками на столбикахъ, какъ въ выѣвшихъ дѣтскихъ кроваткахъ, и не успѣлъ онъ рассмотреть всей группы людей и лошадей, обданныхъ луннымъ свѣтомъ и покрытыхъ густыми тѣнями, какъ его поразилъ женскій голосъ:

— Боже мой! онъ плыветъ, плыветъ!

Эти слова, вынужденныя, можетъ быть, естественнымъ страхомъ за жизнь человѣка, потрясли сердце всего добраго Алексѣя чувствомъ мало ему знакомымъ, и, оттого ли, что онъ въ последнее время много думалъ о своей невѣстѣ, или по какой ни-

будь необъяснимой причудѣ юношеской души, ему показалось, что это голосъ дочери Берендѣя. Правда, этому противорѣчала обнаруженная ея проводниками неприязнь къ Алексѣю, но онъ на ту минуту не въ состояніи былъ задать себѣ вопросъ: какъ могъ Берендѣй или слуги Берендѣя посягать на его нареченнаго зятя? Онъ слушался одного сердца, и ночь, и лунный свѣтъ, и плескъ воды, и подстрекающая таинственность встрѣчи, — все говорило ему, что это она. Алексѣй посмотрѣлъ, и изъ за грубыхъ фizioномій, помѣщенныхъ на первомъ планѣ, ему мелькнуло въ темной глубинѣ занавѣсокъ личико, какого не встрѣчалъ онъ и въ славной женскою красотой чужеземщинѣ.

— Боже! его снесетъ на камни, на водовороты! раздавалось другое восклицаніе.

Но оно, какъ голосъ ласточки въ завываніи бури, потерялось недосказанное въ грубомъ отвѣтѣ одного изъ провожатыхъ: «Э-э! чему повиснуть, то не повететь!»

И занавѣска задернулась, неизвѣстно чьей рукою.

Взяда Алексѣя досада.

— Кто бы ты ни была, прекрасная незнакомка, сказалъ онъ: — благодарю тебя за жалость къ бѣдному страннику! А ты, что вздумалъ угощать меня вистлицею. береги уши: я тебѣ окараю ихъ живо!

— Ого, какой богатырь щучьяго царства! отвѣчали съ паррома. — Подай мнѣ пальникъ (*), Дементій: я отправлю его на ночлегъ къ русалкамъ.

— Побойся Бога, Шелепугинъ, сказалъ другой женскій голосъ: — что ты? я не потеряю такого беззаконія.

Эти слова, произнесенныя тономъ строгимъ и повелительнымъ, остановили злодѣйство, которое, въ минуту безсилія законныхъ властей и разрушенія общественнаго порядка въ Стверской Украинѣ, было бы дѣломъ невеликой важности.

Итакъ, Алексѣй опередилъ паромъ и вышелъ на берегъ въ добромъ здоровьи.

Между тѣмъ Добрыня, невзавшій предосторожности наворачивать коня противъ воды, былъ снесенъ быстротою теченія внизъ по рѣкѣ и подвергался опасности попасть на водовороты, образованные скрытыми подъ водою камнями: но страхъ его

(*) Фитиль, которымъ запаливали пистолы, т. е. ружье безъ замка. Саломали съ замкомъ, были тогда рѣдки.

былъ другого рода. Тонкій и нѣжный голосъ съ паромъ, такъ странно замѣшавшійся въ концертъ, или дисконцертъ грубыхъ и буйныхъ голосовъ, которыхъ онъ успѣлъ со вчерашняго дня наслушаться въ Сѣверіи, показался ему издали голосомъ непризнанныхъ для живого человѣка дѣвъ, населяющихъ прозрачныя глубины рѣкъ и озеръ. Въмѣсто того, чтобъ дѣйствовать поводьями, онъ оторопѣлъ и кричалъ:

— Батюшка Алексѣй Николаичъ! тянутъ меня! тянутъ меня!

Къ счастью, Добрыня проплылъ уже дальше того мѣста, до котораго достигають скатившіеся съ горы камни, и воображаемая русалка только затащила его на нѣсколько сажень внизъ по рѣкѣ. Онъ выбрался наконецъ на сушу и, дрожа весь отъ холода и страха, началъ усердно молиться на новгородскій монастырь, мирно сіявшій на горѣ своими крестами изъ за темныхъ деревьевъ, между тѣмъ какъ вправо изъ за стѣнъ и башенъ зѣмка вставало окутанное дымомъ пламя и несся по водѣ глухой гулъ, котораго старикъ нашъ не могъ слышать съ спокойнымъ сердцемъ. Блестящая отраженіемъ пожара полоса Десны, какъ бы окровавленной, усиливала тревожное впечатлѣніе, производимое этимъ зрѣлищемъ на Добрыню.

Несовсѣмъ былъ неправъ—еще разъ скажу—пѣстунъ Алексѣя, когда называлъ его шальнымъ малымъ. Добрый нашъ молодецъ забывалъ часто, что у него нѣтъ другой жизни въ западѣ. Русская удаля его нашла обильную пищу за границею въ обществѣ тамошней воинственной молодежи. Онъ же еще, на бѣду себѣ, вѣрилъ и въ предопредѣленіе судьбы, и потому бросался на опасность очертя-голову.

Едва паромъ причалилъ къ берегу, онъ подѣхалъ къ толпѣ находившихся на немъ людей и сказалъ:

— Кто изъ васъ Шеленугинъ? кто злѣсь смѣлъ честному человѣку пророчить висѣлицу? выходи на расправу!

Грозный ли видъ его и обѣщающая сильнаго бойца наружность, или другая причина заставила противника остаться въ неизвѣстности, только провожатые таинственной колымаги съ занавѣсками, несмотря на то, что ихъ было около десяти человѣкъ, отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Ну, ну, проваливай! Затѣялъ когда драться!

И засуетились возлѣ лошадей и повозки.

— Такъ вы, я вижу, всё зайки! сказалъ презрительно Алексѣй: — одного испугались!

И, обратясь къ задержанной занавѣскѣ, откуда недавно слышалъ такой очаровательный голосъ, сказалъ:

— Почтенный госпожи, не знаю, какого вы роду-племени, но какъ вы показали доброту свою ко мнѣ, такъ дайте отблагодарить васъ чѣмъ могу. Позвольте мнѣ провожать васъ, поколь укажетъ путь мой; ато эти холопи разбѣгутся, чуть повстрѣчаютъ лисицу.

Молчаніе внутри колымаги было ему отвѣтомъ и немножко пристыдиво хрибрато витязи.

— Проваливай, проваливай своимъ путемъ! сказали ему провожатые. — Самъ ты лисица, коли не лѣсной медвѣдше. Вишь подѣбываетъ съ чѣмъ!

Между тѣмъ прискакалъ Добрыня, опять испуганный скорою, которую готовъ былъ завязать неугомонный его питомецъ. Видъ старика подѣбствовалъ на Алексѣя больше его утѣшаній. Добрыня скорчился въ-три-погибели и такъ дрожалъ, что рѣчь его дребезжала какъ горохъ въ рѣшетѣ. Оставя въ покоѣ колымагу и провожатыхъ, Алексѣй озабочился ототрѣваньемъ своего дядьки. Достигнувъ лѣса, который былъ очень недалеко, онъ слѣзъ съ коня, собралъ сухихъ сучьевъ и развелъ огонь налѣ дорогой.

Едва Добрыня возвратилъ себѣ, посредствомъ благодѣтельной теплоты, даръ слова, онъ прежде всего воспользовался имъ для выговоровъ своему боярину и для утѣшаній и просьбъ не паклякаться на бѣду по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ сладсть его старому боярину съ цѣлою головою и шевереломанными руками.

Но Алексѣй не слушалъ его: мысли его неслись за таинственною колымагою, или, лучше сказать, ползли за колымагою, потому что она съ трудомъ двигалась въ глубину лѣса по узкой, наерошенной кореньями и изрытой дождевыми промоинами дорогѣ.

Какъ ни измѣнила чужеземщина образъ мыслей и чувства Алексѣя, но въ главныхъ убѣжденіяхъ онъ остался попрежнему русскимъ. Между занятіями и увлеченіями дѣльными, онъ за границу много натворилъ и глупостей, потому что не былъ изъ числа тѣхъ юношей, которые ведутъ себя какъ старики, — во

пра всемія томъ не приѣхалиа сердцемъ ни изъ одной чужеземкѣ.

Ему казались холодными и невѣрными эти смѣлыя красавицы, некрасивѣющія отъ молодецкаго взгляда, бойко трактующія о любви съ рыцарями, вездѣ свободныя, какъ у себя дома. И хоть, можетъ быть, не одна молодая уроженка береговъ Рейна или Вислы заглядывалась на мужественную красоту его, не одна плѣнялась его простодушнымъ и прямымъ характеромъ, не одной грезились во снѣ его нетвердый выговоръ чуждаго языка; но онъ никогда, ни одинъ разъ не увлекся сильнѣйшмъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, ведущей себя недѣвичьимъ обычаемъ.

Онъ привыкъ воображать прелестную женщину съ потупленнымъ взоромъ, свидѣтельствомъ дѣвственной робости, съ жаромъ любви, тайнымъ отъ всѣхъ и оттого еще драгоцѣннѣйшимъ для счастливца. Его мужественной природѣ даже непонятно было чувство, заставляющее мужчину повергаться къ ногамъ любимой женщины. Онъ всегда сознавалъ себя покровителемъ прелестнаго, но слабаго существа, и, чѣмъ оно больше клонилось бы подъ его защиту, чѣмъ болѣе оно призывало бы свою вещественную и нравственную отъ него зависимость, тѣмъ оно было бы для него милѣе.

Краснорѣчивѣйшій взглядъ смѣлой чужеземки, устремленный на любимаго ею человека, былъ холодъ и пустота въ сравненіи съ той теплотою чувства, съ тѣми невысказанными сердечными рѣчами, которыя воображеніе его читало въ потупленныхъ глазахъ русской красавицы. А рѣчи ея, блестящія, обольстительныя, побѣдоносныя, во сколько разъ казались для него слабѣе, безжизненнѣе одного вздоха, противъ воли поднимающаго скромно закрытую грудь землячки!

Прелесть женственная для него вся заключалась въ таинствѣ. Поэтому самыя терема роины, гдѣ красавицы разцвѣтали какъ цвѣты въ лугу заповѣдномъ, для его мечты были завлекательнѣе встрѣчъ на каруселяхъ и въ широкихъ залахъ, гдѣ блестяла роскошь и раздавались пѣвщія душу аккорды музыки.

Отдаленность роины и противорѣчащія его русскому вкусу и уму чуждые обычаи, безъ сомнѣнія, играли въ этихъ полетахъ его воображенія главную роль; но пища для мечтательной души Алексѣя была на чужбинѣ обильная, и вмѣсто того, чтобы отчуждаться въ далекихъ странахъ совершенно отъ избран-

ной ему отцомъ невѣсты, онъ сохранилъ къ ней, далекой и незнакомой, нѣжную привязанность и мало по малу возростилъ эту привязанность, какъ милую противоположность всему чужому и нелюбому, до страстнаго чувства.

Потому-то ночная встрѣча сдѣлала на него такое сильное впечатлѣнiе. Онъ такъ былъ приготовленъ, такъ созрѣлъ для любви, что довольно было ему увидѣть неясный очеркъ прелестнаго женскаго лица, услышать слово участiя къ нему — уже душа его разставила свои декорации и начала играть оперу, отъ которой ноетъ молодое сердце и кругомъ идетъ голова.

«Куда, зачѣмъ въ такую пору и съ такою скрытностью ѣдетъ моя невѣста?» спрашивалъ онъ самъ себя, и подозрительная ревность, всегда готовая къ услугамъ любовниковъ, присоединилась уже къ его сердцу.

Ему и въ мысль не приходило, что это женщина, можетъ быть, для него чужая, замужняя: ему какъ будто деснянья русалки подсказали, что это его невѣста.

«Я не отстану отъ нея, буду слѣдить за этой колымагой хоть на край свѣта, а узнаю-таки, что все это значить!» думалъ онъ, забывая въ бреду важнѣйшую пѣль своихъ дѣйствiй, и неизвѣстно, до какой степени дошло бы его увлеченiе, еслибъ не подслушалъ его мыслей дѣшiй, великiй охотникъ посмѣяться надъ людскими затѣями. Я говорю это, полагаясь на мнѣнiе Добрыни, который приписывалъ не чему другому, какъ проказамъ лѣшаго, неприятное приключенiе, испытанное нашими путниками въ остатокъ этой достопамятной ночи.

Не знаю, достаточно ли было промокнувшихъ въ осенней водѣ ногъ, чтобъ удержать молодого человѣка отъ преслѣдованiя колесницы, въ которой воображенiе помѣстило его невѣсту; по крайней мѣрѣ Алексѣй думалъ не о своихъ ногахъ, когда остановился разводить огонь. Сомнительность дѣла требуетъ, однакожъ, приписать ему только половину заслуги по части человѣколюбiя. А еслибъ я захотѣлъ быть истиннымъ историкомъ, вникающимъ въ сокровенныя причины дѣяній человѣческихъ, то долженъ былъ бы отдѣлить отъ этой половины еще половину. Дѣлю въ томъ, что Алексѣй рассчитывалъ на медленность громоздкаго экипажа, который онъ могъ легко догнать черезъ нѣсколько времени.

Этому же расчету надо приписать и самую лучшую часть челоуѣколюбиваго дѣла моего добраго Алексѣя, хотя пріятно было бы отнести ее прямо къ его доброй натурѣ, именно : когда старикъ, наворчавшись вдоволь на своего безответнаго питомца, нечувствительно уступилъ дремотѣ, сладко приласкавшейся къ нему вмѣстѣ съ теплотою огня послѣ дневныхъ и ночныхъ тревогъ, Алексѣй далъ ему немного соснуть. Онъ поддерживалъ въ одной степени пламя на кострѣ и поглядывалъ съ улыбкой на своего вѣчнаго порицателя, который сидѣлъ, прислонясь спиной къ дереву, съ руками, упавшими на колѣни, съ наклоненною головою и съ сѣдой бородою, лежащею на груди. Добрыня, озаренный огнемъ, казался волшебникомъ, поводителемъ лѣсныхъ чудищ; а Алексѣя съ его оживленнымъ лицомъ и глазами, полными юношеской мечтательности, можно было принять за юношу, пришедшаго къ старому вѣщуну за совѣтами проникнуть въ высокій, неотступно охраняемый теремъ красавицы.

Время летѣло скорѣе, нежели огонь истреблялъ сухія вѣтви на кострѣ, и по мѣрѣ того, какъ Добрыня засыпалъ крѣпче и крѣпче, выражая удовольствіе умильнымъ храпѣньемъ, великодушное терпѣніе Алексѣя уменьшалось. Наконецъ онъ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что сѣдой туманъ, предвѣстникъ утра, какъ хитрый старикъ, подкрался къ нимъ и началъ раскидывать вокругъ свои мгlistыя сѣти. Весь лугъ между лѣсомъ и Десною обратился въ бѣлую волнистую ткань, а рѣку какъ будто подогрѣли подземные духи : отъ нея пары встали облаками и замглили всю гору съ огромными камнями и монастырь съ его садами и лѣсомъ; самый огонь пожара видѣлся сквозь нихъ тусклымъ пятномъ, и играло свѣжо только зарево въ высотѣ неба.

Чтобъ разбудить скорѣе Добрыню, Алексѣй придумалъ смѣшную затѣю. Онъ отошелъ въ сторону за деревья и прокричалъ, подражая Мулюхѣ, разбойничій окликъ :

Гой, ты, боръ-борина !

— Господи, помилуй насъ и спаси ! вскрикнулъ Добрыня, схватываясь съ мѣста и протирая глаза. — Гдѣ это онъ ?

— Пора въ дорогу, Добрыня, сказалъ Алексѣй, показываясь со смѣхомъ изъ за деревьевъ.

Но смѣхъ его смѣнился вдругъ безпокойнымъ выраженіемъ лица, потому что въ глубинѣ лѣса, вправо отъ дороги, послышался отвѣтный стѣхъ :

Ты, чужая сторона !

Это придадо прити не только слугѣ, но и самому господну, который боялся ; чтобъ новая встрѣча съ людьми, подобными Мулюхѣ, не лишила его возможности догнать драгоценную колымагу.

Вскочивъ на сѣдла, они помчались быстрою рысью въ глубину лѣса, и Алексѣй былъ какъ нельзя больше увѣренъ, что черезъ часъ увидитъ предметъ своего преслѣдованія.

Однакожь, прошелъ часъ, прошло и два, а ничего подобнаго вдали не мелькало, да и не могло мелькать, потому что туманъ сгущался часъ отъ часу больше, и лѣсная просѣка казалась дѣлывшимся каналомъ среди деревьевъ.

Сердце Алексѣя сжалось : что, если таинственная колымага остановлена вольными казаками, которыхъ окликъ отозвался ему издали ?

Лѣсъ на этой сторонѣ Десны былъ мельче и состоялъ по большей части изъ низкихъ ольхъ, рябины и другихъ деревьевъ, любящихъ низмелыя мѣста. Часто онъ прерывался на значительное пространство открытыми полянами; но зато болота представляли для путешественника здѣсь больше затрудненій, нежели на гористомъ берегу Десны глубокія провалы и поросшіе соснами косогоры. Дорога часто расходилась въ стороны, чтобъ обгнуть топкое мѣсто, и опять соединялась въ одну шероховатую, пересѣченную древесными корнями полоосу.

Чѣмъ дальше ѣхали наши путники, тѣмъ торъ дѣлался слабѣе, и лишь мѣстами по глубокимъ выбоинамъ замѣтно было, что тутъ дорога гонная. Уже и тотъ и другой начали подумывать, не сбились ли они съ главнаго пути, но Алексѣй не хотѣлъ объявить этого первый, а Добрынѣ было стыдно послѣ недавнихъ его увѣреній, что ему хорошо знакома дорога отъ Новгородка до Перебоища.

Наконецъ выѣхали они изъ послѣдней лѣсной полосы на открытое мѣсто и очутились въ какомъ-то морѣ безъ береговъ. Туманъ позволялъ видѣть кругомъ не дальше, какъ падаетъ дротикъ, брошенный рукой мальчика, начинающаго учиться рат-

тому дѣлу. Небольшой кусокъ земли подъ ногами, доступный для зрѣнія, казался нашимъ странникамъ коррозій-самолетомъ, который мчитъ ихъ поверхъ дерева стоячаго, поверхъ облака ходячаго въ тридцатое царство, и Добрыня готовъ былъ уже думать, что они очутились на берегу огненной рѣки, потому что далекий достобъ, тускло рѣвщій сквозь непроглядную массу тумана, казался въ такомъ отъ нихъ разстояніи, какъ падаетъ стрѣла изъ лука.

Подвигаясь впередъ медленно и съ явнымъ уже сомнѣніемъ, они, въ добавокъ къ прежнему горю, увидѣли, что дорога раздвоилась широкою розсошью направо и налево. Это поставило вашихъ богатырей въ тупикъ, потому что при розсоши не было, какъ въ сказкахъ, столба съ предсказаніемъ, что постигнетъ добра-молодца на томъ и на другомъ пути.

Добрыня совѣтовалъ избрать правую стежку, какъ ближайшую къ юго-востоку, гдѣ лежалъ Путивль; но Алексѣй предпочелъ мнѣніе своего коня, который, насторожа уши, поворачивалъ голову налево и громко ржалъ, какъ будто отвѣчалъ на зовъ пасущихся недалеко кобылицъ.

Проѣхавъ еще съ часть правую отрасль дороги по ровной почвѣ, вспаханной подъ озимый хлѣбъ, они не встрѣчали никого, кромѣ воронъ, дрофъ и запоздалыхъ журавлей, поспѣвавшихъ въ тѣ стороны, откуда Русь за свои деревенскія издѣлія получала вина и сласти. Наконецъ послышался собачій лай, и черезъ нѣсколько минутъ ихъ окружило стадо псовъ разныхъ породъ, разной величины и масти.

Добрыня подумалъ, что они заѣхали въ собачье царство — онъ уже слышалъ про царство лошадиное — какъ сквозь густой концертъ лая и визга слышались человѣческіе голоса.

Нѣсколькихъ словъ, ясно разслышанныхъ нашими путниками, было достаточно для убѣжденія, что здѣсь были малороссы.

Дѣйствительно, изъ тумана скоро выступило, какъ тѣни по вызову чародѣя, нѣсколько фигуръ въ высокихъ черныхъ барашковыхъ шапкахъ, въ короткихъ сермагахъ и тулупчикахъ, въ широкихъ холстяныхъ шароварахъ и — что всего болѣе бросалось тогда въ глаза — съ бритыми бородами (потому что у малороссовъ бороду носили только старшины, которыхъ всѣ называли *батьками*). Каждая изъ этихъ фигуръ держала въ одной

рукъ по тяжелому луку, а въ другой — по пучку длинныхъ стрѣлъ; у поясовъ — ножи.

— Ось воны! ось воны! закричали эти тяжелые на взглядъ и медленноходные люди. — Забѣгай, забѣгай съ того боку! Ловы, беры!

— За кого вы насъ почитаете? сказалъ Алексѣй, остановясь и догадываясь, что тутъ есть какая-то ошибка.

— Та се не воны! сказалъ одинъ изъ ловцовъ: — тамъ чернецъ съ козакомъ, а се хлопья съ дѣдомъ.

— Не ймы виры очамъ! сказалъ показавшійся послѣ всѣхъ старикъ, одѣтый почти такъ же просто, какъ и прочіе, но отличенный сѣдою бородой: — не ймы виры очамъ! винъ, кажутъ, чаривникъ — усячиною перекивеця.

Кроткій видъ Добрыни и спокойныя убѣжденія Алексѣя, что они ошибаются, поколебали, однакожь, немного добрыхъ людей, и они, окружа всадниковъ и не обращая больше на ихъ рѣчи вниманія, начали держать «раду», какъ поступить имъ въ такомъ сомнительномъ дѣлѣ. Лай и завыванья собакъ, прогнанныхъ отъ ихъ находки, придавали этой радѣ какую-то дикую торжественность.

Глубокомысленное изреченіе: «Не ймы виры очамъ», было произнесено нѣсколько разъ и принято «громадою» (*) съ важнымъ вниманіемъ; наконецъ рѣшили—такъ или иначе оно есть—отвести ихъ къ какому-то Проклу Проклычу.

— Мы не сдѣлаемъ вамъ никакого зла, коли вы не нашего лова звѣрь, сказалъ, обращаясь болѣе къ Добрынѣ, нежели къ Алексѣю, сѣдой ловець: — сохрани Боже, чтобъ мы кому заподѣяли какое зло! не потерпите этого ни Господь Богъ, ни Прокло Прокловичъ. Нагодуемъ (нажоримъ) васъ, упоковмъ и выведемъ на прямую дорогу, коли вы не нашего гону бобры. Ступайте за нами.

Простодушныя фізіономіи этого народа внушали столько довѣрчивости, что даже Добрыня не усомнился за нимъ послѣдовать, а Алексѣй радъ былъ отдохнуть подъ безопаснымъ кровомъ, чтобъ съ новыми силами пуститься въ путь къ Перебоищу.

Старикъ ловець помѣстился впередъ съ подлесьемъ своихъ товарищей; остальные въ несравненно болѣемъ числѣ стали

(*) Обществомъ, вѣромъ.

плечо съ плечомъ, сзади, и конвой съ плѣнниками двинулся въ путь. Стая собакъ гарцовала кругомъ, какъ партизаны вокругъ регулярнаго войска.

Добрыня молчалъ, удрученный обычнымъ горемъ, и только по временамъ повторялъ съ тяжкимъ вздохомъ :

— Ахъ, Господи! ка-бы мнѣ сбить его поскорѣе съ рукъ! Донеси меня, Господи, до Перебойща: лучше тогда въ сыру-землю, чѣмъ съ нимъ въ дорогу!

АлексѢй между тѣмъ разсматривалъ своихъ переднихъ провожатыхъ. Всѣ они были одѣты одинаково, т. е. просто и почти бѣдно; но въ приѣмахъ и въ поступкѣ старика замѣтна была необыкновенная какая-то важность. Онъ шагалъ какъ журавль и держалъ голову прямо, совсѣмъ не по стариковски. Его спутники переговаривались между собой въ полголоса и, по видимому, боялись коснуться къ его поламъ и широкимъ шароварамъ.

— Послушай, старче, сказалъ АлексѢй, намѣреваясь кой-чемъ распросить его.

Но тотъ на этотъ зовъ не шевельнулъ и усомъ.

АлексѢй повторилъ свои слова громче, наконецъ сказалъ съ досадою :

— Да что ты глухъ, что ли? Эй, мужики! Что вашъ стаякъ-то глухъ?

Одна изъ усатыхъ физиономій медленно повернулась къ нему и проговорила :

— Ты зовешь батька?

— Ну, батьку, отвѣчалъ АлексѢй : — если онъ вашъ батька.

— Такъ такъ же бѣ ты и говоришь! сказалъ усачъ : — старецъ у насъ — ныщій, убогій, а се батько.

И, обратясь къ важному старику, доложилъ почтительно :

— Батько Шотапъ, тебе хлопецъ зве.

Но тотъ, не поварачивая головы, отвѣчалъ :

— Скажи: колы старшій мовчить, такъ меншому зась.

И усачъ повторилъ пунктуально его слова, оборотясь къ АлексѢю.

— Старшій изъ насъ двоихъ я, сказалъ АлексѢй, будучи не въ состояніи удержаться отъ смѣху.

— Якъ бы се такъ? спросилъ, посмотрѣвъ на него однимъ взглядомъ. Рядичавый батько.

— Такъ, что я бояричь, а онъ холопъ, отвѣчалъ Алексѣй.

Батько Потапъ остановился и окинулъ его взглядомъ съ головы до ногъ.

— Правду вишь каже? спрошено было у Добрыни, и, когда полученъ былъ утвердительный отвѣтъ, тогда только важный старикъ удостоилъ Алексѣя нѣкотораго вниманія и пошелъ рядомъ съ его конемъ, готовый, по видимому, удовлетворить его любопытство.

— Скажи пожалуй, батька, что вы за люди? спросилъ у него Алексѣй.

— Самъ бачишь, отвѣчалъ тотъ: — народъ христіанскій.

— Этого съ меня мало, сказалъ Алексѣй: — я хочу знать, какого вы званія, чьи вы холопы, крестьяне или вольные бѣдопашды?

— Ты обо всѣхъ хочешь знать или обо мнѣ одномъ? спросилъ батько Потапъ, на своемъ странномъ для москвича нарѣчїи, которое я до необходимости долженъ передавать здѣсь по сѣверно-русски.

— Ну, хоть о себѣ сперва скажи, что ты за человекъ.

— Что я за человекъ! а какъ тебѣ сдается?

— Да что изъ? ты, пожалуй, боярскій ловчій, что ли?

— Ловчій! нѣтъ подымай выше.

— Ну, пускай ты будешь губной староста.

— Подымай еще выше.

— Кѣмъ же тебѣ быть еще въ этомъ захоlustьѣ? сказалъ Алексѣй, наблюдая въ его осанкѣ странную смѣсь важности и простодушія. — Пожалуй, ужъ не самъ ли ты дѣлать этихъ пустынъ?

— Нѣтъ, я не дѣлать, не осадчій и не отчинникъ здѣшній, но мало меньше того: я коваль Прокла Прокловича.

Эти слова можно бы было принять за шутку, но голосъ и выраженіе лица батька Потапа были очень далеки отъ шутливости. Онъ, казалось, отъ роду не смѣялся. Его физиономія была неподвижна, какъ у каменныхъ боговъ незаписаннаго исторіею народа, находимыхъ на старинныхъ машинахъ курганахъ.

— Кто же этотъ Проклъ Прокловичъ? спросилъ Алексѣй, на котораго титуло коваля сдѣлало меньше впечатлѣнія, нежели можетъ быть, ожидать сѣдой батько.

— Кто Прокло Прокловичъ! съ удивленіемъ повторилъ онъ: — такъ ты не знаешь Прокла Прокловича?

— Не знаю и не слыхалъ никогда такого яуднаго имени.

— И пана Заболотнаго не слыхалъ?

— И пана Заболотнаго не слыхалъ.

— Ну, такъ хѣтъ же слыхалъ когда нибудь про Мосты, про урочище Мосты?

— Никогда ничего подобнаго не доходило до моихъ ушей.

— Ну, ну! сказала старикъ, покачавъ головой; — достой же еще: вѣрно, ты слыхалъ когда нибудь хоть въ сказкѣ про Черныя Лозы.

— И, вѣтъ, совсѣмъ не слыхалъ, отвѣчалъ Алексѣй, начиная смѣяться.

— Ого! сказалъ глубокомысленный батько, взглянувъ на заднихъ своихъ спутниковъ, и тѣ, по видимому, совершенно поняли, что значить это «ого», потому что покачали значительно головами. — Изъ далекой же стороны залетѣла къ намъ птица! Откуда это ты такой взялся, что не слыхалъ ни Прокла Прокловича, ни Мостовъ, ни Черныхъ Лозъ?

— Охотно тебѣ это скажу, отвѣчалъ Алексѣй: — но сперва раскодиуй мнѣ, что это за Проклъ Прокловичъ и за Мосты?

— Добре, сказалъ старикъ: — смотри: видишь ты вонъ сѣдой туманъ блеститъ вода? Это не море и не Днѣпръ и не Десна, да не переѣдешь черезъ нее ни бѣйдакомъ, ни владъ. Затѣмъ-то и помещены тутъ кладки. Но это еще не Мосты: это еще только кончикъ Мостовъ.

Передъ ними въ это время оказалась длинная полоса воды, которой берега терялись въ туманѣ: сквозь холодную мглу видѣлись только то темнѣе, то блѣднѣе купы небольшихъ деревьевъ. Дорога здѣсь пошла топкая, и только связки хвороста, положенныя поперекъ, давали возможность пробираться кое-какъ впередъ на коняхъ. Черезъ минуту всадники должны были, по требованію сѣдого батька, спѣшиться. Болотная часть уступила мѣсто доскамъ, положеннымъ, въ нѣсколькихъ верхкахъ надъ водою, съ перекладныи на перекладину, которыя утверждались на дубовыхъ сваяхъ.

Батько Потапъ. взявъ за поводъ коня алексѣева и повелъ впередъ, а остальному конвою и двумъ плѣнникамъ велѣлъ размѣститься такъ, чтобъ человекъ отъ человека отстоялъ «на три ратовища».

Эта предосторожность была необходима, потому что перекладыны размѣщены были рѣдко, и длинныя доски, несмотря на толстоту свою, гнулись какъ хлыстики и плескались по водѣ. Старикъ, для большаго убѣжденія своихъ спутниковъ, напомнилъ имъ недавнее потопленіе здѣсь какого-то смѣльчака, котораго едва баграми могли послѣ нащупать и вырвать изъ всасывающей глубины болота.

Разговаривать сдѣлалось теперь неудобно, и Алексѣй молча шелъ въ трехъ ратовищахъ отъ своего коня, съ удивленіемъ разсматривая эту дикую равнину, залитую стоячею водою, и шаткую переправу, которая тянулась, по видимому, на безконечное пространство.

Поднялся съ востока легкій вѣтеръ и началъ свивать въ клубы лежавшей надъ водою туманъ. Алексѣй вспомнилъ сказку о прозрачныхъ утопленницахъ, подметающихъ, сдѣланными изъ вѣтра метлами, хрустальные полы своихъ покоевъ.

Розовый востокъ заалѣлъ ярче, отражаясь въ длинныхъ нитяхъ воды, потянувшихся дальше и дальше въ глубь лѣсной низменности.

Тишина, царствовавшая въ полѣ и на лугу, смѣнилась здѣсь звонкими криками дикихъ гусей и утокъ, которыхъ цѣлыя стада видѣлись вдали по обѣ стороны зыбкаго мостика. Между ихъ темными кучами показывалось порой семейство гордыхъ лебедей, а черныя аисты, такъ рѣдкіе на сѣверѣ, стояли неподвижно, поджавъ одну ногу, на пловучихъ островкахъ трясины, какъ будто обдумывая, въ какую сторону уходить отъ приближающейся зимы.

Чѣмъ дальше шли, съ своими провожатыми, наши путники, тѣмъ гуще становились деревья, которыя прежде изрѣдка видѣлись имъ темными пятнами въ туманѣ. Это были гибкія ивы съ тонущими въ водѣ вѣтвями, раскидистыя вербы и ольхи съ покрашенными листьями.

Наконецъ перекладыны, извиваясь направо и налево, потянулись жидкимъ лѣсомъ, изрѣзанномъ водяными затоками, и опять смѣнились чѣмъ-то въ родѣ плотины.

Послышался не вдалекѣ стукъ топоровъ сквозь таковыя глухихъ тетеревей и стрекотанье безчисленнаго множества дроздовъ, перелетавшихъ стадами съ дерева на дерево.

— Вотъ наши Мосты! крикнулъ издали, оборотаясь къ Алексѣю, батько Потапъ. — Но это еще не все: посмотришь, что будетъ дальше.

Они вступили въ лѣсъ, состоявшій изъ сосенъ и березъ необыкновенно высокихъ, ровныхъ и тонкихъ. Эхо топоровъ ходило по этимъ воспитаннымъ болотистою почвою деревьямъ звонко, какъ по натянутымъ струнамъ. Крики птицъ, доселѣ рѣзкіе и нестройные, сливались здѣсь со стукомъ сѣкиръ въ какой-то волшебный ладъ.

Это чувствовалъ, по видимому, даже флегматическій батько Потапъ: онъ закричалъ опять къ Алексѣю, подмѣшивая своимъ голосомъ въ пустынный концертъ новый токъ звуковъ и отзвучій:

— Что, каковы наши Мосты? Нѣтъ въ свѣтѣ веселѣ мѣста! всякая благодать Божія! Еще жъ увидишь Черныя Лозы.

Сквозь деревья опять заблестѣла вода. Это было что-то въ родѣ рѣки, разлившейся между небольшими островами, густо поросшими высокимъ, тонкимъ и стройнымъ лѣсомъ. Досчатые перекладины, подобныя прежнимъ, шли здѣсь съ островка на островокъ, и глазъ зашедшаго въ это мѣсто впервые очаровывался видомъ каналовъ или рукавовъ рѣчки, расходящихся въ разныхъ направленіяхъ по лѣсу, и мгlistoю глубиной пейзажей, состоявшихъ только изъ дерева, воды и неба, но разнообразныхъ до чрезвычайности.

Не на это, однакожъ, обратилъ здѣсь особенное вниманіе Алексѣй. Онъ увидѣлъ, что стукъ топоровъ не былъ, какъ онъ предполагалъ, вѣстникомъ мирныхъ занятій дровосѣка или плотника: народъ рубилъ на сосѣднихъ островахъ боевыя заставки, которыя, отстоя отъ мостиковъ на ружейный выстрѣлъ, могли защищать эту тѣсную дорогу противъ какого угодно войска.

— Что это значить? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ага! отвѣчалъ батько Потапъ: — это значить, что и васъ голою рукою не бери. Ты думаешь, Черныя Лозы такъ себѣ хуторъ! увидишь, что это за Черныя Лозы. Прокля Прокловича другого въ свѣтѣ не отъищешь: не отъищешь, я думаю, и Черныхъ Лозъ другихъ.

Еще топкое болото съ зыбкими гатами; еще озера стоячей воды съ кудами лозы и камыша, съ пловучими макорками и всякими волокнистыми травами, изъ которыхъ водяной плететь свои сѣти на удивленіе нерасторожныхъ и пьяныхъ путниковъ. Наконецъ показались верхи высокихъ липъ и вязовъ, а выше ихъ купы рябины, накрапленные густо красными кистями. Еще ниже, изъ за болотныхъ кустарниковъ показалась путь возвышенная надъ водою подола луга, сокращавшагося въ узкую линію, и по немъ игралъ табувъ лошадей, по большей части сѣрыхъ и бѣлыхъ.

Кони Алекся привѣтствовали обитателей этого уединеннаго пастбища громкимъ ржаньемъ, и нѣсколько жаркихъ морды обратилось къ нимъ, пуская навстрѣчу облака дымнаго пару.

— Это у насъ запасъ на татарь: проклятая погань часто подкрадывается къ нашимъ селамъ, сказалъ коваль Потапъ Алексью, когда они ступили на дугъ: — если надо, то сегодня сто коней и выѣдетъ за ними въ погоню. Они меня боятся, глушые: не разсудятъ, что безъ подковъ скоро имъ будетъ какъ безъ ногъ. На завтра надо ожидать добраго мороза. А тамъ вправо смотри, какая отара овецъ. Слава тебѣ Господи, не нуждается ни въ чемъ Прокло Прокловичъ.

Дугъ для лошадей отгороженъ былъ отъ луга для овецъ. Пройдя еще нѣкоторое разстраніе и повернувъ за рябиновую рощу, они вступили въ новую изгородь, которой края терлись да деревьями. Тутъ паслось стадо коровъ и быковъ, крупныхъ, добистыхъ, круторогихъ, по большей части кирпичнаго цвѣта, ярко горѣвшаго на солнцѣ, которое взошло съ противоположнаго конца пустыни и прогоняло съ долины и водныхъ плоскостей послѣднія зыбля тумана.

— Это любимцы Прокла Прокловича, сказалъ коваль Потапъ: — каждый вода знаетъ онъ по имени и всякое утро приносятъ имъ по куску хлѣба.

Но видно, не отъ одного Прокла Прокловича лакомились эти животныя-флегматики: нѣсколько важныхъ быковъ, съ отвѣсными почти до колѣнъ ногами, подошли къ батьку Потапу и протягивали къ его рукъ свои круглыя и гладкія морды.

— Благодатная животина, говорилъ, поглаживая ихъ, медленнѣй, какъ и они, батько Потапъ: — они насъ кормятъ хлѣбомъ. Такъ говорить и Прокло Прокловичъ. Вотъ видныкрыши

чрезъ верхи: это наши запасы хлѣбныя, и все труды вотъ этихъ добряковъ. Ихъ стоитъ жаловать: А вотъ настоящіе дармоеды! Смотри, сколько ихъ у насъ.

Въ это время туча бѣлыхъ голубей поднялась изъ за недалекихъ уже липъ и вязовъ. Освѣщенные снизу только что взошедшимъ солнцемъ, они сверкали на лазури небесной, какъ золотыя и серебряныя блески.

— Это забава Прокла Прокловича, продолжалъ старикъ. — Да почему жъ и не позабавиться доброму человѣку? Есть, говорятъ, люди, чтó забавляются людскими слезами; то хуже, мнѣ слается. А нашъ Прокло Прокловичъ и скоту, и птицѣ, и человѣку дѣлаетъ добро.

— Новсе-таки ты не сказалъ мнѣ, кто этотъ добрый Проклъ Прокловичъ? замѣтилъ Алексѣй.

— Какже я тебѣ скажу, кто Прокло Прокловичъ, отвѣчалъ его собесѣдникъ: — когда ты еще не знаешь Черныхъ Лозъ? Говорить, такъ говорить по порядку. Вотъ Мѣсты ты видѣлъ. Я думаю, нѣтъ на свѣтѣ такого другого мѣста — и Прокло Прокловичъ такъ думаетъ — видѣлъ ты и Черныхъ Лозъ кусокъ. Это уже Черныя Лозы, вотъ, гдѣ мы идемъ. Но посмотришь, чтó будетъ дальше.

Повернувъ за хлѣбныя магазины, они очутились у тѣхъ высокихъ вязовъ и липъ, которые видѣлись издали. Коваль Потапъ объяснилъ Алексѣю, что Проклъ Прокловичъ собственными руками насадилъ эти липы, для того, чтобъ отдѣлить овины отъ хлѣбныхъ запасовъ.

— Собственными руками! повторилъ Алексѣй, разсматривая съ удивленіемъ разрозсююся, по видимому, лѣтъ во сто рошу. — Сколько же лѣтъ самому вашему Проклу Прокловичу?

На это коваль Потапъ какъ-то странно потрясъ головою.

— Я тебѣ говорю, сказалъ онъ: — что другого Прокла Прокловича не найдешь на свѣтѣ. Мнѣ вотъ о Рождествѣ минетъ осьмидесятый годъ, моему брату мирошнику (°) будетъ лѣтъ пять надѣ-то, а мы оба и не знаемъ Прокла Прокловича безъ уса. Ему по малой мѣрѣ лѣтъ сто и двадцать.... Вотъ и наши гумны. Хлопцы, оборотился батько Потапъ къ своимъ товарищамъ съ луками: — ступайте по своимъ мѣстамъ. Я самъ поведу гостей къ Проклу Прокловичу. Теперь уже вы наши гости, сказалъ онъ

(°) Мельнику.

Алексѣю. — Я вижу по твоей мовѣ и по всему, что ты хлопча доброго роду; ато было подумаль сперва, не тотъ ли ты чернецъ, что вербуеть по нашимъ селамъ глупыхъ севрюковъ для како-го-то проавы-царевича.

— Чернецъ — и вербуеть севрюковъ? спросилъ Алексѣй: — стало быть, и монастыри пошатнулись на сторону Самозванца?

— Нѣтъ, монастыри стоятъ твердо еще за царя Бориса, отвѣчалъ коваль Потапъ: — а этотъ чернецъ — видно, самъ нечистый въ человѣческомъ образѣ. Водится съ лѣсными казаками повсей Украинѣ и сыплеть деньги; а откуда онѣ у него берутся, скажетъ развѣ тотъ, что съ козьими рогами.

— Откуда жь онѣ? изъ какого монастыря?

— Изъ самой Москвы. Это тотъ самый Отрепа, про котораго была царская грамота, что онѣ озвался царевичемъ. А онѣ не говоритъ, что онѣ царевичъ, а только божится, что знаетъ царевича съ дѣтства и видѣлъ въ Литвѣ.

Слова эти поразили Алексѣя. До сихъ поръ онѣ думаль, что Самозванецъ есть бѣглый діаконъ Чудовскаго монастыря Григорій Отрепьевъ, какъ писалъ и царь Борисъ въ грамотѣ польскому правительству. Теперь это загадочное лицо начало представляться чѣмъ-то болѣе важнымъ его воображенію.

«Что же подумаютъ тѣ — размышлялъ онѣ, идучи за своимъ проводникомъ — кто менѣе меня приверженъ къ царскому дому? Пребываніе Отрепьева въ Россіи передъ глазами пограничныхъ жителей не будетъ ли для нихъ убѣжденіемъ, что Самозванецъ дѣйствительно сынъ царя Іоанна Грознаго? Тучи со всѣхъ сторонъ облегаютъ престолъ царя Бориса Θεодоровича; дай Богъ ему не пошатнуться!»

— Правда этому или нѣтъ, продолжалъ батько Потапъ: — только всюду развозить этотъ Отрепа грамоты отъ своего царевича, а темный людъ тревожится, какъ пчелы въ коробкѣ. Царевичъ этотъ идетъ, слышно, сюда войною: кто не покорится — въ пень вырубить. Такъ вотъ и думай бѣдный мужикъ: стоять за царя Бориса — раззорить царевичъ; стоять за царевича — бѣда будетъ отъ царя Бориса. Поневоля пристають иные къ тому Отрепѣ.

— А вы? спросилъ Алексѣй.

— А намъ чего бояться въ своихъ Черныхъ Лозахъ? Видишь, какія кругомъ болота? Какъ велитъ Прокло Прокловичъ смять кладки, такъ никто въ свѣтѣ къ нему не достучится.

— А зимой?

— Зимой хоть и не думай. Эти болота всю зиму тлѣютъ и дымятся, какъ дегтярный майданъ. Подъ снѣгомъ да подо льдомъ такія тутъ у насъ западни, что шурхнешь какъ разъ на вѣлки (*). Разъ поткнулись было сюда зимою лѣсные казаки, эти бродяги, что понаходили изъ московскихъ городовъ. Купа ихъ была немалая. Думали ночью поживиться скотомъ въ Черныхъ Лозахъ, да насилу выбрались изъ болотъ. Весною поймали ихъ баграми больше десятка. Уже какой былъ татаринъ Батый! находилъ онъ наздѣшнюю Украину еще при прадедѣ нашего Прокла Прокловича; Кіевъ раззорилъ, всѣхъ подъ ярмо полклонилъ, а въ Черныхъ Лозахъ и нога его не была. И не заплатили дѣды Прокла Прокловича дани не шеляга погаивымъ татарамъ. Это онъ самъ говорилъ.

— Зачѣмъ же вамъ заѣлки, спросилъ Алексѣй: — если къ вамъ нельзя достучаться?

— А ты развѣ не видалъ послѣ зеленыхъ святъ на небѣ помела? Прокло Прокловичъ какъ только увидѣлъ, заразъ и промолвилъ: «будетъ великая война въ русской землѣ, какой еще никогда не бывало», и велѣлъ готовить на заѣлки дерево. Чтѣжь? вотъ и оправдались слова Прокла Прокловича. Подуло отъ Литвы такимъ вѣтромъ, что снесетъ, можетъ быть, не одинъ городъ. Только и защиты добрымъ людямъ будетъ, что въ Черныхъ Лозахъ. Мѣста у насъ довольно, лѣсъ на хаты кругомъ, а хлѣба не переѣсть и всему Сѣверу (**): столько его запасено у Прокла Прокловича.

(*) Смутное воспоминаніе о недоступныхъ селитьбахъ въ давнія, полныя напастей времена сохранилось у смолянъ. Они говорятъ, что есть гдѣ-то въ ихъ губерніи лѣсъ, среди котораго находится широкое, топкое, непроходимое болото, и по тому болоту не только лѣтомъ, но и въ самую холодную зиму нѣтъ ни проѣзда, ни прохода; оно никогда не мерзнетъ и никогда не пересыхаетъ. Посреди его есть островъ зеленый и извѣщенный, какъ лужайка. Тутъ растутъ высокія, красивыя деревья, еще не тронутыя отъ начала міра, и водятся различныя звѣри, птицы и пресмыкающіяся, которыхъ давнымъ-давно уже нѣтъ въ другихъ мѣстахъ. (Намекъ на неизмѣняемость старинной жизни въ такихъ захласткахъ.)

(**) Такъ называлась Сѣверія малороссійскою частью своего населенія. Въ Лѣтописи Самовладца, напримѣръ, говорится: «Татари начали уступати въ Сѣвера.» (Стр. 43.)

Безчисленныя скурды подлѣ гушенъ . поросшія уже бурьяномъ , подтверждали слова батька Потапа .

За гумнами опять посажена была густая роща изъ кленовъ , ясеней и буковъ . Не пренебрежена была здѣсь Прокломъ Проклычемъ и вѣчно зеленая сосна , хотя , вѣроятно , онъ не рассчитывалъ на эффектъ , какой она дѣлала осенью . Пожелтѣвшіе , тонкіе и жидкіе листья кленовъ , ясеней , буковъ , просвѣченные солнцемъ , играли на темной массѣ сосенъ какъ золотое шитье на зеленомъ сукнѣ и превращали рощу , насаженную съ хозяйственною предусмотрительностью , въ изящное произведение природы и искусства .

За рощею открылось передъ нашими путниками большое село , состоящее изъ бѣлыхъ подъ соломенными крышами хатъ , оируженныхъ садами . Алексѣй подивился множеству плодовыхъ деревьевъ , на которыхъ еще нрѣдка оставались пядызимовки .

— Чтѣ теперь ! сказалъ ему коваль Потапъ : — когда бѣ ты побывалъ въ нашихъ Черныхъ Лозахъ весною , какъ сады цвѣтуть , то сказалъ бы , что это сущій рай Божій .

— И все это Прокла Проклыча мужики живутъ ?

— Все это ? да у него десять такихъ селъ есть , коли не больше . Мы и сами не знаемъ , сколько подъ нашею рукою крестьянъ .

— Можетъ ли это статься , сказалъ Алексѣй : — чтобъ вотчинникъ не зналъ своихъ вотчинъ ?

— Станется по неволѣ , отвѣчалъ батько Потапъ : — коли отчиннику такъ нужны тѣ отчины , какъ пятое колесо къ возу . У него ноть есть Черныя Лозы — больше ему на что ? Севрюки сами горнутя къ Проклу Прокловичу , какъ дѣти къ батьку : « Не оставляй насъ , пане , безъ тебя насъ и куры заклюютъ , будь нашимъ дѣдичемъ . — Ну , ну , смотрите жъ , шануйтесь , ато и пуръ вамъ ! » (*)

— Какъ же это ? спросилъ Алексѣй : — развѣ вашъ дѣдичъ викакихъ оброковъ съ крестьянъ не собираетъ ?

— Какъ можно не собираетъ ? отвѣчалъ старикъ . — Безъ того какой бы онъ былъ дѣдичъ ? Дѣтомъ отъ всякой души принеси ему въ Черныя Лозы по снопу жита . Видѣлъ , какія скурды на

(*) О подобныхъ чертахъ простодушія авторъ слышалъ въ дѣтствѣ отъ стариковъ .

валены? Это все оброчный хлѣбъ. Да къ Рождеству да къ Великодню бобра або куну отъ десяти дымовъ.

— А въ царскую казну?

— То уже они общиною собирають и платять; чи вешняя дань, чи осенина, сами разложить на *выти*, на *тлгга* да и отдають данщикамъ. И даточныхъ людей міромъ собирають. Только слава та, что изъ вотчинъ Прокла Прокловича, а они сами высылають въ войско даточныхъ. Вотъ и теперь пошло къ Брянску ихъ съ сотню или больше. Прокло Прокловичъ въ это не мѣшается; а если захочетъ подспорить царю, такъ у него сто юнаковъ есть про запасъ, конныхъ, збройныхъ и оружныхъ; есть и воевода про нихъ такой, что назадъ не попятится.

— Кто жь этотъ воевода?

— Да хоть бы и я, сказалъ съ гордостью батько Потапъ. — Что ты такъ на меня смотришь? не бойся, умѣемъ и мы ратовать.

Алексѣй не могъ безъ смѣху вообразить этого важнаго полководца распоряжающимся въ ратномъ полѣ, однакожь промолчалъ и старался слушать его съ важнымъ видомъ.

Село оканчивалось небольшимъ склономъ къ запруженной рѣчкѣ, которая раздѣляла островъ (видно было, что Черныя Лозы — островъ) на двѣ половины. Рѣчка только у плотины блестяла чистымъ озеромъ, по которому разгуливали гуси и ручные лебеди, а въ верховьяхъ и она поросла пластами высокаго камыша. За рѣчкою чернѣла низкая деревянная церковь и выглядывали изъ за саду крыши панскаго жилища.

Мельница на плотинѣ шумѣла и работала тремя поставами. Кругомъ на острову царствовало спокойствіе, по видимому, невозмущенное отъ вѣка никакими тревогами. Самыя дѣти, которыми наполнены были всѣ улицы, вели свои игры какъ-то мирно, безъ задору, безъ крика, безъ плача. Порядочная толпа этихъ веселыхъ болтушекъ собралась вокругъ незнакомцевъ и съ прыжками и пѣснями провожала ихъ черезъ плотину на панскій дворъ, который для нихъ, по видимому, былъ такимъ же привычнымъ мѣстомъ, какъ и церковный погостъ, гдѣ это молодое поколѣніе весело играло между могилами пращѣдовъ.

Не берусь объяснять, отчего всѣ мирные предметы, видѣнные Алексѣемъ на этомъ низменномъ и спокойномъ острову, показались чѣмъ-то родственнымъ его душѣ. Было ли это неяс-

пое воспоминаніе прошедшаго, или темное предчувствіе будущаго, только эти плескающіеся по водѣ мостики, эти водныя равнины съ криками гусей и утокъ, съ картинными семьями лебедей, съ отраженнымъ въ глубинѣ тихихъ водъ заревоиъ востока, съ этими стройными лѣсами, гдѣ стукъ топора превращается въ звонъ струны на гусяхъ, съ этими наконецъ привольными пастбищами и стадами, — отчего все это какъ будто видѣлъ онъ уже когда-то во снѣ? Еще менѣе объяснимо, отчего ему вобразилась неразлучною съ этими предметами мелькнувшая при лунѣ на переправѣ незнакомка — дочь ли она Берендѣя, или нѣтъ — вообразилась такъ живо, что онъ не безпокоился даже о потерѣ ея слѣда. Онъ шелъ съ словоохотливымъ своимъ провожатымъ и уже не задавалъ ему вопросовъ: онъ наслаждался мирнымъ сномъ, обнявшимъ его душу, среди этого тихаго уголка земли.

Какое жъ было его удивленіе, когда, вступивъ на широкое подворье Прокла Проклыча, онъ увидѣлъ — не во снѣ, а на яву — знакомую колымагу! Можетъ быть, онъ бы усомнился еще, та ли самая это колымага, которая стояла ему столькихъ волненій и безпокойствъ; но двое изъ слугъ, провожавшихъ ее, узнать Алексѣя, нагло обратились къ нему съ насмѣшками надъ его ночнымъ плаваньемъ.

Внимательный взглядъ на этихъ нахаловъ удостовѣрилъ Алексѣя, что они должны быть такъ называемые «боярскіе знакомцы», то есть бѣдные потомки дворянъ, служащіе какому нибудь боярину только за пропитаніе и одежду.

— Жаль, сказалъ Алексѣй: — знаете, что мы теперь на чужомъ подворьи; тутъ мнѣ совѣстно проучить васъ, какъ вы заслуживаете!

— Ты говоришь добре, сынку, сказалъ ему батько Потапъ: — я недаромъ замѣтилъ, что ты хорошаго роду дитя. Отдадимъ коней этимъ хлопотамъ, а сами пойдемъ къ Проклу Прокловичу.

Два человекъ, давно вышедшіе изъ возраста хлопотъ (*), приняли лошадей отъ батька Потапа и Добрыни, и путники наши были введены въ чертоги обладателя дивнаго острова Черныхъ Лозь.

(*) Дѣтей.

У Алексѣя вертѣлся на языкѣ вопросъ: кто это прѣхалъ въ колымагѣ? но онъ не успѣлъ сдѣлать его батьку Потапу, или, лучше сказать, не надѣялся, чтобъ тотъ двумя словами, безъ предварительныхъ распросовъ и околичныхъ толковъ, удовлетворилъ его любопытство, и потому отложилъ свой вопросъ, какъ то ни было для него трудно, до удобнѣйшей минуты. Между тѣмъ новые предметы и лица заняли сильно его вниманіе.

Чертоги Прокла Проклыча отличались отъ хатъ по ту сторону пруда только своею обширностію. Соломенная крыша, свинія круглыя стекла въ окнахъ, деревянныя трубы, — все было просто, какъ у мужиковъ. Въмѣсто крыльца и навѣса передъ входомъ росли густыя дубы, широко раскинувшіе вдоль крыши свои вѣтви. Подъ ними по обѣ стороны входа для сѣдалищъ лежали, на врытыхъ въ землю столбахъ, толстыя дубовыя доски, гладко обтертыя и даже округленныя на углахъ отъ дѣянаго употребленія. Тутъ Прокло Проклычъ, по словамъ коваля Потапа, рѣшалъ споры своихъ подданныхъ и выслушивалъ ихъ просьбы. На одной скамьѣ сиживалъ онъ самъ съ почетными гостями, которые бывали въ Черныхъ Лозахъ очень рѣдко, или съ священникомъ, который находился при немъ почти безотлучно; а на другой засѣдали батько Потапъ, съ своимъ братомъ мельникомъ, и еще двое батьковъ, изъ которыхъ одинъ былъ «тесля» (*), а другой ткачъ. (По видимому, въ этомъ тридцатомъ царствѣ всякій мастеръ своего дѣла былъ уже поэтомъ и знатный человекъ.)

На этотъ разъ гости застали Прокла Проклыча съ мельникомъ и двумя другими сѣдыми батьками въ первомъ покоѣ, отворившемся просто на дворъ. Прокло Проклычъ только что возвратился съ утренней прогулки и сидѣлъ съ длиннымъ посохомъ, котораго верхній конецъ украшенъ былъ мѣднымъ молоткомъ съ разводами.

Это была особа, вовсе непохожая на мірянина. Широкое, полное и еще непотерявшее всей свѣжести лицо его выражало какое-то благочестивое размышленіе, встрѣчаемое иногда въ лицахъ престарѣлыхъ священниковъ. Большая лысина, по краямъ которой спускались внизъ длинные золотисто-сѣдые волосы, и бѣлая борода, покрывавшая всю грудь и спускавшаяся на

(*) Плотникъ.

самыя колѣни, гдѣ подостланъ былъ подъ нее темно-красный, уже неновый, платокъ (*), — все это вмѣстѣ, съ широкорукавымъ, синяго цвѣта, платьемъ, похожимъ на расу и подложеннымъ черными серебрястыми бобрами, давало Проклу Проклычу наружность стариннаго князя русскаго.

Въ обширномъ покоѣ, гдѣ необыкновенная чистота занимала мѣсто всякаго убранства, царствовала глубокая тишина. Всѣ три-старика смотрѣли молча на Прокла Проклыча, и выраженіе ихъ глазъ, полныхъ любви и почтенія къ нему, придавало такой характеръ этому маститому старцу, что Алексѣй почувствовалъ къ нему уваженіе, подобное тому, какое питалъ онъ къ своему отцу.

Батько Потапъ потерялъ здѣсь свою величавую осанку, и лѣта его, казалось, уменьшились въ половину. Онъ подошелъ почтительно къ Проклу Проклычу и сказалъ, низко поклонившись:

— Добрыдень тобі, пане дядичу, Прокло Прокловичъ.

Дядичъ молча протянулъ ему для поцалуя руку и потомъ началъ говорить медленно и тихимъ голосомъ:

— Гдѣ это ты такъ замѣшкался, Потапе? А мы слушали святыя псалмы давидовы. Не посылаетъ намъ Господь священника на мѣсто покойнаго отца Петра, да будетъ ему мирная обитель у Господа Бога. Потомъ обошли часть нашей палестины. Прекрасны дѣла Господни на небесахъ, на землѣ и на волѣ. Потомъ покормили своихъ пернатыхъ дѣтокъ; потомъ, вотъ, и сами возжаждали временной пищи — да не вся семья собралась — вотъ, сидимъ и поджидаемъ.

Батько Потапъ отвѣчалъ:

— Я ходилъ съ хлопцами, чи не захвачу волка, что пошнить наше стадо — этого окаяннаго Отрепу, да вмѣсто того набрелъ на добрыхъ людей. Вотъ, пане дядичъ, Прокло Прокловичъ, молода дытына, боярскаго роду, съ своимъ цѣстуномъ. Я знаю, что тебѣ непротивно добраго человѣка удовольствовать хлѣбомъ-солью.

(*) Эта черта старинныхъ обычаевъ сохранена въ *Сказаніи о Гришѣ Отрепѣвѣ* (стр. 6): «И прійдоша въ Островъполь, и пошлаша обѣ нихъ князю Константину Константиновичу и повелѣи имъ вѣсти въ палаты своя, и видѣша и поклонивша: я ему, завидѣша благоувернаго князя, сядяща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суша, брату имѣюща до земли, на колѣнѣхъ же его послани быти платъ, на немъ же лежаше брада его.

— Напрасно ты, Потапе, сказалъ, немного помолчавъ, патриархальный Прокло Проклычъ : — напрасно ты гоняешься за злымъ человѣкомъ. Видно, и его нужно на свѣтѣ такъ, какъ ядовитыхъ гадоу, которыхъ создалъ тотъ же Господь Богъ. Онъ погибнетъ и самъ, сдѣлавъ свое дѣло. Еслибъ онъ попался тебѣ въ руки, то я угостилъ бы его, какъ добраго, и отпустилъ бы съ миромъ. А кого отлучить онъ отъ нашего стада, тотъ самъ увидитъ послѣ, что сдѣлалъ, и восплачется и возвратится къ намъ, а не возвратится, пускай погибаетъ своею — лишь бы не нашею — виною. Гостямъ же твоимъ я радъ. Подойди ко мнѣ, прекрасный юноша, обратился Прокло Проклычъ къ Алексѣю.

Алексѣй повиновался, и тотъ протянулъ ему благосклонно руку, какъ и своему вѣрному Потану. Нашъ добрый молодецъ даже и не призадумался, поцаловать ли ему эту почтенную руку, или нѣтъ : такъ покорила его доброта, сіявшая въ наружности и въ рѣчахъ этого старца.

— Господь тебя благословить и направить на путь истинный, чадо мое, сказалъ Прокло Проклычъ, положи руку на голову Алексѣя : — садись подлѣ меня. А вы, дѣти, велите подавать обѣдъ.

Та же почестъ была оказана и Добрынѣ, — почестъ, потому что важный старикъ протягивалъ для поцалуя руку съ невыразимою благосклонностію. Но Добрыня отказался сѣсть въ присутствіи бояръ и объявилъ, что для него много чести и глядѣтъ на нихъ.

На этотъ разъ Прокло Проклычъ промолчалъ, но когда поданный черезъ оконце изъ кухни обѣдъ поставленъ былъ батъками на столъ, онъ повторилъ Добрынѣ :

— Садись, добрый человѣкъ !

Добрыня хотѣлъ еще упрямиться, потому что видъ этого старца внушалъ ему почтеніе, смѣшанное съ невоиятымъ для него страхомъ, но нѣсколько словъ Алексѣя заставили его обояриться, и онъ помѣстился на концѣ стола, гдѣ сидѣли батъки Черныхъ Лозъ.

У Прокла Проклыча, какъ видите, обѣдъ былъ, по давнему обычаю, во время наше о сельскаго завтрака; въ полдень, у не-

го подавали полдникъ, а вечеромъ нечерю, или ужинъ. Въ его домашнемъ быту все соответствовало своему названію.

Столъ, за которымъ засѣдали теперь наши путники, былъ сдѣланъ изъ крѣпкаго грушеваго дерева и наощенъ какъ паркетъ, такъ что всякая пролитая жидкость легко вытиралась. Кушанья, въ маленькихъ мисочкахъ, стояли по всему столу. Въ однихъ лежали жареныя домашнія и дикія птицы, въ другихъ были жидкія варева, въ третьихъ яблоки, груши и разнаго рода приливныя ягоды. Тутъ же стояли и душистые соты на деревянной тарелкѣ. Каждый выбиралъ, что ему было по вкусу, надѣдалъ сколько хотѣлъ и мѣнялся съ сосѣдомъ или отодвигалъ свою мисочку на средину стола и придвигалъ къ себѣ другое кушанье. Прокло Проклычъ почти не касался мясного, ограничивался только жидкими блюдами и плодами. Больше всего любилъ онъ, по видимому, сладкое, а пилъ одну воду, хотя нѣсколько разъ напоминалъ гостямъ о кувшинахъ съ медомъ и наливками.

Алексѣй посматривалъ на него такъ часто, какъ только позволяла скромность, и замѣтилъ, что, при всей своей старости, онъ имѣетъ свѣжіе, необыкновенно бѣлые зубы. Для плодовъ онъ не употреблялъ ножа, а косточки сливъ грызъ безъ всякаго затрудненія.

За столомъ царствовала такая тишина, какъ за монастырскою трапезою, въ присутствіи строгаго игумена. Всѣ, казалось, только желали слышать тихую рѣчь Прокла Проклыча, и никто не считалъ своихъ рѣчей достойными его слуха. Алексѣй ожидалъ, что хозяинъ станетъ его разспрашивать о его родѣ-племени (какъ это первое дѣло у его земляковъ москвичей при встрѣчѣ съ незнакомыми), и не осмѣливался до тѣхъ поръ предложить ему никакого вопроса, хотя у него никогда не выходила изъ мыслей таинственная колымага. Но Прокло Проклычъ смотрѣлъ на него такъ спокойно, какъ будто издавна знавалъ его и не нуждался потому въ распросахъ. Молодому человеку наскучило наконецъ молчать, и онъ, приклонясь немного къ своему сосѣду, по видимому, брату батька Потапа, спросилъ почти шопотомъ:

— Растолкуй мнѣ, батька, какимъ чудомъ вашъ дѣдичъ сберегъ зубы до такой старости?

Алексѣй рассчитывалъ на тугость слуха, свойственную старикамъ, и думалъ, что едва ли разслышитъ вопросъ его и батько-мирошникъ; но Прокло Проклычъ былъ очень чутокъ. Поворотъ головы его остановилъ отвѣтъ батька мирошника, и дѣдичъ обратился къ Алексѣю съ такою рѣчью:

— Ты удивляешься, любезный юноша, какъ я до такой старости сберегъ неповрежденные зубы? Я охотно скажу тебѣ это, чтобъ тебѣ было извѣстно такое, чего ты рѣдко услышишь въ жизни. Всѣхъ моихъ предковъ — упокой, Господи, въ Твоихъ обителяхъ ихъ души — по обѣту пятой заповѣди, благословилъ Творецъ небесный долгодѣіемъ на землѣ. Поживъ въ мирѣ, тишинѣ и всякомъ благочестіи дѣтъ яко сто-двадцать и тридцать и больше, мирно отошли они къ Отцу свѣтовъ. Я также наследовалъ ихъ долгоденствіе. На девяносто-девятомъ году выпали у меня всѣ зубы, такъ что я не могъ вкушать ничего, кромѣ киселика, молочка и другихъ дѣтскихъ яствъ; но неизреченною благостію Божіею обновилась, яко орля, юность моя: выросли новые зубы въ старыхъ ямкахъ, и сталъ я видѣть такъ, что никогда голуби мои не терются для меня въ поднебесьи, а слухъ мой изошрился до того, что когда хожу по своимъ дѣсамъ, то слышу, какъ растекается птичій говоръ по каждому дереву, и могу издали различить плескъ дикихъ гусей отъ лебединого плеску.

Во все время, какъ онъ говорилъ, Алексѣй не спускалъ съ него взора, вглядываясь въ пріятное расположеніе его морщинъ, въ выраженіе свѣтло-голубыхъ глазъ его и былъ очарованъ спокойною ясностію души, которая проглядывала во всѣхъ чертахъ этого блаженного старца и которой ни съ чѣмъ нельзя сравнить такъ, какъ съ зеркальными равнинами слегка отуманенныхъ водъ, окружающихъ его удаленное отъ остального русскаго сѣта жилище.

Старикъ, съ своей стороны, ощущалъ видимое удовольствіе, глядя на цвѣтущую молодость своего гостя, и долѣе обыкновеннаго останавливалъ взоръ на его русыхъ кудряхъ, на свѣжомъ лицѣ и глазахъ, въ которыхъ играло столько жизни и, подобно облакамъ на небѣ, смѣнялась дума думою, чувство чувствомъ.

— Не осуди меня, отецъ мой, за смѣлость, сказалъ Алексѣй, обождавъ съ минуту и увѣрившись, что Прокло Проклычъ не на-

мѣренъ продолжать рѣчи : — мнѣ кажется , что я въ тебѣ вижу счастливѣйшаго человѣка , какой только бывалъ на свѣтѣ .

На это Прокло Проклычъ помолчалъ , подумалъ , опустил глаза , покачалъ слегка головою и , поднявъ снова взоръ на Алексѣя , отвѣчалъ :

— Возлюбленный юноша . . . я называю тебя возлюбленнымъ , замѣтилъ онъ , остановясь : — не для гладкости рѣчи : твой видъ , свѣчай и обычай и нѣжное твое слово принались мнѣ по душѣ : блаженныхъ родителей ты чадо . Слушай же , это я буду говорить тебѣ для того , чтобы ты сохранилъ въ памяти . Память о насъ , старикахъ , между молодежью пріятна намъ , какъ среди зины свѣжіе плоды лѣтніе , сбереженные доброю хозяйкою . Слушай же : когда я сравниваю себя съ другими людьми , то нахожу , что неизреченно-благъ ко мнѣ Создатель : удалилъ Онъ меня отъ всякихъ житейскихъ тревоженій , поставилъ ноги мои на правотѣ , на мѣстѣ злачнѣ вселилъ мя , на водѣ покойнѣ основалъ мя . Но угодно было Его милосердію дать мнѣ вкусить и горя , можетъ быть , для того , чтобы не пересталъ я жаждать , яко елень на источники водныѣ , туда , гдѣ ни печали , ни вздыханія . Ты видишь , милый юноша , что я живу одинъ , какъ дубъ , безъ лѣторослей на корнѣ . . .

Прокло Проклычъ остановился и , по видимому , взгрустнулъ ; но эта грусть затмила его ясный ликъ и глаза не болѣе , какъ затмѣваетъ зеркальную поверхность окутаннаго садовою зеленью пруда минутный вѣтерокъ . Черезъ нѣсколько мгновеній онъ продолжалъ свою рѣчь такъ спокойно , какъ будто говорилъ о событіи времени Авраамовыхъ .

— Трое было у меня сыновей , и всѣ достигли твоего возраста — были въ самомъ наусіи — и были на тебя похожи красотою и прелестью рѣчей . Воспиталъ я ихъ въ страхѣ Божіемъ ; научены они были святому Писанію и преданіямъ лѣтописнымъ ; уже утѣшался думою , что не погибнетъ мой корень на землѣ . Но Богъ судилъ иначе . . .

— Однажды зашелъ въ наши болота старецъ , незрящій и убогій , заблудился и увязъ въ трясинѣ . На крикъ его прибѣжали мои дѣти , вывели на сушу незрящаго старца и привели ко мнѣ въ свѣтлицу . Старецъ несъ за плечами гусли , на подобіе разрѣзаннаго пополамъ арбуза , звонкіе такіе , что и вѣтерокъ не про-

лететь мимо нихъ молча. Подкрѣпился онъ пищею и питьемъ, оправился и началъ разсказывать намъ, откуда онъ.

— Онъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, если помнишь по лѣтописцу печерскому, положилъ голову храбрый князь Святославъ, когда воячался изъ Болгаріи въ Кіевъ. Тамъ течетъ славная рѣка Днѣпръ и проходитъ сквозь каменные горы. Шумъ и ревъ отъ воды, говорятъ, такой, какой у насъ можно слышать только, когда подвинутся и загремятъ небесныя силы. Чудную рѣчь виѣлъ этотъ незрящій старецъ: онъ поставилъ намъ эти горы передъ глазами такъ, что ты бы сказалъ, мы видимъ, какъ слобутница Днѣпръ воздымается на превысокіе камни и вода падаетъ съ камней, какъ упала на голову фараонову воинству. И за этими страхами водными есть большіе острова: растутъ на островахъ всякое древо и виноградъ, а птицъ и звѣрей безъ числа; и Днѣпръ разлился кругомъ острововъ, какъ море. А за островами есть камыши, похожіе на лѣсъ, неисходимые и безконечные.

— И за этими-то камышами живутъ на степяхъ поганые татары возлѣ моря, а за моремъ — безбожные турки, откуда они набѣгаютъ и полоняютъ Польшу, Русь и Москву. И безъ числа бѣ они полонили христіанъ; но на островахъ, за каменными горами, на Днѣпрѣ завелось воинство на поганыхъ враговъ христіанства. Собралось много отважныхъ людей изъ разныхъ мѣстъ и, покопавши землянки, живутъ на островахъ, и выѣзжаютъ полемъ на татаръ и отбиваютъ у нихъ плѣнныхъ, и на челнахъ выѣзжаютъ изъ тѣхъ неисходныхъ камышей въ море и потопляютъ турецкіе корабли. И ничего не силенъ имъ сдѣлать ни турокъ, ни татаринъ, потому что не найдетъ ихъ въ тѣхъ неисходимыхъ камышахъ и боится вплывать туда кораблями, чтобъ не заблудиться и не увязнуть. И каждый день, говорятъ, льется отъ нихъ невѣрная кровь, и много оттого добра христіанству.

— Обо всемъ этомъ незрящій старецъ говорилъ намъ странно, и какъ остановится говорить, то беретъ гусли и на гусяхъ играетъ, какъ течетъ Днѣпръ, воздымаючися на каменные горы, какъ летѣтся вола широко, что море, кругомъ острововъ, какъ шумятъ безконечные камыши, какъ свистятъ стрѣлы и гремятъ мушкеты противъ невѣрныхъ. Онъ то играетъ, то поетъ, и такимъ чуднымъ даромъ одарилъ его Господь, что человекъ забываетъ, что онъ и гдѣ онъ, и кажется всякому чело-

вѣку, что онъ плаваель по морю и ѣздитъ по степямъ съ тѣми отважными христіянами-воинами.

— Двѣ недѣли прожилъ у насъ старецъ, и все мы слушали и не наслушались его рѣчей и пѣсенъ. Не зналъ же я тогда, какое горе готовится мнѣ послѣ толикой сладости. Какъ удалился отъ насъ незрящій старецъ, не стало юношеской веселости у моихъ дѣтей; лѣса, болота и воды наши имъ опостылѣли: у нихъ въ ушахъ только реветъ и шумитъ Днѣпръ, а въ головахъ кипятъ война на невѣрныхъ. И угодно, видно, было Богу, чтобъ я отпустилъ ихъ въ ту славную сторону на службу христіянству. Отнялась отъ меня и рѣчь увѣщевать ихъ, чтобъ остались со мною. Отпустилъ я ихъ, возлюбленный мой юноша, и вотъ много уже лѣтъ, какъ о нихъ нѣтъ никакой вѣсти. Такъ осталось мое старое древо безъ лѣторослей при корняхъ.

— И ты, отецъ мой, живешь одинъ межъ своими подданными? спросилъ Алексѣй, тронутый тихими жалобами старца: — и ни съ кѣмъ не ведешь знакомства?

— Нелюбо мнѣ водить знакомство съ новыми людьми, отвѣчалъ Прокло Проклычъ. — Лучше жить одному съ стариною.

— Однакожь, сказалъ Алексѣй: — ваши Черныя Лозы не покинуты всѣми. Вотъ и сегодня я видѣлъ, къ вамъ пріѣхали гости въ колымагѣ. Кто эти госпожи? мнѣ хотѣлось бы знать.

— Узнаешь послѣ, отвѣчалъ старикъ. — Я не спросилъ еще тебя самого о твоёмъ родѣ-племени. По нашему давнему обычаю, не годится спрашивать странника, кто онъ и откуда, пока онъ голодеетъ и утомленъ. Я замѣчаю, что ты держишь далекій путь и не спалъ ночью. Довольно мы поговорили. Обѣдъ конченъ; совѣтую тебѣ подкрѣпить свои молодые силы своимъ, а потомъ будетъ еще время обо всемъ побесѣловать.

Съ этими словами онъ всталъ изъ за стола и, послѣ молитвы, прочитанной имъ вслухъ, велѣлъ одному изъ батьковъ отвести Алексѣя и его слугу на свѣжее сѣно.

— Какъ ни раздражено было любопытство моего добраго Алексѣя, но онъ скоро уснулъ на душистой своей постели и проспалъ глубокимъ сномъ часовъ пять или шесть. Проснувшись, онъ прежде всего вспомнилъ о колымагѣ и объщаніи Прокла Проклыча удовлетворить его желанію знать, что это за гости; но его ожидало такое зрѣлище, которое отбило у него всякую охоту къ распросамъ.

Колымага стояла уже у развѣсистыхъ дубовъ, съ запряженными гусемъ лошадыми. Прокло Проклычъ провожалъ изъ дому двухъ женщинъ. Солнце, пробиваясь сквозь красныя дубовыя листья, ярко озарило личико, которое мелькнуло Алексѣю на переправѣ въ лунномъ свѣтѣ. Красота незнакомки заиграла чудно въ этомъ освѣщеніи; но, увы! обѣ таинственныя путешественницы были въ одѣваніи монахини. Чтѣ бываетъ съ человѣкомъ, если его, веселаго и безопаснаго, поразить извѣстіе о смерти любимаго дѣтища или единственнаго друга, то случилось съ Алексѣемъ въ эту минуту. Онъ остановился на полушагѣ и смотрѣлъ на уѣзжающую колымагу безъ смысла и безъ чувствъ, какъ будто между нимъ и ею менѣе связи, нежели между бездушнымъ деревомъ и живымъ человѣкомъ.

Колымага уползла, какъ неуклюжій ракъ, за ворота. Ее провожалъ прежній конвой, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ. Прокло Проклычъ, стоя съ двумя другими братьями у входа въ свою обитель, слѣдилъ за нею глазами до тѣхъ поръ, пока она скрылась изъ виду, и никто бы не сказалъ, соединяетъ ли его съ этими путницами какое нибудь чувство, кромѣ внушеннаго гостепріимствомъ: такъ взоръ его былъ тихъ и безстрастенъ. Видно, однакожь, было, что не совсѣмъ онъ равнодушенъ къ отъѣзду этихъ гостей, потому что не замѣчалъ присутствія Алексѣя и, качая головою, говорилъ:

— Тяжкія для всѣхъ наступаютъ времена: недаромъ восходила луна и солнце въ тройномъ образѣ! О, стонати русской землѣ! скажу и я съ древнимъ бояномъ. Такъ, такъ, Потапъ, и ты, панько: быти грому великому, итти дождю стрѣлами великому!

Сгряннымъ бы показалось въ другое время Алексѣю, какое отношеніе имѣютъ эти слова старинной воинственной поэмы къ двумъ путницамъ, которыхъ отъѣздъ, по видимому, вызвалъ ихъ изъ памяти престарѣлаго Прокла Проклыча, но въ это время онъ не въ состояніи былъ ни о чемъ разсуждать.

— Ты уже проснулся, возлюбленный юноша, сказалъ, замѣтивъ наконецъ его, Прокло Проклычъ. — Тебя, я вижу, тревожитъ какое-то важное дѣло, что сонъ твой былъ такъ кратокъ. Садись подлѣ меня на этой скамьѣ и разскажи мнѣ, кто ты, какого роду-племени, откуда и куда ѣдешь? Садитесь и вы, обратился онъ къ двумъ своимъ тиунамъ: — послушаемъ этого

прекраснаго юношу, что онъ намъ о себѣ разкажетъ. А тѣмъ временемъ будетъ готовъ полдникъ. Ну, смажи же намъ, сынку, какихъ родителей ты чадо и какъ заѣхалъ въ нашу палестину?

Алексѣй, не хуже Одиссея, разказалъ ему о своемъ происхожденіи и о томъ, какъ онъ, по царскому повелѣнію, отправленъ былъ въ чужіе края, какъ странствовалъ онъ по далекимъ землямъ, какимъ учился наукамъ и военнымъ хитростямъ, какъ наконецъ воротился на Русь и, сбившись съ дороги, попалъ въ Черныя Лозы.

Старикъ слушалъ его съ недоувѣрчивымъ видомъ и, когда кончился разказъ, смотрѣлъ такъ пристально ему въ глаза, что Алексѣй не могъ не смутиться. А Прокло Проклычъ только этого, видно, и ждалъ. Онъ поднялъ голову съ незамѣтною досадой въ немъ строгостью и, возвыся гдось, заговорилъ къ своему гостю такъ:

— Возвратись къ своему отцу! оставь путь непослушанія и своеволія: онъ ведетъ къ погибелю....

— Съ чего же ты это взялъ, отецъ мой, прервалъ его въ удивленіи Алексѣй: — что я хожу путемъ непослушанія и своеволія?

— Возвратись къ своему родителю! продолжалъ Прокло Проклычъ съ возрастающимъ жаромъ, и голосъ его началъ дрожать отъ нѣжнаго чувства, подступившаго къ его сердцу: — пощади преклонныя лѣта его, не оставь его сирымъ и скорбящимъ, какъ я безъ своихъ дѣтей!

— Да я къ отцу и возвращаюсь! началъ было Алексѣй.

Но Прокло Проклычъ продолжалъ, не останавливаясь:

— Конечно, ты чѣмъ нибудь огорчилъ своего родителя и утратилъ наказанія, или, можетъ быть — это еще хуже — вознегодовалъ на него за достойную кару. Горе тебѣ, если такъ! Развѣ ты не читалъ написаннаго: «Сыне, не пренебрегай наказанія отча?» Такъ, чадо, не сомнѣвайся возвратиться въ домъ отчій. Вотъ и блудный сынъ оставилъ было своего родителя и желудями питался, а потомъ одумался и снова приобрѣлъ родительскую любовь. Такъ и ты: оставь свои странствованія и лживую хвалу ими, возвратись къ отцу, припадая къ стопамъ его и скажи: «Батюшка, предаю себя твоей власти: лучше мнѣ гибельъ твой, нежели скитанье по чужбинѣ и покива-

нѣ главами отъ честныхъ людей!» И какъ не боишься ты, чадо мое, одинъ съ переходимъ каликою — я думаю, что в твоей спутникъ не слуга боярскій, а переходной сказочникъ — какъ не боишься ты скитаться по сиверскимъ нашимъ пустынямъ в дѣбрямъ? Сохрани Боже звѣря или лихого человѣка! горе тогда сѣдой головѣ твоего родителя, а если у тебя есть мать, то ей несчастной горе колыми наче!

— Чему быть, того не миновать, отвѣчалъ Алексѣй и принялся разувѣрять патриархальнаго Прокла Проклыча въ его ошибку.

Но Прокло Проклычъ отвѣчалъ сперва на первую половину его рѣчи:

— Оно-то такъ, чадо мое. И Владиміръ Мономахъ пишетъ: «Никто же не можетъ вредитися и убити, повеже не будетъ отъ Бога повелѣно, а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти.»

А на вторую съ упорною недоувѣрчивостію повторилъ:

— Возвратись къ отцу своему: пути лукавые ведутъ къ погибели.

— Мнѣ очень горько, отецъ мой, сказалъ Алексѣй: — что ты, старецъ такой почтенный, считаешь меня блуднымъ сыномъ. Я никогда не бывалъ, да и не буду, противенъ отцовской волѣ. Правда, что батюшка мой строгъ; но пускай бы онъ дѣлалъ со мною что хотѣлъ, а я никогда не противился бы волѣ его, какъ ты думаешь.

Прокло Проклычъ, вмѣсто отвѣта, замѣтилъ, что солнце дошло до полуденной высоты, и приказалъ подавать полдникъ.

Алексѣй думалъ уже, что побѣдилъ его сомнѣніе. Но старость, какъ это всякому невѣстно, очень подозрительна. Проклу Проклычу показалось, видно, невѣроятнымъ, чтобы такой молодой человѣкъ могъ побывать въ столькихъ земляхъ, да еще по царскому повелѣнію, тогда какъ онъ, достигши старости патриархальной, едва ли выѣзжалъ изъ Черныхъ Лозъ далѣе татарскихъ степей, гдѣ въ молодости онъ ратовалъ противъ хищниковъ. Самое отправленіе молодыхъ людей за границу въ науку казалось ему чѣмъ-то дикимъ, потому что старинный русскій человѣкъ всему научался на родинѣ, и не было для него лучшей школы, какъ въ дому престарѣлаго отца или родственника. Прокло Проклычъ слушалъ Алексѣя съ недоувѣрчивостію

и сожалѣніемъ, выразившимися такъ ясно въ его глазахъ, въ его лицѣ и въ покачиваньи головою, что Алексѣй не могъ не смущаться, и его нетвердая рѣчь походила дѣйствительно на лошъ.

Итакъ, Прокло Проклычъ замолчалъ о блудномъ сынѣ по другой причинѣ: съ его старинными обычаями несогласно было говорить гостю за трапезою о томъ, что ему непріятно. Онъ свелъ разговоръ на современныя событія, толковалъ о мѣрахъ, какія онъ предпринялъ для безопасности своего острова, и отъвѣчался о Самозванцѣ какъ объ орудіи сатаны, позавидовавшаго мирному правленію царя Бориса.

Алексѣй попробовалъ спросить его о положеніи дѣлъ въ Сѣверинѣ, въ надеждѣ провѣрить слова Мулюхи и развѣдать обстоятельнѣе объ отцѣ своемъ; но Прокло Проклычъ рѣшительно не зналъ, что дѣлается вокругъ него, и изъ всѣхъ сѣверскихъ отчинниковъ, на которыхъ вѣрность можетъ полагаться Борисъ, назвалъ одного Берендѣя, своего родственника по женѣ.

Это извѣстіе имѣло на Алексѣя дѣйствіе электричества: въ его умѣ блеснула странная догадка.

— Берендѣй тебѣ родственникъ? сказалъ онъ такимъ тономъ, что Прокло Проклычъ сдѣлалъ головой движеніе быстрѣе обыкновеннаго: — и, стало быть, эта молоденькая монахиня дочь его?

— Кто тебѣ это сказалъ? спросилъ Прокло Проклычъ, взглянувъ на своихъ тиуновъ?

— Никто, кромѣ сердца, отвѣчалъ Алексѣй въ безотчетномъ восхищеніи отъ своей догадки. — На переправѣ чрезъ Десну я увидѣлъ ее мелькомъ, и тотчасъ какъ будто кто шепнулъ мнѣ, что это она.

— Стало быть, ты въ лицо берендѣевой дочери не знаешь?

— Я не видалъ ее съ самаго дѣтства.

— Обмануло жъ тебя твое сердце: Берендѣй и не думалъ постригать свою дочь въ монахини.

Алексѣй самъ не понималъ, зачѣмъ хотѣлось ему узнать, не его ли бывшая невѣста эта молоденькая незнакомка. Сперва ему казалось, что онъ какъ будто возвратитъ что-то изъ своей потери, если узнаетъ, что дочь Берендѣя еще свободна; но, удовольствіясь въ этомъ, онъ почувствовалъ, что все его сердце за-

ито прелестною незнакомкою, а для нареченной невѣсты не осталось тамъ ни малѣйшаго уголка.

Новое бремя легло ему на душу. Онъ какъ будто наново потерялъ неоцѣненное сокровище: такъ одна мысль, что эта незнакомка его невѣста, мысль не представляющая, впрочемъ, ни малѣйшей отрады, озарила было его душу самую сладкою надеждою.

Теперь уже его не смущали и не досадовали увѣщанія Прокла Проклыча, къ которымъ тотъ возвратился, лишь только встали изъ за стола. Онъ слушалъ старика съ молчаливою улыбкою, между тѣмъ какъ внутри пожирала его грусть, какой онъ еще не испытывалъ.

До сихъ поръ сердце его было закрыто для женскаго очарованія; любовь открыла его наконецъ.

Алексѣй мой чувствовалъ почти то самое, что чувствуетъ человѣкъ, ступившій нѣсколько шаговъ съ похоронъ драгоценнѣйшей для него особы; только въ той грусти есть тайное успокоеніе, вливаемое намъ вѣрою въ безсмертіе; тамъ человѣкъ уже ничего не надѣется на землѣ отъ потеряннаго друга, в самая рѣшительность разрыва успокаиваетъ волненіе души, тогда какъ горе моего юноши было далеко отъ мирнаго страданія покорившагося своей долѣ челоуѣка: ему какъ будто кто-то шепталъ, что не навсегда разстался онъ съ своею незнакомою знакомкою, и чѣмъ больше разсудокъ опровергалъ эту надежду невозможностью связей съ особою, умершею для свѣта, тѣмъ сильнѣе мучилъ его сердце лукавый шопоть искusstеля.

Прокло Проклычъ, несмотря на дурное мнѣніе о сыновнемъ повинновеніи Алексѣя, не хотѣлъ выпустить его изъ своего дома въ тотъ же день и уговорилъ его остаться подъ своимъ гостепріимнымъ кровомъ до другого утра. Алексѣй на это согласился, зная, что къ ночи не доѣдетъ до Перебонща, и опасаясь сбиться въ темнотѣ съ дороги. Съ другой стороны, онъ надѣялся найти случай развѣдать у тиуновъ Прокла Проклыча, кто именно эта молодая монахиня. Онъ все еще не хотѣлъ разстаться съ неясною для него самою надеждою, что она не навѣки удалась изъ міра, и что между ними можетъ открыться путь сообщенія. Но тиуны Прокла Проклыча отвѣчали ему дѣйственнымъ хладнокровіемъ, что это племянница игуменья, съ кото-

рою она ѣдетъ, круглая сирота, и что онѣ возвращаются въ свой монастырь, осматрѣвъ монастырскія вотчины.

На другой день послѣ ранняго своего обѣда, Прокло Проклычъ простился съ Алексѣемъ очень ласково, изъявляя надежду, что онѣ образумится, и велѣлъ ковалю Цотапу вывести странниковъ на Путивльскую дорогу.

Батько Цотапъ проводилъ Алексѣя и вѣрнаго слугу его изъ Черныхъ Лозъ по дорогѣ, противоположной той, которая привела ихъ сюда утромъ. Съ этой стороны острова мосты лежали въ четыре доски, и доступъ къ захоластью стариннаго русскаго отчича былъ ближайшій; но зато многочисленныя заѣмки по обѣимъ сторонамъ дороги замѣняли недочетъ болотныхъ топей и непріязненная переправа въ Черныя Лозы была бы, потому, съ этой стороны возможна развѣ при такихъ условіяхъ, какія употребилъ Александръ Македонскій при осадѣ Тира.

НИКОЛАЙ И.

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Алексѣй совсѣмъ иными глазами смотрѣлъ теперь на дикіе виды волныхъ равнинъ, перемеженныхъ камышами и лѣсными зарослями. Сизыя тучи, задумавшіяся въ высотѣ, тѣмъ раздражиться, дождемъ или снѣгомъ, выглядывали, въ своемъ отраженіи, изъ волокнистой глубины болотистыхъ затоковъ кунами страшныхъ чудвищъ; всплески воды подъ гибкими досками казались ему хохотомъ водяныхъ, которымъ лесныя русалки переслали съ туманомъ повѣсть о томъ, какъ онѣ развѣжили луннымъ свѣтомъ молодое сердце и привязали его въ незнакомкѣ; а крикъ длинно-крылыхъ рыболововъ, носившихся надъ головой Алексѣя, отдавался въ его ухахъ шумнымъ совѣщаніемъ лѣсовиковъ, какъ бы сплести изъ его страшной привязанности исторію, отъ которой будутъ по ночамъ хохотать, голосомъ филина, росистые лѣса и поляны.

И тутъ же, среди злобнаго и насмѣшливаго болотнаго сборища, застыла къ нему незримая тѣнь какой нибудь влюбленной утопленницы и полу-нѣжно, полу-лукаво припоминала ему ростъ, движенія, выраженіе лица и самыя складки чернаго

платья незнакомки. Этого мало: она увѣрила его воображеніе, что прелестная незнакомка передъ отъѣздомъ взглянула на него и какъ-то чудно покраснѣла....

Въ минуту ея отъѣзда, пораженный чернымъ ея платьемъ, какъ саваномъ, онъ былъ слѣпъ ко всему остальному; но теперь, глядя на игру солнца, въ струяхъ воды, онъ вспомнилъ — или по крайней мѣрѣ вообразилъ, будто вспомнилъ — ея румянецъ на солнцѣ. Тысячи свѣтлыхъ мечтаній, какъ рѣзвыя дѣти, сбѣгались лепетать его сердцу рѣчи чудныя, нигдѣ, никогда неслыханныя; но вдругъ черная одежда появилась среди игры ихъ — все разбѣгалось, разлеталось, умолкало, и мгновенная радость смѣнялась тяжелой тоскою.

Порой Алексѣй выбивался на волю изъ толпы сердечныхъ призраковъ и удивлялся себѣ, отчего онъ послѣ встрѣчи съ незнакомкой, началъ менѣе думать и беспокоиться о своемъ отцѣ и о смутныхъ обстоятельствахъ отечества; стыдился себя, упрекалъ себя, старался силою направить къ этимъ предметамъ свои мысли и продолжалъ мечтать и думать о таинственной незнакомкѣ.

Между тѣмъ Добрыня старался вознаградить себя за молчаніе, которое хранилъ вмѣстѣ съ другими въ присутствіи Прокла Проклыча, и безъ умолку разглагольствовалъ съ ковалемъ Потапомъ о Черныхъ Лозахъ и ихъ владѣтель, какъ о предметахъ, которымъ не могъ надивиться. Безмятежный Прокло Проклычъ, съ своею патриархальною наружностью и тихою важностью, съ своими древними обычаями, съ своими медленными, благочестивыми рѣчами, среди общаго безмолвія и благоговѣйнаго вниманія слушателей, показался Добрынѣ чѣмъ-то выше обыкновеннаго человѣка; а наполненный благами жизни островъ Черныя Лозы, гдѣ горемыка отдохнулъ, послѣ тревожной дороги, не мучась опасеніями за своего боярича, представлялся воображенію его земнымъ раемъ.

На эту тему коваль Потапъ готовъ былъ вести бесѣду отъ утра до вечера и отъ вечера до утра. Онъ не замѣтилъ, какъ кончились мосты, и съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что дорога идетъ уже лѣсомъ и что пора ему воротиться домой.

Простясь съ этимъ важнымъ тѣномъ Черныхъ Лозъ, Добрыня пробовалъ разговориться съ Алексѣемъ о чудномъ островѣ, гдѣ все такъ мирно и спокойно, тогда какъ кругомъ

земля кипитъ бѣдами; доводилъ до его свѣдѣнія о перемѣнѣ погоды, о рѣзкомъ холодѣ въ воздухѣ, о томъ, что зима собирается мостить мостъ по дорогамъ, и что звенящія о землю подковы предсказываютъ къ ночи крѣпкій морозъ.

Алексѣй на все соглашался и признавалъ сужденія Добрыни такъ вѣрными, что оставлялъ ихъ безъ всякаго возраженія и замѣчанія. Онъ видимо скучалъ его болтовнею, и можно бы подумать, что его мысли гуляютъ за тридевять земель, — только даваемые довольно часто шпоры коню доказывали присутствіе по крайней мѣрѣ одной изъ нихъ въ головѣ его.

Лѣсъ по ту сторону Черныхъ Лозъ тянулся не дальше, какъ на одинъ часъ пути. За нимъ до самого Путивля пошли почти сплошь открытыя степи, которыхъ плоскій видъ похожъ былъ на топографическую карту. Среди лѣсовъ, видѣющихся тамъ и сямъ на кругозорѣ, среди возвышенностей и буераковъ, сопровождающихъ лѣнивыя извилины какой нибудь рѣчки и теряющихся вмѣстѣ съ нею въ необозримыхъ равнинахъ, самую выразительную чертою въ фizioноміи этого уголка Сѣверія казались такъ называемыя *бабы* на курганахъ, — грубые каменные истуканы великанскаго роста, идолы какого-то народа, оставленные въ незапамятныя времена своими поклонниками. Тогда ихъ не расхитила еще жадность древнолюбовъ, и онѣ, возвышаясь на жертвенныхъ холмахъ своихъ то тамъ, то сямъ по южно-русскимъ и татарскимъ степямъ, придавали монотоннымъ равнинамъ ихъ очарованіе тайны, которою были полны ихъ дикія фizioноміи для изыскателя старины.

Пока ѣхали наши путники лѣсомъ, перемѣна погоды еще не казалась имъ рѣзкою; по крайней мѣрѣ Добрыня старался бороться на холодъ и приписывалъ дѣйствіе мороза своей старой крови. Но когда они очутились среди чистаго поля, наступающая зима начала пожимать ихъ въ своихъ костяныхъ лапахъ такъ чувствительно, что Алексѣй и Добрыня должны были достать изъ тороковъ запасныя тулупы. Завернувъ хорошенько ноги въ широкія полы, а руки погружая въ теплыя рукавицы, они продолжали путь свой по одинокой торной тропѣ, пролегающей черезъ пустынные равнины, мимо загадочныхъ каменныхъ *бабъ*, мимо безыменныхъ кургановъ, мимо урочищъ, много разъ, можетъ быть, названныхъ и забытыхъ смѣнившимися здѣсь племенами.

Небо давно было покрыто сплошь сѣдыми облаками, и день не замедлилъ погаснуть. Густыя сумерки общали ночь темную.

Алексѣй и его спутникъ напрасно смотрѣли то впередъ, то по сторонамъ, не увидать ли въ степи ѣздока, не примѣтятъ ли деревушки, чтобъ освѣдомиться, далеко ли еще до Перебойща. Но люди въ ту смутную годину боялись показываться влали обитаемыхъ мѣстъ; а деревни въ украинскихъ мѣстахъ Московскаго государства строились такъ, чтобъ не было замѣтно ихъ издали зоркому глазу татарина. Лѣсъ, низменное корыто между полей, углубленная излучина рѣчки были пригоднѣйшими мѣстами для осадчаго, населявшаго слободу.

Итакъ, наши странники должны были довольствоваться собственнымъ знаніемъ мѣстности, а знаніе Добрыни (Алексѣй не былъ до сихъ поръ въ Сѣверіи) ограничивалось воспоминаніемъ, что Перебойще стоитъ на рѣчкѣ, влѣво отъ большой гонной дороги, и что повернуть къ нему надо въ лѣсу у Пятницы, то есть у столба съ образомъ святой Параскевіи. Но вотъ они достигли и лѣса, уже давно ѣдутъ узкой просѣкою, а ничего похожего на Пятницу не видно. Наступившая темнота не давала имъ надежды увидѣть ее и до разсвѣта.

Вдругъ Добрыня, которому Перебойще до сихъ поръ не давало подумать о лѣсныхъ бродягахъ, ни о лѣшихъ, потихоньку вскрикнулъ и началъ тереться съ своимъ конемъ о коня алексѣева.

— Смотри, смотри! прошепталъ, или, лучше сказать, проstonалъ онъ, указывая пальцемъ впередъ.

И дѣйствительно, въ темной глубинѣ просѣки показалось нѣчто, озадачившее, если не испугавшее, самого Алексѣя: заблестѣли огненные черты, похожія на тѣ, какія проводятъ по небу падающая звѣзда. Черты эти были не длиннѣе лука и походили на его дугу. Онѣ мелькали горизонтально, быстро смѣняя одна другую, и суевѣрное воображеніе могло бы принять ихъ за волшебныя лыжи, на которыхъ лѣсовики разгуливаютъ по своимъ владѣніямъ.

Такъ и подумалъ Добрыня, какъ только первое впечатлѣніе испуга позволило ему о чемъ нибудь подумать или что нибудь вообразить.

Алексѣй, напротивъ, послѣ нѣкотораго недоумѣнія, заключилъ, что волшебный этотъ огонь означаетъ близость людей, чего онъ и желалъ теперь больше всего на свѣтѣ. Не ломая головы надъ рѣшеніемъ загадки и не слушая бѣдняка Добрыни, онъ поскакалъ быстрѣе впередъ, и не успѣлъ приблизиться къ луковиднымъ огненнымъ чертамъ на полетъ дротика, какъ они обратились въ пукъ пламени и освѣтили двухъ человѣкъ въ одеждѣ поселянъ, но вооруженныхъ немужичьимъ обычаемъ. Оказалось, что одинъ изъ нихъ добывалъ огня, посредствомъ размахиванья соломой, въ которую вложенъ былъ зажженный труть или уголь, и это простое дѣйствіе производило подобіе фантастическихъ лыжъ лѣшаго.

— Слышишь. Тереха, кто-то скачетъ на конѣ? сказалъ этотъ человѣкъ и поднялъ вверхъ пылающую солому, чтобъ освѣтить приближающагося къ нему Алексѣя.

Другой схватилъ рогатину, прислоненную къ толстому шнурѣ, и закричалъ:

— Кто ѣдетъ?

— А тебѣ кого надо? спросилъ Алексѣй.

— Борисъ аль Димитрій? спросилъ тотъ, между тѣмъ какъ его товарищъ, торопливо подложивъ солому полъ кучу хвороста и схвативъ свою рогатину, становился въ оборонительное положеніе.

— Скажи сперва, далеко ли до Перебоища? спросилъ Алексѣй.

— А, такъ ты въ Перебоище держишь дорогу? заговорилъ другой.

— Ба, ба, ба! сказалъ тогда Добрыня, узнавъ сперва по голосу, а потомъ и въ лицо этого человѣка: — это ты, что ли, Яшка Курнапѣтъ? что, это тебя въ станишники, что ли, нарядили? Слава те Господи! обратился онъ къ Алексѣю: — мы дома! Это челядонецъ твоего батюшки. Чтѣ, любезные земляки, признаете ли вы насъ?

Но любезные земляки какъ-то странно пожимались и не изъявляли никакой радости при встрѣчѣ съ Добрынею.

— Ну, чтѣжь вы переминаетесь, олухи вы деревенскіе? сказалъ онъ. — Шапки долой! передъ вами бояричъ Алексѣй Николаичъ!

Мужики сняли шапки, какъ бы поинстинкту: руки ихъ поднялись видимо противъ воли своихъ владѣльцевъ, которые, вмѣсто поклона, озирались по сторонамъ и, казалось, рассчитывали, удобно ли будетъ дать тягу, въ случаѣ драки.

— Это въ Перебоище дорога? спросилъ Алексѣй, замѣтя возлѣ Пятницы тропинку, идущую влѣво отъ большой дороги.

— Проводи ихъ въ Перебоище, сказалъ Яшкѣ Курнапѣту его товарищъ: — веди прямо къ сысоевой избѣ.

Тотъ надѣлъ шапку, кивнулъ головой и, обратясь къ Алексѣю, сказалъ:

— Вотъ дорога въ Перебоище. Я пойду впереди.

— Да я-то какъ одинъ останусь? сказалъ, опомнясь, товарищъ Курнапѣта.

— А что тебѣ станется здѣсь? отвѣчалъ тотъ.

— Какъ что? а попробуй-кась ты посторожить самъ. Оставайся, коли хошь, здѣсь у Пятницы, а я сведу ихъ въ Перебоище.

— Нѣтъ, ужъ коли вести, такъ поведемъ вдвоемъ.

— А что скажетъ дядя Сысой? Аль позабылъ ты, для чего здѣсь поставлено насъ?

— Ну, пусть ихъ ѣдутъ сами: не минуютъ сысоевой избы.

— И впрямь, что намъ бросать сторожу? мимо деревни имъ не проѣхать.

— Ступайте этой дорогой, сказалъ грубо Яшка Курнапѣтъ, обратясь къ Алексѣю и Добрынѣ: — она приведетъ васъ въ само Перебоище.

Ухватки этихъ людей и ихъ загадочныя рѣчи не предвѣщали Алексѣю ничего добраго. Онъ вслушивался въ ихъ разговоръ съ возрастающимъ недоумѣніемъ и не могъ никоимъ образомъ опредѣлить себѣ положеніе своего отца по этой встрѣчѣ съ его челядинцами.

Если онъ измѣнилъ царю Борису Феодоровичу, то неужели разошелся въ этомъ съ крестьянами, которые, судя по прочимъ сѣверскимъ простолюдиномъ, должны бы скорѣе всего стоять заодно съ своимъ бояриномъ на сторонѣ мнимаго царевича (а что они не заодно съ нимъ, это можно было замѣтить по всему). Если жъ онъ остался вѣренъ царю и пошелъ врозь съ крестьянами, то какъ объяснить удаленіе его въ сѣверскую его отчину? Въ такую смутную для государства годину онъ могъ бы

быть посланъ въ эту украиную страну на воеводство, какъ чело-
вѣкъ надежный въ высшей степени; но быть здѣсь въ отпу-
ску для хозяйственныхъ дѣлъ не приходилось ему никомъ об-
разомъ.

Желая, однакожь, рѣшить этотъ вопросъ хотя отчасти, Алек-
сѣй спросилъ перебойцевъ:

— Вы за кого?

Вопросъ этотъ понятенъ былъ тогда въ Сѣверѣи всякому, и
Яшка Курнапѣтъ отвѣчалъ необинуюсь:

— За природнаго осударя!

— Нечего жъ съ вами больше и толковать, сказалъ Алексѣй
и поскакалъ по дорогѣ къ Перебойцу.

За нимъ поспѣшала вѣрный Добрыня.

— Ну, говорилъ онъ: — вотъ мы почти что дома на печи!
Страшно оглянуться назадъ, какія страсти перенесъ чело-
вѣкъ! Ну-ка, сивка-бурка, провези еще маленько мои старыя кости,
тогда меня и калачомъ не сманишь съ полатей, таскайся по до-
рогамъ кто хошь, мнѣ пора на покой. Ухъ, да и поработалъ
же я! чего не перенесъ! Но слава те, Господи! за все слава!

— Не радуйся прежде времени, Добрынюшка, сказалъ Алек-
сѣй.

— А что? спросилъ старикъ.

— То, что намъ надо еще одно мытарство пройти. Сысова
изба эта не обойдется намъ даромъ. Перебойцы, знать, подни-
лись на дыбы противъ батюшки.

— И, что ты, сударь! Чего тебѣ бояться въ своей вотчинѣ? Да
гдѣ это слыхано? да у кого подыметъ рука на своего природ-
наго отчича? Да и съ чего бы перебойцамъ становиться противъ
твоего батюшки на дыбы, коли онъ съ ними одну сторону дер-
жить?

— Толкуй ты себѣ, сказалъ Алексѣй: — а я тебѣ скажу
вотъ что: не сказывай здѣсь моего имени. Меня въ Перебойщѣ
не знаютъ; назовемъ боярами знакомцами изъ Путивля: авось
либо доступимся къ батюшкѣ безъ большихъ хлопотъ.

— Инъ быть по твоему, отвѣчалъ Добрыня. — Меня хошь и
знаютъ, да въ потемкахъ не разглядятъ. Пускай будетъ и по
твоему. Удалять ты былъ на чужбинѣ, а трусоватъ сталъ у себя
дома. Ну, да лишь бы добраться намъ до боярина Николы Афа-

насыща, а тамъ по мнѣ хоть волкъ траву ѣшь. Да вотъ и огоньки мелькаютъ. Вонъ и наше Свято-озеро.

Огоньки, замѣченные Добрынею, горѣли какъ будто на днѣ пропасти, потому что темнота не давала видѣть легкой покато-сти, по которой дорожка спускалась къ Перебоишу. Густой лѣсъ кончился, и по склону пологой возвышенности пошли только поросшія сосны. Въ промежутки между нихъ отъ времени до времени мелькала вправо накрапленная огнями деревня, и за нею отъ мутнаго неба отдѣлялась черная полоса лѣса, вѣроятно, на возвышенности, соотвѣтствующей той, по которой спускались теперь наши странники.

Сѣхавъ ниже, они очутились на берегу Святого озера, заливашаго самую глубину долины. Дорога повернула вправо и потянулась по берегу къ деревнѣ, которая огибала конецъ водной равнины амфитеатромъ. Озеро было покрыто уже льдомъ: это тотчасъ можно было замѣтить по его тусклому блеску, похожему на блескъ оловянной плиты. По ту сторону, насупротивъ деревни, горѣлъ одинокій огонекъ, скользя по льду черезъ все озеро полосою свѣта.

Добрыня узналъ урочище, намѣченное этимъ огонькомъ.

— Что это? сказалъ онъ: — аль и въ Спащину, въ скитъ, забрались люди? или это тѣшатся. Въ мою бытность въ Перебоищѣ рассказывали про скитъ старики быль не больно веселую. Въ этомъ урочищѣ нечисто. Стоялъ тутъ скитъ, пустынь когда-то, и убѣжали сюда міряне отъ татаръ; а Богъ, за грѣхи-то ихъ, и открылъ татарамъ дорогу къ скиту. Всѣ пострадали лютою смертию, а набольшихъ грѣшниковъ и мать-земля не привяла. Встаютъ о полночь и стоятъ до позднихъ пѣтуховъ. Вотъ онъ и свѣтъ-то! Видишь, какой онъ кровавый; непохожъ на нашъ огонь. Только еще, кажись, далеко до полуночи....

Не обращая много вниманія на рассказъ Добрыни, Алексѣй прислушивался къ голосамъ, которые почудились ему со стороны деревни. Они были такъ протяжны, какъ пѣсня; только чѣмъ дальше ѣхалъ онъ по берегу озера, тѣмъ больше убѣждался, что это что-то совсѣмъ иное.

— Господи! да это воютъ по покойникъ! сказалъ Добрыня, сразу отгадавшій, въ чемъ дѣло.

Нѣсколько скачковъ впередъ подтвердили слова его: слышались ясно завыванья женщины надъ покойникомъ. Лай со-

бакъ, встрѣтившихъ незнакомцевъ у крайней избы, заглушилъ на время голоса. Но когда Алексѣй и Добрыня вѣхали въ деревню, до слуха ихъ долетали уже ясно слова двухъ хоровъ, изъ которыхъ одинъ, пропѣвъ нѣсколько жалобныхъ фразъ, оканчивалъ ихъ словами: «Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй!», а другой отвѣчалъ ему: «Ахъ, да и прощанье!» и продолжалъ свою долю надгробныхъ жалобъ.

Дорога шла по самому берегу озера; избы тянулись вдоль нея по прибрежному скату. Добрыня объяснилъ тутъ Алексѣю, что Перебойище раздѣляется на двѣ части безыменною рѣчкою, которая вливается здѣсь въ озеро и выходитъ изъ него у пустынного скита, и что усадьба боярская стоитъ по ту сторону рѣчки.

— За рѣкой, говорилъ Добрыня: — живутъ крестьяне, а по сю сторону слободка. А, вотъ усадьба боярская! Видно, это она такъ ярко свѣтится. Куда жь это рѣчка дѣвалась? и какого это Сергѣя отпѣваютъ?

Добрыня, однакожь, скоро увидѣлъ, что ошибается. Яркіи свѣтъ выходилъ изъ волоковыхъ оконъ крестьянской избы, мимо которой пролегла по берегу озера дорога. Она была занята густой толпой народа, собравшагося, видно, поглядѣть на покойника, котораго отпѣвали въ избѣ.

Слышны были такого рода рѣчи, обращенныя къ тому, кто не могъ ихъ больше слышать: «Тебѣ ли было умирать? ужь у тебя ли не всего было вдоволь?» и все это кончалось и начиналось повторяемыми хоромъ восклицаніями: «Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй! Ахъ, да и прощанье!»

Алексѣй и Добрыня имѣли время рассмотреть и выслушать все это, потому что остановились въ нерѣшимости, какъ имъ пробраться сквозь толпу перебойцевъ, которыхъ лица, озаренныя то тамъ, то сямъ струями свѣта, падавшего изъ оконъ, выражали раздраженную злобу. У двухъ или у трехъ человекъ замѣтилъ Алексѣй на головѣ повязки съ кровавыми пятнами. Видно было, что тутъ неспокойно. Глухой ропотъ ходилъ кругомъ, и Алексѣй догадывался, что здѣсь недавно была боевая схватка. Грубое обращеніе сторожей у Пятницы навело его на мысль, что участникомъ этой драки могъ быть его отецъ, вынужденный необходимостью приводить перебойцевъ къ покорности царю Борису Θεодоровичу. Въ такомъ случаѣ хуже всего было бы для Алексѣя, еслибъ его узнали, а узнать его могли по его спутнику. Въ всякомъ случаѣ

онъ не надѣялся проѣхать сквозь эту толпу безъ распросовъ, а неловкій отвѣтъ могъ возбудить подозрѣнiе, и тогда надо было рѣшиться на отчаянную мѣру — проложить себѣ дорогу саблею.

Сообразя все это, Алексѣй осадилъ коня и спросилъ Добрыню, не знаетъ ли онъ другой дороги къ боярской усадьбѣ.

Но не успѣлъ Добрыня дать отвѣтъ, какъ сбоку заговорилъ знакомый ему голосъ:

— Ба! Добрыня Пахомычъ! какимъ чудомъ очутился ты здѣсь?

Эти слова взволновали все сборище, и черезъ минуту послышались грозные голоса:

— Да это Однорожекъ! Дядя Сысой! вотъ тебѣ отвѣтчикъ! Ребята, заходи сзади! хватай!

Схватить Алексѣя было, однакожь, нелегко. Онъ размахивалъ направо и налево саблею и потомъ, перемѣняя оборонительную тактику на наступательную, заставилъ перебойцевъ подался назадъ. Можетъ быть, ему бы удалось пробиться сквозь толпу и оставить ее позади; но дядя Сысой закричалъ:

— Чего вы испужались? онъ одинъ!

Нападенiе возобновилось съ большою яростью. Одно чудо спасло Алексѣя отъ летящихъ на него со всѣхъ сторонъ камней и колевъ. Темнота и боязнь попасть въ своихъ помогали ему. Наконецъ появились на сцену человѣка три или четыре съ рогатинами и пратазанами. Алексѣй успѣлъ отразить и нанести нѣсколько ударовъ, повалилъ одного смѣльчака на землю; но вдругъ конь его, проколотый въ бокъ брошеннымъ издали дротикомъ, грянулся со всѣхъ ногъ на землю.

Что оставалось теперь дѣлать Алексѣю пѣшему и одному среди толпы противниковъ, — одному, потому что Добрыня не осмѣлился даже обнажить сабли въ этомъ неравномъ бою и, сложа руки, заблаговременно читалъ своему бояричу отходную? Оглянувшись вокругъ, бѣдный молодой человѣкъ рѣшился на послѣднее средство къ спасенiю. Озеро не могло еще замерзнуть крѣпко, но отчаянiе внушило Алексѣю надежду, подобную той, съ которою утопающiй хватается, по пословицѣ, и за бритву. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на самомъ берегу и ловко скользнулъ на ледъ. Ледъ затрещалъ и вгнбался подъ нимъ, какъ натянутое полотно; каждую секунду ломкая ткань, напаянная морозомъ на воду, готова была лопнуть, но Алексѣй

старался тяготѣть на одномъ мѣстѣ какъ можно меньше и дѣлалъ шаги для того только, чтобъ разогнаться на скользякъ. На бѣгу, или, лучше сказать, на лету, онъ сбросилъ съ себя тулупъ; движенія его сдѣлались свободнѣе, тяжесть уменьшилась, и онъ, разставя руки, какъ будто летѣлъ вдоль огненной струи, которая отражалась на льду отъ огонька, мерцавшаго по ту сторону озера.

Перебойцы онѣмѣли отъ изумленія.

— Самъ нечистый ему помогаетъ! сказалъ наконецъ дядя Сысой. — Слыханное ли дѣло—пройти по озеру въ первый морозъ?

— Это искуситель, а не человекъ! сказала другой мужикъ. — Я метнулъ ему въ спину сулицею, кажись, такъ ловко, что пропоролъ бы его насквозь; чтожь? сулица отскочила назадъ! посмотрите, какъ загнулосъ жало! Видно, онъ заговоренъ противъ желѣза.

Между тѣмъ Добрыню схватили, стянули съ коня и держали нѣсколькими парами дюжихъ рукъ.

— Тащите его на расправу! сказалъ дядя Сысой: — пускай хоть этотъ заплатитъ мнѣ головой за моего Сергѣя!

Добрыня не остался безмолвною жертвою: умъ его, освобожденный отъ болзни за жизнь боярча, вышелъ изъ оцѣпененія и употребилъ въ дѣло всю изворотливость, какая только отжѣрена была природою на его долю. Удалось ли Добрынѣ выпутаться этимъ способомъ изъ бѣды, или нѣтъ, это меня теперь не столько занимаетъ, сколько положеніе Алексѣя; итакъ, оставимъ покажѣсть слугу и обратимся къ господину.

Алексѣй остановился тогда только, какъ ступилъ на землю. Оглянувшись назадъ, онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, что пробѣжалъ такое пространство по тончайшему льду, который, отражая горѣвшіе по ту сторону, на деревнѣ, огни, блестя теперь какъ вода, нетронутая вѣтромъ. Отдаленные голоса перебойцевъ смѣшивались въ неясные звуки, и только пронзительный крикъ женщинъ надъ покойникомъ слышался такъ, что почти можно было различить слова: «Ахъ, провожаніе твое, Сергѣй! ахъ, да и прощанье!»

Алексѣй долго смотрѣлъ на противоположный берегъ и прислушивался къ отдаленному говору, не узнаетъ ли, что случилось съ вѣрнымъ его Добрынею. Но голоса слышались все глуше и глуше, наконецъ уступили мѣсто однимъ завываньямъ женщинъ.

Алексѣй обвелъ тогда кругомъ глазами, какъ бы вопрошая окружающіе его предметы, что ему дѣлать, и взоръ его остановился на одинокомъ огонькѣ, къ которому онъ направлялъ черезъ озеро бѣгъ свой. По разсказу Добрыни, огонекъ этотъ долженъ былъ бы смутить его воображеніе, а по безпріютному положенію, въ какомъ онъ очутился, долженъ былъ бы его обрадовать; но вблизи рѣдко бываетъ страшно то, что пугаетъ воображеніе издали, а испытанная недавно бѣда возбудила въ моемъ Алексѣѣ, вмѣсто радости, опасеніе, какъ бы не попасть изъ огня да въ полымя.

Онъ осторожно приблизился къ мѣсту, откуда выходилъ свѣтъ, и скоро различилъ во мракѣ нѣчто въ родѣ избы. Нависшія со всѣхъ сторонъ сосны мѣшали ясно видѣть строеніе; но оно казалось очень невеликимъ и низкимъ. Свѣтъ выходилъ изъ небольшого окна, укрѣпленнаго желѣзною рѣшеткою, и озарялъ по краямъ его ветхіе, оглоданные временемъ и непогодой, кирпичи. Сухія вѣтви, покрывавшія сплошнымъ слоемъ кругомъ землю, доказывали, что это мѣсто нежилое. Трудно было Алексѣю добраться по нимъ безъ треску до оконца; однакожъ, коекакъ онъ къ нему приблизился и заглянулъ во внутренность строенія.

Пылавшій на землѣ огонь освѣщалъ довольно просторную комнату, если только можно назвать комнатою четыре стѣны, въ которыхъ, кромѣ двери и этого оконца, не было другихъ отверстій. Это былъ, вѣроятно, остатокъ кладовой, единственнаго каменнаго здація въ старинныхъ деревянныхъ монастыряхъ. Бугроватыя, поросшія мхомъ, стѣны во многихъ мѣстахъ разсѣлись широкими трещинами; часть низкихъ сводовъ упала большими обломками на землю, и дымъ отъ костра свободно выходилъ въ дыру, образованную этимъ проваломъ. По стѣнамъ висѣли мечи, желѣзныя шапки и латы, называемыя куяками.

Все это Алексѣй разсмотрѣлъ послѣ, а теперь взоръ его остановился прежде всего на людяхъ, которые стояли вокругъ огня и повторялись тѣнью на стѣнахъ и потолокѣ въ видѣ уродливыхъ великановъ. Въ памяти моего добра-молодца мелькнулъ на мгновеніе разсказъ Добрыни, и воображеніе его готово было уже создать страшилища; но одного внимательнаго взгляда было достаточно, чтобы удостовѣриться въ естественности этихъ людей.

Ихъ было человѣкъ шесть или семь. Они стояли неподвижно вокругъ огня, съ глазами, устремленными на человѣка, сидѣвшаго на обломкѣ свода, спиной къ Алексѣю, и съ видимой готовностію исполнять его приказанія, хотя онъ былъ одѣтъ въ такой же простой овчинный туллубъ, какъ и всѣ прочіе, и не отличался никакимъ знакомъ богатства и власти. Важный незнакомецъ былъ молча занятъ ужиномъ, состоявшимъ изъ обжареннаго на вертелѣ мяса и хлѣба. Мясо очевидно принадлежало еще недавно ободранной овцѣ, которая висѣла тутъ же возлѣ огня и придавала этому загадочному сборищу дикій характеръ. Алексѣй не успѣлъ еще сдѣлать объ этихъ людяхъ никакого заключенія, какъ ему бросилось въ глаза сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ съ московскими людьми его отца. Онъ еще сомнѣвался, вѣрить ли своимъ глазамъ, или нѣтъ, какъ вдругъ сидѣвшій незнакомецъ поднялся съ своего мѣста и разрѣшилъ его недоумѣніе. Это былъ его отецъ.

Изумленіе, радость и горе овладѣвали попеременно душою Алексѣя и наконецъ уступили мѣсто чувству, заговорившему въ немъ сильнѣе всѣхъ прочихъ: ему стало стыдно передъ самимъ собою, какъ онъ могъ оставаться такъ долго въ сомнѣніи насчетъ вѣрности своего отца царю Борису Θεодоровичу и повѣрить словамъ Мулюхи, который очевидно примѣшивалъ половину лжи въ свои мятежническія рѣчи.

«Но какимъ образомъ онъ очутился въ такомъ бѣдственномъ положеніи? что привело его изъ Москвы въ сѣверскую глушь и заставило пріютиться въ этой развалинѣ? Что онъ не измѣнилъ царю, это ясно по поведенію перебойцевъ; но неужто у батюшки, кромѣ Перебойца, не осталось ни одной вѣрной вотчины, гдѣ бы онъ могъ жить, какъ слѣдуетъ боярину?»

Между тѣмъ какъ Алексѣй задавалъ себѣ эти вопросы, старый Однорогъ досталъ изъ за пазухи серебряные складни (*) и, поставя ихъ въ углу, началъ читать извѣстную молитву за царя, которую тогда читали вездѣ, гдѣ сходилось нѣсколько человѣкъ на обѣдъ или на ужинъ, или просто на братину вина (**).

(*) Складной образъ.

(**) Бесѣда обыкновенно одну чашу, называемую царскою, выпивала во здравіе царя по прочтеніи слѣдующихъ словъ: «Мы сушимъ здесь въ полатѣ сей молитвъ о душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи и о побѣдѣ на враги Божиему слугѣ, великому, благочестивому, и Богомъ избранному, и Богомъ почтенному и превозвнесенному.... Государю Царю Борису Θεодоровичу, самодержавному снѣ-

Старый Однорогъ читалъ ее такъ выразительно, съ такимъ сочувствіемъ ея содержанію, какъ будто она вышла изъ его головы и сердца.

Это еще больше пристыдило Алексѣя : въ устахъ отца его эта молитва была оправданіями друга , котораго онъ обвинилъ въ несвойственномъ ему преступленіи . Онъ не могъ оторваться отъ окна , пока не дослушалъ ея до конца .

Едва онъ повернулся , съ намѣреніемъ отыскать дверь въ келью , какъ вдругъ два знакомые голоса произнесли его имя , и Алексѣй увидѣлъ передъ собой , при свѣтѣ , падавшемъ изъ окна , бражника и сокольника своего отца , одѣтыхъ въ ратные доспѣхи и вооруженныхъ протазанами . Вооруженіе это не шло имъ къ лицу , такъ точно , какъ и выраженіе какого-то тяжкаго чувства , рѣзко напечатлѣннаго на ихъ отъ природы беззаботныхъ и веселыхъ физиономіяхъ .

— Ну , не совѣмъ , знать , еще Господь прогнѣвался на насъ , сказалъ бражникъ Савелій .

— И я то жъ говорю , заговорилъ скороговоркою , опереживая его , сокольникъ Лаврушка : — не совѣмъ прогнѣвался , коли послалъ къ намъ тебя , нашу радость . Откуда это ты , батюшка нашъ , съ неба , что ли , свалился ? какъ это подошелъ ты къ самому скиту мимо нашей сторожи ?

— Лаврушка , Савелій , ради Бога скажите , чтоъ стало съ батюшкой ? зачѣмъ онъ здѣсь , въ этой развалинѣ ? спросилъ Алексѣй .

Этотъ вопросъ удивилъ обоихъ слугъ , и Савелій бражникъ , понизя голосъ , спросилъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ , успѣвшимъ опередить его :

— Неужто ты еще не знаешь , что батюшка твой , бояринъ Николай Афанасьичъ , въ опалѣ ?

Алексѣй содрогнулся .

— Можетъ ли это статься ? воскликнулъ онъ .

— Тихе , сказалъ Савелій : — мы какъ-разъ противъ оконца .

Фетры на всей Восточной странѣ и на Сѣверѣ... и его Царскаго пресвѣтлаго Величества Царя и ихъ благороднымъ чадомъ... и христіанскому и христіанскому... и о тишинѣ всему православному христіанству... (Ист. Гос. Росс. , томъ XI , прим. 138.)

— Да, да, прибавилъ сокольникъ Лаврушка : — отойдемъ вотъ къ палисаду. Эхъ, времена! пришлось горе мыкать въ трущобѣ!

— Можетъ ли статья, а сталося вотъ, какъ видишь, началъ было, въ отвѣтъ Алексѣю, медленнословный бражникъ Савелій и, по видимому, не былъ недоволенъ, когда его товарищъ подхватилъ его рѣчь и пошелъ гнуть по своему :

— Заварилось пиво, будетъ пиръ на весь крещеный міръ, а первая, знать, чаша досталась намъ со старымъ бояриномъ.

— За что жъ эта опала? спросилъ Алексѣй.

— Да Богъ знаетъ, отвѣчалъ бражникъ Савелій : — не наше холопье дѣло рядить-судить про боярскія дѣла.

Но онъ еще далеко не окончилъ этой мысли, когда его товарищъ сказалъ ее по своему :

— И я тожъ говорю, что не наше дѣло. Смекаемъ такъ, что Шуйскіе тутъ приложили труда.

— Полно врать, Лаврушка! сказалъ строго его товарищъ : — знаешь, нашъ бояринъ не любитъ нашей болтовни? Пожалуй, говорятъ, будто онъ похвалился передъ царемъ, что провѣдалъ гнѣздо ястребиное, да что намъ про то калякать?

— И я то жъ говорю, сказалъ сокольникъ Лаврушка : — нечего намъ калякать, а слыхалъ я отъ вѣрныхъ люей, что одинъ, дескать, ястребенокъ съ гнѣзда спорхнулъ, а еще сидятъ трое. Такъ молвилъ твой батюшка у царя въ палатѣ.

— Что жъ въ этихъ словахъ за толкъ? спросилъ Алексѣй.

— Толку-то мы въ нихъ и сами не добрались, отвѣчали слуги, одинъ начавъ, а другой оканчивая : — только всѣ такъ проговорили на Москвѣ, что за нихъ попалъ твой батюшка-бояринъ въ опалу. Указано ему отъ царскаго величества не выѣзжать изъ Перебойща.

— Зачѣмъ же батюшка не въ усальбѣ, а здѣсь въ скиту? спросилъ Алексѣй.

— Не поладилъ съ перебойцами, отвѣчали ему. — Батюшка твой, видишь, даромъ что въ напрасной опалѣ, готовъ и голову положить за царя Бориса Феодоровича, а они-то думали, что онъ будетъ стоять съ ними за того, что зовутъ природнымъ осударемъ.

— Смекаемъ такъ, замѣтилъ сокольникъ Лаврушка : — что и тутъ подкурили Шуйскіе.

— Не ври, братъ, сказалъ его товарищъ: — что врать про боярскія дѣла?

— Врать оно-то такъ, что не зачѣмъ, да вѣдь при тебѣ проболтался Шуйскихъ дворчанинъ, что «вашъ, дескать, бояринъ, знамо дѣло, за кого стоитъ», — вѣдь при тебѣ же?

Бражникъ Савелій махнулъ рукой и продолжалъ рассказъ, который, если исключить всѣ вставки и замѣчанія Лаврушки сокольника, былъ таковъ:

— Встрѣтили перебойцы боярина съ хлѣбомъ-солью, — ладно; только одинъ и спроси: «А каковы, молъ, слыхать новинки про паревича про Дмитрея Ивановича?» А батюшка твой какъ держалъ чеканъ, такъ его и хлопнулъ. «Ахъ вы, измѣнники! Кто еще тутъ стоитъ за вора разстригу? всѣхъ перебью!» Перебойцы видятъ, что бояринъ дышетъ нездѣшнымъ духомъ, и поднялись. Пошелъ было бояринъ на проломъ — куда! онъ самъ-десять съ дворчанами, а ихъ и не перечесать. Вотъ зачѣмъ онъ не въ усадьбѣ, батюшка ты нашъ!

— Такъ я и думалъ, сказалъ Алексѣй: — но неужто васъ при батюшкѣ изъ пятидесяти дворчанъ осталось только девятеро?

— Нѣтъ, не девятеро насъ вышло съ бояриномъ въ Сиверу, началъ Савелій.

— Не девятеро, подхватилъ Лаврушка: — да знаешь, какой теперь дуетъ съ Литвы вѣтеръ? Люди теперь—словно рожь на лопатѣ: что падаетъ зерномъ, а что летитъ половою за вѣтромъ. Чуть лишь къ Перебойшу, такъ бѣльшей половины челядинцевъ какъ не бывало у твоего батюшки. Глядь-поглядь, насъ только горсточка.

— Какъ? въ глазахъ измѣнили? спросилъ Алексѣй.

— Да, перебѣжали къ перебойцамъ, отвѣчалъ Савелій.

А Лаврушка замѣтилъ:

— Еще на Москвѣ, знать, завербовали ихъ на сторону Самозванца. Еще дорогой проговорились наши ребята: «Увидишь, дескать, что запоетъ бояринъ, какъ пріѣдетъ въ Перебойще!» Лѣтній ихъ знаетъ, съ чего они взяли, что бояринъ станетъ въ Сиверѣ за Самозванца.

— Страшныя дѣла слышу я! сказалъ Алексѣй и вспомнилъ Мулюху, который съ такою увѣренностью говорилъ, что отецъ его на сторонѣ мнимаго Дмитрія.

Самыя мрачныя догадки родились въ умѣ его. Ему представилась чудовищная сѣть крамолы, которою спутаны царь и его вѣрные слуги.

— И, что тутъ страшнаго? отвѣчалъ, понявъ его буквально, Савелій: — не пужайся, осударь нашъ: батюшка твой и тутъ не оплошалъ.

— И я то жь говорю, подхватилъ Лаврушка:— одарилъ его Господь духомъ великимъ. Онъ и насъ учинилъ богатырями. Даромъ, что онъ самъ—десять съ нами, а вотъ загородили мы себѣ городъ да и воюемъ съ перебойцами, какъ съ невѣрными басурманами. Видишь ли, вотъ палисадникъ? Это наша работа; въ двѣ недѣли у насъ дѣло поспѣло. Обрубилсь острожкомъ, ровомъ окопались, валомъ обсыпались. Завтра отъ воды начнемъ городить городъ. До сихъ поръ вода насъ защищала съ этой стороны, да вдругъ замерзла. Засядемъ здѣсь и будемъ ожидать, пока увидитъ царь Борисъ Феодоровичъ, кто крамольникъ, кто нѣтъ. А говорить бояринъ, что скоро онъ увидитъ.

— Но чѣмъ же вы кормились до сихъ поръ и чѣмъ батюшка думаетъ прокормиться здѣсь послѣ? спросилъ Алексѣй.

— А вотчина-то подъ бокомъ на что? Старыхъ запасовъ въ ней надолго хватитъ.

Пожалъ Алексѣй плечами.

— Какъ же, спросилъ онъ: — вы умудрились вдесятеромъ все-таки держать въ страхѣ Перебойце?

— А вотъ какъ, отвѣчали Лаврушка и Савелій, мѣшая другъ другу говорить:—сядетъ бояринъ съ нами на конь — самопалы въ рукахъ—пріѣзжаемъ къ Пятницѣ—тутъ за скитомъ Пятница на путивльскомъ перекресткѣ—трубимъ въ рожокъ. Перебойцы выходятъ. «Ребята, самопалы къ плечу!» — Перебойцы въ разсыпную. Вотъ и вся хитрость.

— Но это не всегда такъ будетъ, сказалъ, въ безпокойствѣ за отца, Алексѣй. — Хорошо, что у нихъ нѣтъ ни пицалей, ни самопаловъ, а добудь они себѣ огненнаго бою, тогда съ ними не справишься.

— Пока они добудутъ, сказалъ Савелій бражникъ: — а мы въ скиту припасемъ себѣ запасу до весны.

— И я то жь говорю, заболталъ скороговоркою сокольникъ Лаврушка: — яма у насъ полна уже всякаго добра; стогъ сѣна для лошадей на луку подъ бокомъ — перетаскать въ острожокъ

недолго. Въ усадьбѣ на деревнѣ намъ бы съ бояриномъ не усидѣть — дымомъ бы выкурили — а здѣсь поди-кась поговори съ нами сквозь частоколъ. Добро, что бояринъ догадался вывезти изъ Москвы возы походные съ огненнымъ боемъ да зеленую казну. Думалъ оборонять Перебойще отъ Самозванца, а вотъ пришлось ратовать противъ своихъ же мужиковъ. Да слава Богу, что ты, надѣжа иашъ, въ-пору-во-время воротился къ батюшкѣ. Только гдѣ же твой дядька Пахомычъ? безъ коня, безъ вожатаго, впрямь ты какъ будто съ неба свалился. Неужто перебрался ты сюда льдомъ отъ перебойцевъ? Ледъ еще не сдержитъ человѣка.

— Долго будетъ рассказывать, отвѣчалъ Алексѣй: — дайте скорѣй повидаться съ батюшкой.

Слуги проводили его къ низенькой двери, которая отворалась внутрь и была крѣпко-накрѣпко заперта.

— Мы останемся на своемъ мѣстѣ до смѣны. Скоро пропоютъ первые пѣтухи, сказалъ бражникъ Савелій. — Тебя и безъ насъ впусять: чай не забылъ бояринъ твоего голоса.

Алексѣй постучался въ дверь и на вопросъ: кто? сказалъ свое имя. За дверью послышался радостный говоръ, но вдругъ былъ остановленъ необычайно строгимъ голосомъ стараго Однорога.

Старикъ, отпустивъ сына за границу потому только, что не могъ сдѣлаться царскимъ ослушникомъ, втайнѣ смотрѣлъ, однакожь, на путешествіе Алексѣя какъ на своевольный побѣгъ изъ родительскаго дома, и даже самъ Алексѣй считалъ удовольствіе, съ какимъ онъ отправился въ чужіе края, какъ бы преступленіемъ противъ отца, котораго почиталъ и любилъ, несмотря на всю его строгость. Поэтому они встрѣтились почти такъ, какъ предсказалъ бы почтенный Прокло Проклычъ, то есть какъ блудный сынъ съ отцомъ своимъ. Разница была въ томъ только, что старый Однорогъ принялъ Алексѣя гораздо суровѣе, нежели кроткій отецъ евангельской притчи блуднаго сына, да и Алексѣй подступилъ къ отцу своему не съ трогательнымъ раскаяніемъ — рассказывать ему было не въ чемъ — а со страхомъ, въ который примѣшивались радость свиданія и жалость къ бѣдственному положенію старика.

Эти три чувства ясно выразились въ его движеніяхъ, въ его лицѣ и голосѣ, когда онъ, снявъ шапку еще за дверью и оста-

новьясь почтительно у самого порога, сказалъ съ низкимъ поклономъ :

— Здравствуй , государь батюшка ! по добру ли у тебя все по здорову ?

Это привѣтствіе вызывало на радушный отвѣтъ ; но строгій старикъ нахмурилъ брови и указалъ сыну на образъ.

Алексѣй спохватился тогда , что , въ волненіи различныхъ чувствъ и мыслей, онъ не помолился, какъ велѣлъ русскій обычай , предъ святыми иконами и поклонился сперва челобѣтнику. Онъ поспѣшилъ со всею набожностью исполнить этотъ древній обычай ; но уже было поздно.

— Что, нѣмецкой умникъ ! загремѣли грозныя слова отца : — аль въ басурманскихъ земляхъ и Бога позабылъ ?

— Нѣтъ , государь батюшка , не позабылъ я Бога , началъ было Алексѣй.

Но старый Однорогъ схватилъ его за плечи и , поворота къ себѣ спиною , толкнулъ его за дверь.

— Долой съ глазъ моихъ , басурманъ ! чтобъ и нога твоя здѣсь не была ! закричалъ онъ и сильно захлопнулъ за Алексѣемъ дверь.

Слуги оторопѣли отъ удивленія. Они привыкли къ строгости боярина, но въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ никто не ожидалъ , чтобъ онъ прогналъ отъ себя того, что, казалось бы , одинъ могъ его утѣшать и радовать. У иныхъ на глазахъ навернулись слезы, и они, сложась по слову, выразили свои чувства боязливо , но тѣмъ не менѣе прямо.

— Молчите, олухи ! отвѣчалъ, возвратясь на свое сѣдалище, старый Однорогъ : — вы ничего не смыслите.

— Да ужъ и ты, бояринъ... не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, отвѣчали ему слуги. — Господь посылаетъ тебѣ радость, а ты... ну, ужъ.... эхъ !

— Олухи вы ! повторилъ хладнокровно бояринъ и , потупя голову, погрузился на нѣсколько минутъ въ глубокія размышленія ; потомъ велѣлъ воротить къ себѣ Алексѣя.

Приказаніе это было исполнено съ великою охотою. Дворчанине радовались, что гнѣвный бояринъ такъ скоро смягчился, и съ торжествомъ привели къ нему молодого своего господина. Но они тотчасъ увидѣли свою ошибку.

— Такъ ты еще меня не слушаешься! Ты хочешь оставаться здѣсь противъ моей воли! сказалъ бояринъ, обращаясь къ сыну. — Поди, говорю тебѣ, и никогда не смѣй показываться въ моей вотчинѣ!

— Государь батюшка! сказалъ Алексѣй: — чѣмъ я такъ огорчилъ тебя? Дай повиниться передъ тобой, коли я чѣмъ тебя оскорбилъ.

— Слышать ничего не хочу! продолжалъ запальчиво отецъ: — ищи себѣ батюшки въ Нѣметчинѣ, въ басурманщинѣ! Долой съ глазъ моихъ!

И по прежнему выпроводилъ бѣднаго Алексѣя за дверь.

— И, бояринъ осударь! сказали огорченные слуги:—впрямь ты — съ тоски али съ радости — точно... ну ужь! Виноватъ ли малый, что царь посылалъ его въ басурманщину? Какой онъ басурманъ? не видишь развѣ, что онъ крестится и молится, какъ и мы, русскому Богу?

— Олухи вы! что вы смыслите! отвѣчалъ старый Олнорогъ и, сѣвъ на свой обломокъ, погрузился въ молчаливыя размышленія.

— Не кликнуть ли назадъ? спросилъ одинъ изъ слугъ, какъ бы подслушавъ его мысли.

— Кликнуть, отвѣчалъ бояринъ.

Алексѣй еще разъ приведенъ былъ къ отцу. Смущеніе и горестъ ясно рисовались на лицѣ его. Отецъ какъ будто ничего этого не видѣлъ: взглядъ его былъ такъ же суровъ и гнѣвенъ, какъ и прежде.

— Ну, что скажешь? спросилъ онъ.

— Батюшка государь! сказалъ Алексѣй голосомъ, полнымъ покорности и печали: — лучше убей меня, только не прогоняй отъ себя! Пускай я и огорчилъ тебя, но вотъ тебѣ повинная голова моя — дѣлай со мной, что хочешь — все перенесу отъ твоей руки, а не покину тебя въ такой бѣдѣ и смутѣ.

Лицо суроваго старика вдругъ просвѣтлѣло.

— Ты ничѣмъ не огорчилъ меня, Алексѣй, сказалъ онъ такъ ласково, какъ, можетъ быть, никогда еще не говаривалъ съ сыномъ. — Это было тебѣ испытаніе: не отречешься ли ты отъ меня, опальнаго, нищаго и безпомощнаго. Горе мнѣ, колибъ тебѣ въ обиду показался теперь мой гнѣвъ! Не сгубила, вижу, тебя чужеземщина, и прямого набрался ты въ ней разума:

знаешь страхъ Божій и отцовскую власть. Пускай же будетъ вадъ тобой Господне и мое благословеніе.

И, взявъ съ камня свои складни, старый Однорогъ сдѣлалъ вмѣ надъ головою сына знакъ креста, далъ ему приложиться, потомъ протянулъ ему для поцалуя руку и, въ знакъ особенной благосклонности, обнялъ и поцаловалъ Алексѣя.

По обычаямъ того времени и по духу боярина Однорога, это объятіе и этотъ поцалуй не были обыкновеннымъ выраженіемъ отеческой нѣжности: это былъ какъ бы священный знакъ возведенія сына въ достоинство друга и совѣтника. Такъ и поняли эту церемонію всѣ предстоящіе, которымъ, однакожь, старикъ почелъ за нужное объяснить ее.

— Теперь вы видите, олухи, сказалъ онъ: — что значитъ гнѣвъ мой. Я хочу быть отцомъ не по имени только, а впрямь отцомъ и господиномъ моего дѣтища. Царь на меня прогнѣвался, богатство мое и сила моя миновались, слуги мои покинули меня; но я все-таки Однорогъ отнынѣ и до вѣка, и вотъ, за покорность его моей власти въ эту смутную годину, награждаю его моею великою ласкою. И вамъ велю отдать ему честь, какъ самому мнѣ.

Слуги подошли и поцаловали Алексѣя въ руку.

— Объявляю его своимъ наследникомъ, продолжалъ, съ прежней торжественностью, старый Однорогъ. — Не малое завѣщаю ему наследство — честь моего рода и вѣрность государю-царю до послѣдняго издыханія! Ну, теперь присядь къ огню, Алексѣй, да подкрѣпись чѣмъ Богъ послалъ. Забудь про отцовской твой домъ на Москвѣ; здѣсь нето патоки да мазули, и никакихъ вовсе приправъ; обѣдъ у меня пустынный; но все-таки я Однорогъ и останусь Однорогомъ. Сижу въ этой ворѣ, сплю на соломѣ, ѣмъ что Богъ пошлетъ, а все вѣрнѣ Богу и царю всѣхъ волковъ и лисицъ, что рыщутъ теперь вокругъ престола. Эхъ, государь Борисъ Феодоровичъ! еслибъ тебѣ открылъ Господь глаза! увидалъ бы ты тогда, что Однорогъ, а что враги однороговы. Но время близко; увидишь, хоть и поздно, да увидишь! Ну, скажи же мнѣ, надежа мой Алексѣй, какъ это направилъ тебя Господь ко мнѣ, какъ сохранилъ Онъ тебя жива и невредима въ странствіяхъ и гдѣ твой Добрыня? Неужто схоронилъ старика на чужой сторонѣ?

— Добрыня, государь-батюшка. въ плѣну у перебойцевъ? отвѣчалъ Алексѣй: — какъ бы его намъ выручить поскорѣе?

— У перебойцевъ? ну, это еще не бѣда. Завтра, волею-неволею, они намъ его выдадутъ. Рассказывай-ка ты про себя, другъ мой.

Алексѣй, присѣвъ къ ужину, рассказалъ ему все, что уже извѣстно читателю, — умолчалъ только о призракъ невѣсты, явившемся ему на перевозѣ у Прокла Проклыча.

Отецъ, сидя противъ него на камнѣ, слушалъ, не прерывая его рѣчи ни однимъ словомъ и не изъясняя никакого удивленія къ страннымъ новостямъ его, между тѣмъ какъ слуги, стоя вокругъ огня, невольно вскрикивали: «Господи! Ахъ, какія страсти!» или: «Эко диво-то дивное!»

— По истинѣ самъ Богъ хранилъ тебя, Алексѣй, на чужбинѣ и въ этой разбойничьей сторонѣ, сказалъ старый Однорогъ, дослушавъ до конца рассказъ своего сына: — и это вѣрный намъ знакъ, что мы нужны на что-то въ свѣтѣ. Поработаемъ, другъ, за государя въ бѣдѣ, какъ работали въ счастья. И малая вещь иной разъ великое дѣлаетъ дѣло. Кто знаетъ, что сдѣлаемъ съ тобою мы въ эти смуты для Русскаго царства! Одинъ Богъ знаетъ, на что насъ держитъ на свѣтѣ. Его святая воля!

— Растолкуй же мнѣ теперь, государь-батюшка, если можешь, сказалъ Алексѣй: — какъ знаетъ тебя Мулюха, и почему онъ такъ смѣло увѣрялъ меня, что ты стоишь за Самозванца?

— Мулюха этотъ не человекъ, а змѣя подколотная, отвѣчалъ отецъ. — Это другой Косолапъ-разбойникъ (*); только Косолапъ держался на виду, а этотъ — точно ящерица въ травѣ: зашелеститъ, и нѣтъ. Онъ, точно нечистый грѣшными душами, правитъ всѣми ворами и разбойниками въ Сѣверин. Давно уже слышно о немъ—не то здѣсь на украинѣ, а и на Москвѣ, да никто не знаетъ, гдѣ онъ гнѣздится. А онъ вотъ гдѣ! подъ самымъ бокомъ у новгородской крѣпости! Эко порожденіе ехидны! Теперь, знать, нечего ему гадиться—выползъ наружу змѣй-гориничъ; но рано: вѣдь въ Новгородѣ Сѣверскомъ Басмановъ. Съ этимъ

(*) Этотъ предводитель сѣверскихъ бродягъ проникъ до Москвы и сразился подъ самыми ея стѣнами съ царскимъ войскомъ, котораго воеводѣ, Ивану Федоровичу Басманову, палъ въ битвѣ. Разбойники, однакожъ, не устояли, и Косолапъ, наимогшій отъ ранъ, взятъ былъ въ плѣнъ. *Ист. Гос. Рос.*, томъ XI, стр. 70. Изд. 5-е.

шутокъ не шутятъ. Я ужь по твоимъ рассказамъ вижу, какъ взялся онъ за дѣло. Раздавить онъ этому змѣю голову.

— Но, скажи, государь, батюшка, спросилъ Алексѣй: — почему этотъ Мулюха знаетъ, что ты въ Перебоищѣ, и зачѣмъ онъ увѣрялъ меня, будто бы ты....

— И не договаривай! перебилъ его отецъ. — Знавалъ онъ меня еще на Москвѣ. Былъ онъ славный обронщикъ, не хуже Парамши. Кто бы тогда подумалъ, что изъ этого обронщика вылететь другой Косолапъ? Видно дьяволъ гдѣ найдетъ, тамъ и беретъ свое. А что онъ говорилъ про меня такія воровскія рѣчи, то это шутки Шуйскихъ. Шуйскіе задумали погубить Бориса Теодоровича....

— Какъ! прервалъ съ ужасомъ Алексѣй: — неужто до того дошло дѣло, что бояре вьвязь стоять за Самозванца?

— Еслибъ они стояли вьвязь! отвѣчалъ старшій Однорогъ. — Но въ томъ-то и бѣда, что они крамольничаютъ подъ рукой у нашего батюшки, а онъ, словно съ завязанными глазами, хватается зморандниковъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣту. Такъ и миѣ вырыли яму, окаянные; но увидишь, коли сами въ ней не очутятся. Скоро, не скоро, а правда всплыветъ наверхъ.

— За что же царь прогнѣвался на тебя, государь-батюшка?

— А за то, что я хотѣлъ открыть ему глаза на Шуйскихъ. Ты думаешь, малую они игру затѣяли? Самозванецъ-отъ — это изъ дѣло, это ихъ исчадіе!

— Какъ? Отрепьева надоумили Шуйскіе?

— Отрепьевъ онъ или нѣтъ — кто его знаетъ? а что эту сову выпустили въ Литву Шуйскіе, это я знаю навѣрное.

— Да зачѣмъ же ты, мой родимой, не открылъ этого царю, лишь только свѣдалъ измѣну?

— Зачѣмъ не открылъ? А зачѣмъ не накидаютъ на перепела сѣтки, не выждавши время? Порхнетъ, и поминай, какъ звали, а ты остался въ дуракахъ. Такъ и здѣсь. Ты знаешь, что ужь если я скажу слово, такъ это будетъ слово, а не свистокъ на вѣтеръ. Хотѣлось миѣ накрыть царскихъ крамольниковъ сѣткою такъ, чтобъ и не шевельнулись, да и не спохватился, что они слѣдятъ за мной, какъ и я за ними. Я ихъ ловлю, а они на меня куютъ ковь. Только что я разинулъ ротъ, а у нихъ и дѣло

сдѣлано. Словно сквозь ледъ я вдругъ провалился : такъ ловко подрыли они мнѣ яму. Но погоди, что будетъ дальше !

— И царю вовсе невдогадъ , откуда взялся Самозванецъ ? продолжалъ спрашивать Алексѣй.

— Какъ невдогадъ ? Онъ , батюшка нашъ , только лишь узналъ объ этомъ литовскомъ ворѣ , то сказалъ боярамъ въ глаза, что это ихъ дѣло. «Вы хотите крамолами подкопать престолъ!» такъ именно сказалъ онъ въ боярской думѣ. Всѣ потупили глаза ; одни Шуйскіе смотрѣли на него прямо. Этой минутой они и взяли. На кого намекнуть , тотъ и крамольникъ ; а въ нихъ-то самихъ и все зло , — такое зло , какого еще не бывало на Руси. Ты думаешь, *одного* Самозванца они подставили. Я знаю троихъ ; а сколько ихъ еще распушено по крайинамъ. Вотъ оно зло-то, любезный другъ !

— И этому злу нельзя помочь никакими мѣрами ?

— А какъ ты ему поможешь ?

— Довести до царя вѣсть про измѣну. Пускай бы Шуйскіе на лобномъ мѣстѣ повинились въ своихъ крамолахъ. Народъ бы уgomонился и пересталъ грезить Дмитріемъ-царевичемъ.

— Легко сказать : довести вѣсть , а попробуй довести. Его сторожать теперь сто глазъ , и самъ онъ того не знаетъ , что съ нимъ дѣлають : держитъ совѣтъ съ своими злодѣями и караетъ своихъ вѣрныхъ слугъ , какъ вотъ меня.

— Легко сказать ! повторилъ Алексѣй. — Да давай я возьмусь пробраться къ царю и передать ему твои слова , какъ на бумагѣ !

— Пропадешь , сказалъ твердымъ тономъ отецъ : — пропадешь , Алексѣй , ни за копейку. Царь Борисъ Феодоровичъ окружилъ себя иноземцами , что стѣннымъ забраломъ , и не показываетъ народу. Ни пробраться къ нему , ни грамоту подать не удастся.... Да ужъ коли онъ не послушалъ меня въ чести , въ славѣ , то какъ повѣрить опальному ? Нѣтъ , это не годится ; въ Москву я тебя не пушу , а дамъ тебѣ дѣло здѣсь въ Сиверѣ. Завтра узнаешь , какое. Теперь ты изморился — я это вижу ; нечего взваливать на тебя новый грузъ. Молись Богу да ложись спать. Вотъ куча сѣна — это моя боярская постель ; вотъ и тулупъ тебѣ укрыться.

— Но все-таки , государь-батюшка , сказалъ Алексѣй : — я не возьму въ толкъ , какъ этотъ Мулюха....

— Да, это тоже не послѣдняя шутка нечестивцевъ! Мало того, что оболгали меня передъ государемъ, — они подготовили мнѣ и въ ссылкѣ западню: взбударажили мою вочину; послали къ перебойцамъ отъ меня наказъ стоять за природнаго государя, то есть за этого вора литовскаго. Каково? кажись, довольно бы отнять у царя вѣрнаго слугу — вѣтъ, имъ хотѣлось, чтобъ я изъ слуги обратился въ его врага! Нечестивцы! они думаютъ, что честному человѣку жизнь дороже чести; они, вижу, рассчитывали, что перебойцы какъ сдавятъ меня, такъ поневолѣ перейду на ихъ сторону; а можетъ быть, у нихъ и такая была мысль, что за неправедную опалу я возненавижу своего милостивца Бориса Феодоровича. Какъ имъ кажется легко выворотить правдивую душу на изнанку!.... Вотъ, милый другъ, зачѣмъ этотъ пострѣлъ Мулюха такъ смѣло увѣрялъ тебя въ томъ, чему не бывать, пока останется на землѣ однорогово имя! Чтѣ ты на это скажешь?

— Дай Богъ царю Борису Феодоровичу разсѣять эту тучу! Вотъ чтѣ я скажу. А туча находить грозная на Русь.

— Какая бѣ она ни была, намъ ея не бояться. Кому нестрашно умереть за царево дѣло, тому ничто нестрашно. Исполнимъ долгъ свой, а тамъ пускай будетъ, какъ Господь судить быть. Ложись спать, и я лягу, только сдѣлаю смѣну. — Терентій и Фомка! теперъ ваша очередь; пойдѣте.

Старый Однорогъ взявъ стоявшій у стѣны чеканъ и повелъ на смѣну свою сторожу.

Алексѣй, успокоясь отъ физическаго и нравственнаго волненія, испытаннаго имъ въ этотъ вечеръ, и пополнивъ пустоту желудка добрымъ кускомъ жареной баранины, почувствовалъ сильное влеченіе ко сну. Онъ помолился съ чувствомъ человѣка, возвратившагося подъ родной кровъ, раздѣлся, и легъ на указанную ему отцомъ кучу сѣна. Яркій огонь очага пріятно пригрѣвалъ его въ лицо и въ руку, непокрытыя тулупомъ, и онъ самъ не замѣтилъ, какъ уснулъ среди воспоминаній всего видѣннаго, слышаннаго и пережитаго въ теченіе послѣднихъ сутокъ. Надъ его отуманенною сномъ головою привѣтливо леталъ образъ прелестной незнакомки, и цѣлую ночь ему грезилось, будто это его невѣста, будто она нарядилась въ черную одежду только для шутки, и будто онъ съ нею ходилъ по мостикамъ въ Черныхъ Лозахъ, изъ роши въ рошу, и

разговаривалъ о близкой свадьбѣ и о томъ, какъ они поведутъ свою жизнь, согласивъ русскіе обычаи съ иноземною образованностью.

Алексѣй проснулся на другой день поздно и почувствовалъ на ногахъ что-то тяжелое. Онъ отпахнулъ полу тулупа и съ удивленіемъ увидѣлъ, что это была голова вѣрнаго Добрыни, который свернулся въ комокъ въ ногахъ своего боярча и, положивъ голову на его ноги, обнялъ ихъ обѣими руками.

Старый Однорогъ сидѣлъ уже у свѣжаго костра, на которомъ слуги варили что-то въ котлѣ, и писалъ грамотку, положила длинный и узкій лоскутъ бумаги на колѣни, какъ обыкновенно писали тогда москвитяне. Взглянувъ на Алексѣя, онъ усмѣхнулся и сказалъ :

— Знаешь, зачѣмъ онъ выбралъ себѣ такое изголовье? Намедни я сказалъ, что отправляю тебя подъ Новгородокъ съ Лаврушкою, а онъ останется на покоѣ. Старякъ бросилъ и уживаться, прилегъ къ ногамъ твоимъ и божился, что не разстанется съ тобой, пока живъ; да тутъ же и уснулъ, сердечный: видно, и онъ нетолсто спалъ въ дорогѣ.

— Какъ же это онъ вырвался изъ Перебойща? спросилъ Алексѣй.

— Вырвался по пословицѣ *хорошая ложь дороже плохой правды*, отвѣчалъ отецъ: — увѣрилъ перебойцевъ, что ты пріѣхалъ къ нимъ съ грамотою отъ вора Самозванца, что ты идешь врозь со мной (а теперь это и не диковинка, что дѣти на одной, а отцы на другой сторонѣ); увѣрилъ дураковъ, что ты воротиться къ нимъ, если пошлютъ его къ тебѣ съ повинною. Тѣ и дались въ обманъ. Такъ онъ и вырвался отъ нихъ.

— Но коня не привелъ?

— Да вѣдь конь твой, Добрыня сказалъ, убить?

— Убить, но я говорю о томъ, что былъ подъ Добрынею. Здѣсь не добыть такого коня ни за какія деньги.

— Ну, не тревожься: Добрыня пріѣхалъ на конѣ, да не позабылъ захватить и твоихъ тороковъ. А теперь-то тебѣ пуще всего нуженъ добрый конь. А подъ твоего вожатаго найдется у меня. Одѣвайся, молись Богу, завтракай, а у меня вотъ и грамотка готова. Время теперь дорого; поѣзжай съ Богомъ, не теряя ни одного часу. Самозванецъ близко. Кто знаетъ, какъ и однимъ часомъ теперь подспоришь царскому дѣлу?

— Куда же это, государь-батюшка, мнѣ ѣхать?

— А вотъ куда. Ты не позабылъ, я чай, въ чужеземщинѣ, что есть на свѣтѣ бояринъ Берендѣй?

— Какъ позабытъ? я чуть не завернулъ было къ нему по дорогѣ.

— Да, да, ты вчера говорилъ. Ну, добро. А помнишь, какой онъ тебѣ родичъ?

— Помню.

— Дѣло; вотъ къ нему-то и поѣдешь ты.

— Зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь ты воротился изъ чужеземщины?

— Воротился, да вѣдь время теперь, государь-батюшка, не такое, чтобъ исполнять свадебные договоры.

— Нѣтъ, братъ, кому другому не такое, да не намъ. Намъ надо сыграть свадьбу хоть бы полъ пушечной пальбой.

— Зачѣмъ же такъ спѣшить?

— А вотъ зачѣмъ. Берендѣй, ты знаешь, какой вотчинникъ: у него въ Сиверѣ десять деревень, а изъ тѣхъ деревень выѣзжаетъ въ поле рати мало не тысяча головъ. Теперь догадался?

— Не совѣмъ.

— Дивно, какой ты недогадливый. Ну, ты это знаешь, что Берендѣй самъ давно ужъ на конь не садится?

— Нѣтъ, не знаю.

— Такъ, стало, ты не знаешь и того, зачѣмъ онъ съѣхалъ съ Москвы въ сѣверскую глушь и не вылезитъ отсюда года ужъ три?

— Нѣтъ; зачѣмъ же?

— Да зачѣмъ, что не садится на конь; а не садится на конь зачѣмъ, что еле ноги таскаетъ: пришибло параличомъ. Какая изъ него служба? Отпросился на покой да и живетъ въ захолустьи. Писалъ какъ-то на Москву ко мнѣ, что больно одряхлѣлъ и не чааетъ долго прожить на свѣтѣ.

— Какъ же это Мулоха говорилъ мнѣ, что онъ ловитъ и хватаетъ вездѣ разбойниковъ?

— Не онъ видно ловитъ, а ловятъ его знакомцы съ холопами. Онъ только натравливаетъ ихъ. Молодецъ старина, и безъ ногъ служить службу лучше ходячаго, зато и жалуется его царь Борисъ Феодоровичъ своею милостью, и на Москву въ думу не велитъ возвращаться. Да и слава Господу Богу, что Берен-

дѣюшка мой теперь подъ эту кутерьму здѣсь! Теперь его тысяча пригодится царю за десять тысячъ. А безъ тысячи нѣчто мало значить это само по себѣ, что въ воровской этой украинѣ сидить такой крѣпкой царскій слуга? Писаніе гласить: «Небольшая закваска весь хлѣбъ заквашиваетъ»: такъ и одна вѣрная душа иной часъ сдержитъ пожалуй цѣлую область отъ измѣны. Чтò же, коли бь моему Берендѣюшкѣ сбросить съ костей десятка три-четыре годовъ? Понимаешь ты меня?

— Нѣтъ, государь-батюшка.

— Чтòжь это? али Нѣметчина разучила тебя смекать дѣломъ, хватать слова изо рта неразжеванными? Ну, голова, просто сказать — чтò, если бь у Берендѣя былъ теперь сынъ въ твою статью? а? чтò же ты повѣсилъ носъ? неужто тебѣ тошно жениться?

Алексѣй сказалъ бы на это отцу многое, но долженъ былъ молчать и таить свои чувства. Онъ былъ не въ силахъ изгнать изъ души своей обольстительный образъ таинственной путешественницы, оживленный больше прежняго ночными грезами, но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ отцу на вопросъ его съ покорностью, что отдается на его родительскую волю.

Впрочемъ, не стану ни возвышать, ни унижать достоинства моего добра-молодца и скажу, что любовь къ незнакомкѣ въ черной одеждѣ была для него свѣтлымъ видѣніемъ сердца, а женитьба — простымъ исполненіемъ родительской воли. Оба эти обстоятельства различались одно отъ другого какъ небо отъ земли, и хотя съ перваго разу чувства Алексѣя заговорили противъ женитьбы не на той, кого онъ любитъ, но одной минуты размышленія было достаточно, чтобъ отдѣлать призракъ отъ дѣйствительности, и, оставляя прелестную незнакомку на недоступной высотѣ, онъ смиренно рѣшился на исполненіе своего долга.

Старый Однорогъ и не подозрѣвалъ между тѣмъ, какія мысли и чувства роятся въ душѣ Алексѣя. Онъ истолковалъ въ хорошую сторону легкое смущеніе, съ которымъ тотъ принялъ его вопросъ, и велѣлъ сыну ѣхать къ Берендѣю и жениться на обрученной невѣстѣ.

— Даромъ, что я въ опалѣ, говорилъ онъ: — Берендѣй не таковской человекъ, чтобъ отвернуться отъ стараго пріятеля. Ты для него хорошъ съ вотчинами и безъ вотчинъ, въ чести и

въ царской немилости. Ужь коли рукобилье пробито, слово дано, то не отопрется онъ отъ него и за все сибирское серебро. Да онъ же и самъ мужикъ неглупый: смекаетъ, небось, и самъ, чего стоитъ такой, какъ ты, голова для его тысячи подъ эту сумятицу. А ты, смотри, неплошай, не засидись въ темной избѣ съ молодой женой. Будеть скоро довольно работы царскимъ слугамъ съ измѣнниками казаками да съ литовскою сволочью. Выходи въ поле и покажи себя прямымъ Однорогомъ. Пускай бы хоть о мертвомъ обо мнѣ сказалъ государь, что Однорогъ не былъ крамольникъ! Ну, вотъ ты умылся и одѣлся. Надѣвай, братъ, и стальную сорочку: она теперь нужнѣй тулупа, — да молись Богу. Я отправляю тебя сейчасъ послѣ завтрака.

Алексѣй молился разбѣянно. Голова его полна была мыслей объ отцѣ, о себѣ самомъ, о смутномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о предстоящей дорогѣ, о женитьбѣ и всего болѣе — надо сказать правду, что всего болѣе — о молодой незнакомкѣ. Онъ потерялъ надежду увидѣть ее еще когда нибудь, онъ даже рѣшился не искать случая узнать о ея мѣстопребываніи; но думать о ней, видѣть ее воображеніемъ, переиспытывать возбужденныя ею въ душѣ его чувства сдѣлалось для него услажденіемъ бытія. Отказаться отъ ея образа, позабыть ее значило бы для него забросать снѣжными сугробами лучшіе цвѣты, украсившіе жизнь его.

Послѣ молитвы, сынъ поздравилъ отца съ добрымъ утромъ и поцаловалъ у него руку. Потомъ приступили къ завтраку, состоявшему изъ одной каши съ бараниной, какую обыкновенно варили въ ратномъ полѣ на бивакахъ.

Слуги, несмотря на переворотъ судьбы своего боярина, соблюдали къ нему всѣ обычные знаки почтенія, какъ будто онъ трапезовалъ не въ бѣдной развалинѣ, а въ своихъ высокотеремныхъ палатахъ на Москвѣ. Они были молчаливы, какъ безсловесные, и не сводили глазъ съ своихъ господъ. Была ли это воля опальнаго боярина, или слѣдствіе собственнаго ихъ побужденія? И то и другое. Старый Однорогъ въ своемъ паденіи не могъ перестать чувствовать себя бояриномъ, а слуги его оскорбили бы собственную честь, не оказавъ ему должнаго почтенія. Въ тѣ времена важность господина проливалась и на слугъ, по крайней мѣрѣ въ ихъ собственномъ мнѣніи, такъ что дворчане знатнаго боярина считали себя выше

дворчанъ прочихъ вотчинниковъ. Поэтому каждый изъ однороговыхъ слугъ старался увѣрять себя, что служить не какому нибудь *страднику, худороднику*, и въ этомъ находилъ немалое утѣшеніе. Ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ присѣсть во время боярской трапезы, ни одинъ не смѣлъ шепнуть другому слова; служа у стола, они объяснялись въ необходимыхъ случаяхъ знаками.

Но когда бояринъ и сынъ его встали и помолились Богу, слуги размѣстились по другую сторону очага и, воображая себя отдѣльными отъ баръ стѣною, принялись за завтракъ и дали совершенную свободу своимъ языкамъ. Разговоръ вертѣлся на предстоящей женитьбѣ молодого ихъ боярича и на связанныхъ съ нею надеждахъ зажить съ нимъ по старому, по московскому.

— Кто говоритъ, что я не буду гулять у него на свадьбѣ? вскрикнулъ вдругъ Добрыня, проснувшись и вскакивая на ноги съ быстротою молодого человѣка! — Осударь Никола Афанасьичъ! чтожь это? безъ меня отправлять дѣтище въ дорогу, по лѣсамъ, по болотамъ? Такъ это, бояринъ, награда за мою службу?

— Да куда ты, старина, годишься? отвѣчалъ бояринъ. — Ито весь изтрепался, что ветوشка.

— Изтрепался! возразилъ Добрыня: — такъ ужъ меня и подъ печь бросить?

— Не подъ печь, а на печь или хоть на полати. Вотъ, кончивъ огорожу, срубимъ избу. Лежи тогда да отдыхай. Довольно ты потаскалъ по свѣту свои старья кости.

— Чтобъ я лежалъ на полатяхъ, а мой Алексѣй Николаичъ бродилъ одинъ по лѣсамъ, по трущобамъ да по разбойничьимъ притонамъ! Нѣтъ, улежу я развѣ въ могилѣ! Власть твоя, бояринъ, а не уступлю я никому его. Я вскормилъ, я вспоилъ, я сберегъ его среди басурманщины да и отдай другому ни за алтынъ? Нѣтъ, осударь-бояринъ! ползкомъ за нимъ поползу, а одного не пуцу въ дорогу!

— Но, Добрынюшка мой! отозвался Алексѣй: — не ты ли самъ сто разъ проклиналъ скитанье по дорогамъ? Еще вчера ты сколько разъ желалъ одного — сдать меня на руки батюшкѣ.

— Проклиналъ, желалъ! то было, да прошло, а теперь какъ подумаю остаться безъ тебя, такъ лучше бы мнѣ.... Нѣтъ, осударь Алексѣй Николаичъ, не уступлю тебя никому, — пока живъ, не уступлю!

— Но ты боялся такъ разбойниковъ, и ты самъ видѣлъ, какіе сорви-головы рыскають по лѣсамъ.

— Эко страсти какія! сказалъ презрительно Добрыня: — поди ты! сталъ бы я бояться разбойниковъ! То говорилось, чтобъ ускромнить твою ретивость; а мнѣ, бѣдному холоцу, чего бояться разбою?

— Но что, если меня убьютъ? какъ ты воротишься тогда къ батюшкѣ?

— И, что ты, моя надежа! Съ нами Господь и Его святая сила; не допуститъ Онъ тебя до бѣды. Ужь коли ты невредимо прошелъ всю басурманщину, то чего бояться дома, на святой Руси! Съ нами Богъ! да и катай хоть на конецъ свѣта. Мы, слава Богу, православные: чего намъ бояться?

— Хорошо ты, Добрыня, рассуждаешь, сказалъ старый Однорогъ: — добрѣ-хорошо. Инъ быть по твоему. Умывайся, молись Богу да завтракай: поѣдешь, такъ и быть, опять съ Алексѣемъ Николаичемъ.

— Въ одну минуту, бояринъ! отвѣчалъ радостно Добрыня: — въ одну минуту буду готовъ. Что намъ долго мыться да бѣлиться? Плеснулъ-водой — лишь бы законъ исполнить. Давайте, братцы, ложку.

И Добрыня принялся проворнѣе всѣхъ хлебать изъ котла кашу.

— Вишь онъ какъ работаетъ! сказалъ Савелій бражникъ: — недаромъ, знать, прошелъ всю басурманщину. А скажи, дядя Пахомычъ, хитеръ народъ эти нѣмцы? Говорятъ, куды смышленные люди?

— Кто? нѣмцы смышленные люди? отвѣчалъ Добрыня, оставя у самого рта дымящуюся ложку съ кашею: — эхъ, вы домоубы, захолустники!

— Да какже? на Москвѣ не разъ слыхалъ я отъ гостинодворцевъ, что умещъ, дескать, народъ эти нѣмцы.

— Да откудава взятыя у нихъ уму, коли они говорятъ такъ, что сама себя не разберутъ? Нашелъ разумниковъ! Ужь какъ проста и ясна, кажись, наша русская рѣчь, — что же? хоть цѣлый часъ долби нѣмчуркѣ одно слово — смотреть тебѣ въ глаза да и только! Вотъужь полякъ будетъ умнѣе нѣмца. Бендэе, вшендэе, а все-таки и его разберешь, и онъ тебя пойметъ. И чехи тожь мужики ничего; а нѣмцы — никуда не годятся.

— Ну, а на работу каковы? искусники большіе?

— Плохи, вовсе плохи, братцы, на всяко дѣло. Куда имъ противъ нашихъ? Тоска возьметъ глядѣть, какъ начнетъ копать. То ли дѣло нашъ русской человѣкъ? тяпъ да ляпъ—и готово. Нѣмцы умный народъ? ха, ха! Избы срубить не умѣютъ, все камень съ камнемъ лѣпятъ. Даже мостовая—и та у нихъ каменная. Подошовъ не наносишься. А въ лаптяхъ никто и не ходитъ.... такой народъ!

— Экія штуки-то! говорили, покачивая головами, дворчане. а одинъ, понизя голосъ, спросилъ:

— Зачѣмъ же царь посылалъ въ науку нашего Алексѣя Николаича къ етому народу?

— Да вотъ чтобъ ихъ рѣчи учиться.

— Чтѣжь, научился?

— Научился; заговорить съ нѣмцемъ, такъ ничего и не разберешь.

— Экой-то умница!

— Да еще чтобъ учиться забѣгать.

— Какъ это забѣгать?

— Да видите ли, люди тамъ хитры на забѣги. Какъ сойдутся ратью съ непріателемъ, то обойдутъ тебя такъ, что и оторопѣешь: откуда ихъ нанесло? а они тутъ пукъ-пукъ, грохъ-грохъ! и возьмутъ верхъ надъ нашимъ братомъ. Такъ вотъ этой-то наукѣ учился нашъ Алексѣй Николаичъ. Дай ему полкъ, такъ обойдетъ непріателя такъ, словно въ мѣшокъ поймаетъ.

— Вотъ оно что! ну, теперь нечего бояться нашему батюшкѣ царю Борису Феодоровичу: есть у него теперь воевода. Кабы только скорѣй приходилъ этотъ воръ Самозванецъ съ литовскою сволочью—сидѣть ему у насъ въ мѣшкѣ!

Между тѣмъ бояринъ Однорогъ, не обращая вниманія на эту болтовню, продолжалъ вести бесѣду съ сыномъ.

Алексѣй предложилъ отцу отправиться съ нимъ и со всѣми дворчанами къ Берендѣю, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ своемъ острожкѣ съ горстью народа противъ сотень и, можетъ быть, тысячъ мятежниковъ.

— Нѣтъ, Алексѣй, отвѣчалъ старый Однорогъ: — противъ царскаго указа я и пальцемъ не двину.

— Но чтѣ же дѣлать, государь-батюшка, коли ты несиленъ выполнить царскій указъ?

— Какъ не силея? что не пустили меня окаянныя баламуты въ Перебойше, такъ мнѣ побѣжать и изъ вотчины? На Руси у васъ такъ не разсуждаютъ. Сказалъ царь: ни погой изъ вотчины, и дѣлай по царскому.

— Да какже дѣлать-то по царскому, коли нѣ-сила устоять?

— Голову клади! Чтò, развѣ намъ страшно умереть по царской волѣ? Другое дѣло по своей, а по царской — тутъ нечего думать! На этомъ Русь стоитъ: въ этомъ ея сила и спасеніе!

Лишь только слуги окончили свой завтракъ, онъ велѣлъ сѣдлать коней для Алексѣя и его вѣрнаго слуги да сверхъ того еще шестеро лошадей.

— Я провожу тебя съ моими молодцами, сказалъ онъ: — ато пожалуй эти баламуты перебойцы вздумаютъ напасть на тебя по вчерашнему.

— Неужто у васъ хватить силы пробиться туда и назадъ чрезъ Перебойше? спросилъ Алексѣй.

— Кто жь тебѣ это говорить? Мы найдемъ и другой путь къ большой гонной дорогѣ. Только у этихъ воровъ глаза зорки: вездѣ у нихъ разставлены дозоры. Чуть лишь кто не за Самозванца, колотятъ и дерутъ какъ нехристей. Слышно, путивльцы отдали свои души нечистому. На улицахъ вьявъ говорятъ воровскія рѣчи про государя, а воевода сидитъ въ городкѣ и не знаетъ, какъ увяты посадскихъ людей. Далеко ли до измѣны? Послѣ и самому придется плохо.

— Стало быть, недаромъ намекнулъ мнѣ Мулюха про Путивль.

— А чтò онъ тебѣ сказалъ?

— Да сказалъ напрямикъ, что и въ Путивлѣ и за Путивлемъ не найти мнѣ ночлега у царскаго слуги — все самозванщина.

— Дай Богъ, чтобъ онъ и тутъ солгалъ, какъ про меня! Только слыхалъ я еще на Москвѣ, будто Мулюха ближе всего лкшается съ путивльскими посадскими мужиками. Да и вчера Добрыня нашъ чѣмъ, ты думаешь, лучше всего надулъ перебойцевъ? разсказалъ имъ, какъ ты ужиналъ у Мулюхи и какъ Мулюха завладѣлъ Новгородскимъ замкомъ....

— Какъ завладѣлъ? онъ не завладѣлъ имъ.

— Знаю, да Добрыня-то увѣрилъ ихъ, олуховъ, будто Новгородокъ уже за Самозванцемъ, а ты будто бы ѣдешь съ этою вѣстью къ путивльцамъ.

— Велика, знать, шатость по всей Сиверѣ, коли такъ?

— Упаси Богъ, какая! Чуть ли не одинъ Берендѣй и стоитъ здѣсь за государя Бориса Феодоровича.

— А Прокло Проклычь?

— Ну что этотъ? этотъ сидитъ въ своемъ болотѣ и не квакаетъ, не то, чтобы съ мѣста двинуться.

— Такъ даточныхъ пошлетъ.

— Что тѣло безъ головы? что даточные безъ господина? Куда вѣтеръ повѣетъ, туда и клонятся.

— Ну, скажи мнѣ, государь-батюшка, спросилъ Алексѣй:— какъ тебѣ сдается, неужто царство нашего государя стоитъ ужъ больно шатко?

— Одинъ Господь знаетъ, Алексѣй, какъ оно стоитъ; а у меня пуще всего сердце ноетъ по томъ, что Шуйскіе ближе всѣхъ родовъ къ престолу. По старшинству имъ приходится быть въ войскѣ чуть не главными воеводами. Теперь только Мстиславскій выше ихъ, да и то однимъ лишь мѣстомъ. Заболѣй Мстиславскій, Шуйскіе и очутятся большими воеводами, — и тогда все пропало: они заодно съ Мулюхою; царская рать какъ-разъ пойдетъ однимъ путемъ съ мулюхинскими казаками.

— Но Мстиславскій, я слышалъ, здоровъ и стоитъ подъ Брянскомъ?

— Стоитъ, да стоитъ съ нимъ и двое Шуйскихъ. Затѣмъ, я думаю, и неидетъ войско къ рубежу. Мстиславскій честная душа, да измѣнники вертятъ имъ какъ хотятъ. Самозванецъ въ Черниговѣ, а они, чай, до сихъ поръ снаряжаются къ походу. Чего добраго! еще пожалуй и Новгородъ прозѣваютъ.

Кони были скоро готовы. Бояринъ Однорогъ вручилъ своему сыну грамотку къ будущему его тестю, благословилъ его серебряными складнями и повѣсилъ ихъ ему на шею; потомъ, оставивъ на главнѣйшихъ мѣстахъ своего острожка остававшихся въ немъ дворчанъ съ пищалями и зазженными пальниками, выѣхалъ съ остальными въ ворота и проводилъ Алексѣя по берегу озера, черезъ лѣсъ, къ рѣчкѣ, выходившей изъ озера въ полуверстѣ отъ Перебойща.

Густой снѣгъ, падавшій съ самого утра, скрывалъ это движеніе отъ перебойцевъ.

Ледъ на рѣчкѣ былъ уже такъ крѣпокъ, что позволялъ перевести по однопчкѣ лошадей. Черезъ полчаса Алексѣй и Добрыня скакали по большой гонной дорогѣ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣднія слова отца : «Смотри же , Алексѣй , ты ѣдешь не въ пуховикахъ валяться ; готовься къ кровавому пиру , покажи себя Однорогомъ , прямымъ слугою царскимъ ; обо мнѣ не заботься : умѣлъ я жить , съумѣю и умереть во славу царскаго имени» ,—эти слова долго звучали въ ушахъ нашего молодого богатыря и не давали ему ни о чемъ другомъ думать . Онъ молча повиновался убѣжденіямъ Добрыни ѣхать скорѣе , чтобъ перебѣжать степную часть пути , пока впадина дороги не будетъ занесена снѣгомъ . Воображеніе его было занято наступающею войною , въ которой предстоитъ ему принять дѣятельное участіе на челѣ даточныхъ вотчинныхъ людей будущаго его тестя : но мысль о невѣстѣ , никогда невиданной и извѣстной ему только по имени , — мысль , еще недавно такъ увлекавшая его любопытство , такъ пугавшая и обольщавшая его сердце , теперь исчезла совершенно передъ его внутреннимъ взоромъ . Онъ позабылъ , что эта невѣста—незнакомка была непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія средствъ для содѣйствія успѣху дѣла . Онъ позабылъ даже и о другой , гораздо ближайшей къ его сердцу особѣ .

Но когда важныя думы , внушенныя ему отцомъ , начали мало по малу разсѣиваться и позволили сердцу возвысить свой замолкнувшій голосъ , образъ прелестной незнакомки всплылъ надъ глубиною души его , какъ мѣсяцъ надъ темнымъ моремъ , и озарилъ перспективу предстоящаго ему брака .

Онъ думалъ о немъ и въ жилищѣ своего отца , но тогда какъ-то спокойно на него рѣшался : сердце его было тогда сильно занято другими чувствами и не могло постигнуть , какъ велико должно быть готовящееся ему принужденіе . Или , можетъ быть , отецъ имѣлъ надъ Алексѣемъ столько нравственнаго могущества , что въ его присутствіи въ сердцѣ молодого человѣка умолкало всякое эгоистическое пожеланіе . Какъ бы то ни было ,

только теперь молодой человек чувствовал себя расположенным иначе к женитьбе.

Он не отвергал ее решительно: необходимость ее была для него слишком очевидна; но сердце его металось во все стороны.... И чем меньше оставалось пространства между ним и берендеевой усадьбой, чем меньше оставалось ему времени до неизбежной женитьбы, тем она казалась ему тяжелее. Он был подобен лодке, уносимой морским течением от цветущего берега. Что чувствовал бы бдный пловец, не имея весель, чтоб возвратиться к смеющемуся берегу, и против воли стремясь в угрожающую морскую даль, то чувствовал и мой Алексий, уменьшая каждым скачком лошади протяжение пути своего к нареченному тестю. И как видь родины становится для глаз и для воображения тем привлекательнее, чем дальше от него отъезжаем, и тем сильнее образ ее чарует наше сердце, чем безнадежнее возврат наш, так и для Алексия светлое личико незнакомой знакомки представлялось с каждой минутой более и более очаровательным, и потеря ее казалась ему теперь уже потерю всякой возможности земного счастья.

Опустя голову и скрывъ лицо въ стоячемъ воротникѣ крытаго темнымъ сукномъ тулупа, которымъ снабдилъ его на дорожку отецъ, онъ ѣхалъ, едва сознавая, что сидитъ на конѣ.

Вдругъ послышался съ противной стороны конскій топотъ и вывелъ его изъ задумчивости. Чувство самосохраненія взяло въ немъ верхъ надъ всеми ирочими. Не видя еще сквозь густо-падающій снѣгъ, кто ѣдетъ, онъ ошупалъ за поясомъ пистолеты и приготовился къ оборонѣ.

Добрыня, крестясь, молясь и охая, сдѣлалъ то же самое.

Сквозь снѣжную мглу начали видѣться между темъ темныя фигуры двухъ всадниковъ. Еще минута, и путники встрѣтились.

Добрыня, какъ всегда, принялся было уже увѣщевать своего боярича не связываться съ этими людьми, прищипорить лошадей и пронестись мимо, но Алексий, тоже какъ всегда, его не послушался и поѣхалъ тихою рысью, съ видомъ человека, увѣреннаго въ своей силѣ.

Два незнакомца сдѣлали то же самое.

Та и другая сторона, по видимому, ожидали вопроса, и обограничились только внимательнымъ обзоромъ встрѣчныхъ.

Встрѣчные показались нашимъ путникамъ, или по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ, врагами неопасными, судя по невзрачной ихъ наружности и по сухощавымъ лошадямъ ихъ. Они были закутаны въ новые нагольные тулупы, но мѣховыя шапки ихъ были всѣ въ клочкахъ и походили на болотныя кочки; у сѣдла видѣлось у нихъ по кистеню, и вообще по посадкѣ на конѣ и по хваткамъ они казались людьми знакомыми съ ратнымъ дѣломъ. Но, съѣхавшись съ нашими путниками на разстояніе рогатины, они не осмѣлились или не хотѣли остановиться и спросить, по тогдашнему обыкновению: «За кого?» а разъѣхались въ стороны и пропустили ихъ между собой.

Алексѣй и Добрыня недоувѣрчиво провели ихъ глазами, опасаясь коварнаго удара съ тылу, однакожь, не замѣтили въ нихъ никакого признака враждебныхъ дѣйствій и скоро потеряли ихъ изъ виду во мглѣ густо падавашаго снѣга.

Алексѣй тогда пожалѣлъ, зачѣмъ не спросилъ самъ у этихъ незнакомецъ, за кого они. Можетъ быть, это вѣрные царскіе подданные; можетъ быть, они сообщили бы ему какія нибудь полезныя для него извѣстія или сдѣлали какое нибудь предостереженіе насчетъ пути. Такъ думалъ онъ, и вмѣстѣ съ этими думами тѣснилось въ его голову воспоминаніе, будто онъ гдѣ-то видѣлъ эти лица. Онъ сообщилъ это Добрынѣ.

— Я ужъ только молчу, чтобъ не пугать тебя, мой батюшка, отвѣчалъ Добрыня: — а я узналъ тогда жъ одного сорванца.

— Кто жъ онъ?

— Кто? да не кто другой, какъ мулюхинъ холопъ Огонь-Борода.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ну, да: вѣдь онъ проѣхалъ подлѣ меня бокъ о бокъ, а буркала-то вытаращилъ, словно лѣшій изъ за куста. Какъ не узнать? до смерти не забуду я этихъ глазъ: они мнѣ и во снѣ снились не разъ....

— Эхъ, ты! зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого тотчасъ?...

— А что? небось, жаль, что не сцѣпился, какъ пѣтухъ съ пѣтухомъ? Будетъ съ тебя и прежняго молодечества. Пришла пора жениться, такъ надо-тъ остепениться. Скажи еще спасибо, что не донесъ батюшкѣ боярину Николѣ Афанасьичу про всѣ про твои проказы. И такъ досталось, слыхалъ я, тебѣ отъ него;

и было бы не то еще, когда бы не промолчалъ я, любя тебя. А и спрашивалъ вѣдь бояринъ, какво держалъ ты себя въ чужеземщинѣ. Пожалѣлъ я тебя, батюшка, да хватилъ грѣха на душу, — Богъ съ тобой.

— Какъ же сказалъ ты батюшкѣ?

— Сказалъ: смиренъ, молъ, осударь-бояринъ, какъ овечка. Всякому покоръ и смиренство.

— Ну, одолжилъ, спасибо.

— То-то же, батюшка. Смотри, теперь покайся, ато выведу на чисту воду передъ бояриномъ. Но чу! слышишь ли?

— Конскій топотъ за нами, сказалъ, оглядываясь назадъ, Алексѣй.

— Батюшка мой! воскликнулъ Добрыня: — да это Огонь-Борода за нами гонится! припоримъ да дадимъ тягу: нашихъ оней не догнать его шкапѣ.

— Стыдись, Добрыня! отвѣчалъ Алексѣй, останавливая коня: — одного испугался!

— Да чего жъ ты сталъ? аль на тебя столбнякъ нашелъ со страху? уйдемъ, говорю, пока цѣла голова на плечахъ! Одного? Знаемъ мы этого одного: свиснетъ, такъ изъ земли выскочатъ!

Но Алексѣй, не слушая вѣрнаго своего конюшаго, спокойно поджидалъ скакавшаго за ними всадника. Добрыня по неволѣ и себѣ остановился.

Огонь-Борода, если это былъ онъ (разглядѣть сквозь снѣгъ не было возможности), замѣтя, что его поджидаютъ, придержалъ также коня и видѣлся вдали сквозь бѣлую мглу какъ призракъ, стоящій на воздухѣ.

Алексѣй, къ совершенному отчаянію Добрыни, сдѣлалъ нѣсколько обратныхъ скачковъ: ему хотѣлось узнать, точно ли это одинъ изъ встрѣченныхъ недавно всадниковъ, или, можетъ быть, это много сорта путникъ, остановившійся изъ опасенія съѣхаться съ незнакомыми людьми; но напрасно: неясный призракъ всадника поворотилъ коня къ нему хвостомъ и скоро исчезъ въ свѣжномъ туманѣ.

Кто бы, впрочемъ, это ни былъ, благоразуміе велѣло теперь Алексѣю ускорить ѣзду, и онъ поскакалъ своимъ путемъ такъ быстро, какъ только могъ желать этого боязливый Добрыня.

Дорожнія приключенія нашихъ богатырей этимъ, однакожь, не кончились. Не прошло полчаса, какъ раздался опять, уже

впередъ, конскій топотъ; только на этотъ разъ онъ былъ сильнѣе прежняго, и опытный слухъ Алексѣя далъ знать ему, что противъ него скачутъ не меньше десяти лошадей.

Дѣйствительно, изъ подъ бѣлой завѣсы, скрывавшей отъ него даль, выступилъ значительный отрядъ всадниковъ, на добрыхъ коняхъ, и, сколько можно было замѣтить, хорошо вооруженный. Кромѣ привѣшенныхъ у сѣделъ кистеней, торчали за спинами этихъ ѣздоковъ длинныя пищали, а можетъ быть и самопалы (*), въ чехлахъ. На нихъ были волчьи тулупы, крытые синимъ сукномъ, на головахъ — косматыя медвѣжьи шапки. Сами всадники были народъ все видный и бодрый.

— Батюшка Алексѣй Николаичъ! завопилъ Добрыня, не успѣвъ еще и разглядѣть, какъ великъ былъ этотъ отрядъ: — что намъ дѣлать? своротимъ на сторону да обѣжимъ ихъ полемъ. За снѣгомъ они насъ не запримѣтятъ.

— Эхъ, Добрыня! право, ты словно не русской, отвѣчалъ Алексѣй: — чему быть, того не миновать, Божьяго суда не избѣгнешь. Впервой намъ, что ли, встрѣчаться въ чистомъ полѣ съ врагомъ? А вѣдь не допустилъ Господь погибнуть — вотъ и живемъ. Да это, можетъ быть, и не враги: это, пожалуй, ратные царскіе люди.

— Царскіе! нѣтъ, батюшка мой, не тѣмъ они смотрятъ; да и Огонь-то Борода недаромъ скакалъ у нихъ передовымъ. Не говори имъ, кормилецъ мой, что ты стоишь за царя Бориса.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ нѣсколько голосовъ закричало еще издали:

— За кого?

— За царя Бориса Федоровича! смѣло отвѣчалъ Алексѣй:

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Добрыня: — за природнаго осударя! не слушайте его, добрые люди: малый не о своемъ умѣ. За прирожденнаго осударя Дмитрея Ивановича!

— Ба-ба! раздался тогда знакомый Алексѣю и Добрынѣ голосъ: — слыхомъ-слыхать, видомъ-видать! по волѣ аль по неволѣ?

И наши путники увидѣли передъ собой не кого другого, какъ Парфиля Мулюху съ его шайкою.

(*) Пищаль зажигалась фитилемъ, а самопалъ — огнивомъ и кремнемъ.

— Ну, что? не правду иѣшто я сказалъ, началъ Мулюха, осада своего коня: — не правду иѣшто я сказалъ, что батюшка твой держитъ нашу сторону?

— Не правду, отвѣчалъ Алексѣй: — ты солгалъ безъ всякаго стыда!

— Ребята! обратился Мулюха къ своимъ спутникамъ: — каковъ молодець?

— Да что съ нимъ калякать! отвѣчалъ одинъ изъ нихъ: — долой съ коня царскаго измѣнника!

— Долой съ коня Годуновца! подхватили другіе.

— Батюшки! что вы? возопилъ Добрыня пискливымъ голосомъ: — и онъ и его батюшка стоятъ за Самозванца.... то бишь за прирожденнаго осударя!

— Нѣтъ, я не такъ глупъ, какъ вы, возразилъ, не слушая его, Мулюха: — эдакой крови рѣдко на Руси. Онъ будетъ нашъ.

— Скорѣй увидишь свои уши! сказалъ Алексѣй. — Дорогу!

— Каково? обратился опять съ усмѣшкою Мулюха къ своимъ спутникамъ: — Илья Муромецъ да и полно! Разступитесь, братцы, дайте ему дорогу, ато еще, чего добраго, пуститъ калену стрѣлу во сыру землю, такъ земля всѣхъ насъ живьемъ поглотитъ! Разступитесь, говорю вамъ не шута: пускай проѣдетъ богатырь.

— Какъ же такъ пропустить его? возразилъ было кто-то изъ толпы: — онъ, статья можетъ, везетъ годуновскую грамоту.

— Пускай его везетъ, сказалъ Мулюха: — Годунову страшны осударевы грамоты, а осударю годуновскія что?

— А какъ казну?

— Казну? Откуда ему взять ее? Онъ не бывалъ дальше пербойскаго скита, — это вѣрно; а наши путивальцы не таковыя люди, чтобъ прозѣвали эдакой кусъ: не пропустили бъ туда съ казною и мухи. Нѣтъ, братцы, большой казны съ нимъ вѣту, а хоть и шевелятся что въ мошнѣ, то не годуновское, а отцовское нажитое. Пропустите, пропустите богатыря Илью Муромца.

Отрядъ Мулюхи разступился, и Алексѣй съ своимъ конюшимъ проскакалъ сквозь ряды его.

— Онъ будетъ нашъ, сказалъ ему вслѣдъ Мулюха.

Добрыня едва вѣрилъ глазамъ своимъ, очутясь опять свободнымъ, среди чиста поля.

— Ну, батюшка мой! прямо скажу — тебя Господь хранитъ, замѣтилъ онъ: — эдакое звѣрье, и то разминулось не тронувши!

Но оглянься , прибавилъ онъ черезъ минуту : — за нами ѣдетъ олень. Эко лѣшіе, прости Господи! не развяжешься съ ними!

Дѣйствительно , за ними слѣдовалъ чуть примѣтный владивсадникъ.

Скоро въѣхали наши путники въ лѣсъ. Соглядатай не отставалъ и тутъ отъ нихъ.

Это беспокоило сперва господина и слугу; но скоро они убѣдились, что этотъ озоръ, какъ называлъ его Добрыня, имѣеть совѣтъ не то значеніе, какое они ему придавали.

Вдоль гонной Новгородской дороги таилось въ лѣсной чащѣ нѣсколько селъ, выглядывавшихъ на дорогу своими сторожами. На сторожахъ стояли съ рогатинами мужики и, едва приближались къ нимъ наши путники, ихъ останавливали и спрашивали: *за кого?* Мужиковъ было немного, и Алексѣй, ободренный удачными развязками сѣверскихъ своихъ походовъ, съ увѣренностью въ покровительствѣ свыше, рѣшился идти вездѣ на проломъ. Неизвѣстно, однакожь, до какой степени удалось бы ему русское молодечество, еслибъ не содѣйствовало освобожденію его изъ митенническихъ засадъ особенное обстоятельство. Лишь только дошло у перваго села дѣло до драки, озоръ наскочилъ близко и заставилъ мужиковъ опустить руки однимъ восклицаніемъ: «не троньте! это наши!» Такъ былъ Алексѣй останавливаемъ на дорогѣ и выручаемъ изъ бѣды нѣсколько разъ.

Несмотря на то, на душѣ у него не было весело. По этимъ засадамъ онъ видѣлъ, въ какомъ состояніи находилась область, въ которую уже вступилъ Самозванецъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ намѣренъ, сдѣлавшись головой берендѣева ополченія, употребить всѣ средства для поддержанія царской стороны.

Въ размышленіяхъ обо всемъ этомъ онъ достигъ наконецъ усадьбы Берендѣя, лежавшей недалеко отъ Новгорода-Сѣверскаго. Озоръ, слѣдовавшій за нимъ, остался, видно, по ту сторону Десны, потому что на этой, сколько ни оглядывались Алексѣй и Добрыня, его не было видно. Правда, вечеръ наступилъ давно, и тьма, несмотря на бѣлизну снѣга, не позволяла видѣть глубоко вдаль.

Старинные русскіе люди не обзаводились хорошими постройками. Во внутреннихъ областяхъ государства были тому особыя причины, а въ крайнахъ слѣдовали пословицъ: *близъ границы ле строй свѣтлицы*. Помѣщики, проживавшіе въ своихъ вотчи-

нахъ , строили такъ называемые *осадные дворы* въ городахъ , куда при наступленіи войны перевозили все свое добро. Села въ такихъ случаяхъ или отдавались во власть непріятелю , или пустѣли. Лѣса и болота во время войны дѣлались для бѣдныхъ поселянъ крѣпостями. Укрѣплять частныя владѣнія не было въ обычаѣ : плоская мѣстность и незнаніе фортификаціи были тому причиною.

Поэтому усадьба Берендѣя очень мало походила на нѣмецкій замокъ , въ которомъ баронъ могъ по крайней мѣрѣ отсидѣться съ своими подданными во время непріятельскаго нашествія , если не былъ въ состояніи изгнать пришельцевъ оружіемъ изъ своихъ владѣній. Но все-таки Алексѣю показалось страннымъ , что дворъ будущаго его тестя , вмѣсто крѣпкаго частокола , огороженъ былъ только бревенчатымъ заборомъ , чернымъ и мѣстами покосившимся отъ ветхости. Онъ помнилъ отзывъ Мулюхи о Берендеѣ и не могъ надивиться безпечной смѣлости разбитаго параличемъ старика , который живетъ себѣ , можно сказать , на распашку среди гнѣзда разбойниковъ , памятныхъ даже Москвѣ , и не только живетъ , да еще и ловить ихъ при случаѣ , какъ ли-
снцъ.

На стукъ Алексѣя въ ворота , отодвинулась заслонка маленькаго оконца , прорубленнаго въ заборѣ , и высунувшаяся въ него голова спросила , кто и зачѣмъ .

Имя Одворога не произвело , по видимому , на нее особеннаго впечатлѣнія : она спросила грубо :

— Чтѣ те надо ?

— Чтѣ мнѣ надо , сказалъ , разсердясь , Алексѣй : — объ этомъ узнаеть твой баринъ , а не ты . Знай отворить ворота гостю .

— Погоди маленько , отвѣчала голова , задвигая оконце .

Алексѣй думалъ , что эти слова означаютъ готовность отворить ворота , но скоро убѣдился въ противномъ . Время шло да шло , а ворота не отворялись . Алексѣй былъ озадаченъ такимъ пріемомъ отъ привратника будущаго своего тестя .

Озадаченный не меньше его , Добрыня изъяснялъ , однакожь , медленность мужика тѣмъ , что , вѣроятно , онъ лежалъ на полатяхъ , когда застучали въ ворота , и что , видно , теперъ возится съ лаптами .

Но прошло столько времени, что можно было бы навернуть на ноги по десяти онучь и намотать оборы въ полверсты длиною, а ворота все не открывались.

Алексѣй принялся колотить въ нихъ рукоятью своей сабли во всей силы, такъ, чтобъ слышалъ его стукъ самъ хозяинъ. Онъ увѣрилъ себя, что грубость и лѣнь привратника выражаютъ не что иное, какъ ослабленіе дворчанской дисциплины по случаю болѣзни разбитаго параличемъ боярина. Онъ мысленно благодарилъ Провидѣніе, что оно послало его къ Берендѣю въ то время, когда этотъ больше всего нуждался въ немъ для соблюденія порядка въ своихъ отчинахъ и для поддержанія оружіемъ царскаго дѣла.

На стукъ, однакожь, отзывалось только эхо въ лѣсу, да внутри двора поднялся лай множества собакъ. Наконецъ, на повторенные сто разъ удары въ ворота, послышался за ними шумъ и говоръ нѣсколькихъ человѣкъ; застучалъ засовъ, ворота открылись, и навстрѣчу пріѣзжимъ выступила цѣлая толпа дворни.

Добрыня напрасно всматривался сквозь полумракъ въ берендѣевыхъ дворчанъ: онъ не примѣтилъ между ними ни одного знакомаго себѣ лица. Берендѣевы слуги были народъ все новый, хотя у многихъ борода бѣлѣла сѣдиною.

Алексѣя поразило другое. Ватага холопей, вызванная за ворота его стукомъ, не думала разступиться передъ нимъ, чтобъ дать ему дорогу, и даже какъ будто не обращала на него вниманія. Всѣ глаза, сколько ихъ было, устремлены были вдаль.

Алексѣй оглянулся: изъ ближняго лѣса высыпала толпа всадниковъ, взвѣвая облака летучаго снѣга. Сперва она казалась неясною тучею, какъ будто часть лѣса отдѣлилась, свернулась въ комъ и катилась, въ снѣжномъ вихрѣ, прямо ко двору Берендѣя. Но скоро передніе всадники вырѣзались изъ полу-мрака, и всѣхъ виднѣе былъ между ними одинъ, на сѣромъ конѣ съ длинною гривой. Широкая сѣдая борода, отбѣиваемая на сторону вѣтромъ, придавала ему видъ Борея, несущагося по полю въ сопровожденіи трескучихъ морозовъ и зимнихъ вьюгъ.

Алексѣй и Добрыня не вѣрили глазамъ своимъ. Это былъ Берендѣй,—тотъ самый Берендѣй, о которомъ нѣсколько лѣтъ шла молва, что онъ разбитъ параличемъ и безъ костыля не выходитъ изъ избы. Старикъ былъ свѣжъ и крѣпокъ, какъ зимнее яблоко. Прута, въ его посадкѣ на конѣ и движеніяхъ не было

уже гибкости и свободы, принадлежностей молодости, зато полныя, смуглыя щоки его напоминали желѣзо, по которому выступилъ иней, и каждое его движеніе похоже было на движеніе крѣпкихъ колесъ машины. На немъ была высокая мѣховая шапка, медвѣжья шуба, покрытая синимъ сукномъ; у сѣдла висѣла тяжелая боевая палица; объ короткія стремяна бились мѣдные ножны широкой сабли. Провожало его до двухъ десятковъ человекъ, вооруженныхъ рогатинами и пратазанами и одѣтыхъ въ цвѣтныя тулупы и мохнатыя шапки.

Не успѣлъ Алексѣй прійти въ себя отъ удивленія и отдать будущему тестю подобающую честь, какъ тотъ пронесся мимо него въ ворота со всѣми своими спутниками. Дивно показалось молодому гостю, что его не замѣтили или не узнали, хотя бояринъ Берендѣй смотрѣлъ, казалось, на него пристально и даже, проѣзжая мимо, повернулъ къ нему голову. Съ сердцемъ, подвымъ неприятнаго предчувствія, онъ послѣдовалъ за боярскими вершниками и очутился на широкомъ дворѣ, обстроеномъ кругомъ избами.

Окна въ избахъ, затянутыя пузырями, свѣтились тускло; только изъ одной избы выходилъ яркій свѣтъ и ложился полосами по свѣжему снѣгу. То были боярскіе хоромы. Они отличались отъ прочихъ избъ только своею величиною, косяшатыми, или красными окнами, вмѣсто волоковыхъ, и стеклами въ рамахъ, вмѣсто пузырей.

Добрыня, изъ почтенія къ знатности хозяина, слѣлъ съ коня еще за воротами, тогда какъ его господинъ, считая себя равнымъ по породѣ съ Берендѣемъ, хотѣлъ подѣхать прямо къ крылечку красно-оконной избы; но его не допустили повертаться знатностью съ хозяиномъ.

— Куда суешься, дѣтинушка? аль ты отшибъ себѣ память въ подворотный конизъ? сказалъ грубымъ голосомъ одинъ изъ верховыхъ, преграждая ему дорогу.

— Нагибаться было пониже, прибавилъ другой, заѣжая наперѣзъ съ боку.

Какъ ни обидна была для Алексѣя такая привѣтственная рѣчь, но другое, сильнѣйшее чувство не дало въ его душѣ мѣста досадѣ: онъ узналъ въ этихъ двухъ грубіянахъ недавнихъ своихъ знакомцевъ, провожавшихъ таинственную путницу, и мысль, неужели то впрямь была его невѣста, поразила его

такъ сильно, что онъ не вдругъ понялъ, чего хотятъ отъ него эти люди.

Зато Добрыня, не отстававшій отъ его коня, вскипѣлъ двойнымъ гнѣвомъ за обиду своего господина.

— Ахъ, вы медвѣди! вскричалъ онъ, выступая впередъ: — да знаете ли вы, противъ кого рычите свои нелюдскія рѣчи! Долой съ дороги: это самъ Алексѣй Николаичъ? это сынъ его милости боярина Однорога.

— Боярина Однорога? возразилъ презрительно одинъ изъ берендѣевцевъ: — про такихъ бояръ у насъ воротная веревъ, а не красное крылечко.

— Знай сверчокъ свой шестокъ, прибавилъ другой, напирая кономъ на коня алексѣева, который, огрызаясь, попытался напасть.

Это задѣло наконецъ за живое Алексѣя; но завести драку съ дворянами, прѣхавъ къ Берендѣю гостемъ, да еще и женихомъ, показалось ему непригоже. Впрочемъ, говоря истину, Алексѣя моего остановило не столько соблюденіе приличія, сколько то, что Берендѣй самъ былъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, что Берендѣй самъ могъ все видѣть и слышать, и не видѣлъ и не слышалъ ничего. Старый бояринъ гораздо больше занятъ былъ церемоніею слѣзанья съ коня, нежели тѣмъ, что происходило передъ его глазами съ нареченнымъ его зятемъ. Хотя, судя по бодрости, съ которой онъ держался на сѣдлѣ, онъ могъ бы, казалось, спрыгнуть на землю безъ посторонней помощи, но боярская важность требовала, чтобъ одинъ холопъ взялъ подъ уздцы его коня, другой подержалъ стремя и подалъ боярину *приступъ*, то есть скамейку, третій подставилъ ему подъ руку свое плечо, четвертый поддержалъ его подъ паху; когда онъ всходилъ на три ступеньки своего крыльца, пятый отворилъ съ низкимъ поклономъ передъ нимъ дверь, и неизвѣстно, сколько еще нужно было потомъ людей, чтобъ удовлетворить всѣмъ его потребностямъ, пока онъ раздѣнется, наѣстся, напьется и успокоится на пуховикѣ.

Алексѣй мой былъ поставленъ въ самое неприятное и затруднительное положеніе. Его не видятъ, не узнаютъ, его оскорбляютъ тамъ, гдѣ бы онъ долженъ былъ найти почетъ и радушіе. Послѣ такой встрѣчи чего ему больше ждать отъ Берендѣя? Ясно, что Берендѣй измѣнился съ перемѣною

обстоятельствъ стараго Однорога. Не поворотить ли Алексѣю коня и убраться отъ нареченнаго тестя безъ дальнѣйшихъ непріятностей? Но что онъ скажетъ своему отцу? онъ только видѣлъ Берендѣя, но не слыхалъ отъ него ни слова. Старикъ захочетъ узнать подлинныя причины страннаго поведенія своего друга; ему надо передать точныя слова Берендѣя, если уже впрямь кончилась ихъ дружба. Да и Параша.... мысль о ней всего сильнѣе подѣйствовала на рѣшимость моего добра-молодца. Онъ долженъ видѣть Берендѣя, онъ долженъ удостовѣриться въ своей потерѣ.

Скрѣпя сердце, Алексѣй унялъ Добрыню, который продолжалъ браниться изо всей силы съ дворчанами, и сказалъ имъ:

— Инъ быть такъ. Не бояринъ мой отецъ у васъ, такъ и не бояринъ. Иду пѣшкомъ къ боярскому крыльцу; посмотримъ, что скажетъ самъ хозяинъ.

Онъ соскочилъ на землю, бросилъ поводья на руки Добрыни и хотѣлъ итти къ хоромамъ; но его еще разъ остановили.

— Погоди, молодчикъ, погоди! сказалъ одинъ изъ слугъ, которые все еще оставались у крыльца и, казалось, очень были довольны происшедшею передъ ними сценою. — Погоди: боярскій порогъ больно высокъ; зацѣпишься, споткнешься....

Одобрительный смѣхъ всей честной компаніи наградила красная дворчанна.

Алексѣй не понялъ было сперва, что онъ хочетъ сказать; но когда двое широкоплечихъ верзвалъ въ мѣховыхъ шапкахъ заслонили ему дорогу на крыльцо, смыслъ затѣйливой рѣчи сдѣлался для него слишкомъ яснымъ. Онъ остановился, смущенный и раздосадованный, и рѣшился ждать терпѣливо, пока его допустятъ предъ свѣтлыя боярскія очи. При всемъ томъ, у него не достало твердости выносить наглые взгляды дворчанъ, сопровождаемые разнаго рода усмѣшками, ужимками и красными словцами. Поворотясь къ крыльцу спиною, онъ смотрѣлъ разсѣянню на потемнѣвшую картину берендѣева двора, среди котораго неподвижно стоялъ бѣдный Добрыня съ лошадьми.

Старикъ словно оледенѣлъ отъ холоднаго приѣма въ гостяхъ у Берендѣя; онъ какъ будто очутился въ замкѣ безсмертнаго кощея, гдѣ могъ бы подвизаться не смутясь развѣ его прославленный тѣзка. Что чувствовалъ въ эту минуту Алексѣй, глядя на Добрыню, то вдвойнѣ тѣснилось въ груди его вѣрнаго

дядьки. Оба они молчали и оба сомнѣвались, не придется ли имъ искать ночлега гдѣ нибудь подальше усадьбы берендѣевой.

Сомнѣніе ихъ разрѣшилъ наконецъ одинъ изъ боярскихъ истопниковъ, вышедшій сказать, что его честь, осударь Андрей Елизарычъ (имя Берендѣя), велитъ пріѣзжему дѣтинушкѣ войти въ хоромы предъ боярскія очи его чести.

Какъ ни жестоко было для слуха молодого гостя выраженное такимъ образомъ приглашеніе въ боярскіе хоромы, но онъ радъ былъ увидѣть Берендѣя, чтобъ узнать отъ него причину такого необыкновеннаго пріема сына стариннаго его друга и нареченнаго его зятя.

Изъ сѣней дверь отворялась въ просторную, жарко натопленную избу. Клубы пара, отъ соединенія холоднаго воздуха съ теплымъ, повалили отъ дверей и затмили на нѣсколько секундъ предъ глазами Алексѣя всѣ предметы; видны были только блестящіе оклады образовъ, съ горящими передъ ними лампадками.

Алексѣй помолился на нихъ со всѣмъ усердіемъ путешественника, нуждающагося въ спокойномъ пріютѣ на ночь. Смушенное состояніе души, въ какомъ онъ находился, продлило его молитву. Когда онъ отвелъ глаза отъ иконъ, холодный паръ, затемнявшій внутренность избы, поглотился теплотою, и первый предметъ, представившійся гостю, былъ самъ бояринъ Берендѣй, сидящій на точеномъ стулѣ съ высокою узкою спинкою. Онъ былъ уже въ одномъ просторномъ зипунѣ, плотно обнимавшемъ его тучные члены. На головѣ — похожая на скуфью шапка, на ногахъ — вмѣсто туфель, домашніе валенцы. Вся обстановка избы, кромѣ дорогихъ образовъ, не представляла не только роскоши, но даже удобствъ, доступныхъ нынѣ мало-мальски достаточному домовладѣльцу. Голыя деревянныя стѣны, закопѣлый потолокъ, огромная печь изъ зеленыхъ изразцовъ, тяжелый дубовый столъ передъ образами, лавки вдоль стѣнъ, висячій рукомойникъ у дверей, подлѣ него полотенецъ, съ красными концами, на гвоздѣ, въ углу вѣшалка съ боярскою шубою и другимъ платьемъ, и нѣсколько церковныхъ книгъ, на перекладинѣ подъ потолокомъ — вотъ все, что нужно было для гостинной, и вмѣстѣ столовой, и вмѣстѣ кабинета, и вмѣстѣ передней русскаго барина двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Но зато онъ былъ окруженъ множествомъ слугъ.

Алексѣй очутился въ обществѣ, состоящемъ челоѣкъ изъ пятнадцати; но въ избѣ было такъ тихо, какъ будто всѣ люди выѣплены были изъ воску.

Въ отвѣтъ на его привѣтствіе, Берендѣй, не вставая со стула, отвѣчалъ сильнымъ, хотя немножко сиповатымъ, голосомъ:

— Здорово, здорово, залетная нѣмецкая птичка! Что залетѣла на Русь въ такую пору?...

Эти слова, обыкновенныя для всякаго другого челоѣка, отдались въ ухахъ Алексѣя свистомъ зимняго вѣтра, и самъ онъ представился себѣ въ эту минуту усталою птицею, которая рвется противъ снѣжнаго вихря и напрягаетъ послѣднія силы, чтобъ достигнуть какого нибудь пріюта. Продолжительный путь безъ отдыха, отощавшій желудокъ и этотъ непредвидѣнный пріемъ у нареченнаго теста, — все это вмѣстѣ ослабило душевную его бодрость. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, безсильнымъ существомъ среди широкаго міра, и холодный взоръ Берендѣя, вонзавшійся въ самую его душу, казалось, говорилъ ему: «да, братъ ты подлинно значишь нынѣче на Руси не болѣе послѣдняго изъ моихъ челядинцевъ».

То ли, другое ли было на умѣ у Берендѣя, но только Алексѣй не осмѣлился подойти къ гордому боярину для обычнаго поцалуя, какъ сдѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ.

— Что залетѣла птица на Русь въ такую пору? повторилъ Берендѣй, расправляя сѣдую свою бороду и усы, влажные отъ разстаявшей изморози.

— Лучшей поры, кажись, не выбрать, кто хочетъ служить и прямишь государю, отвѣчалъ, собравшись съ духомъ, Алексѣй.

— Хорошо сказано, да не къ тебѣ: къ тебѣ пристало бы сказать: чуетъ воронъ поживу; гдѣ трупъ, тамъ и орлы. Такъ, что ли?

— Обижаетъ, батюшка Андрей Елизарычъ, отвѣчалъ Алексѣй. — Не знаю, чѣмъ я провинился передъ тобой; кажись, не такую бы слѣдовало тебѣ со мной повести рѣчь, увидавшись черезъ пять лѣтъ.

— Смотри ты пожалуй! сказалъ Берендѣй, повернувъ слегка голову къ стоявшимъ у него за стуломъ прислужникамъ.

Тѣ пропустили сквозь свои усы по какому-то неясному звуку, и оба покачали значительно головами.

— Вѣдь ты заодно стоишь съ своимъ отцомъ? спросилъ Берендѣй гостя.

— Вѣстимо заодно, отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ какъ же съ тобой еще разговаривать?

— Господи ты Боже мой! проговорилъ въ изумленіи Алексѣй: — чтожь это такое? неужто мы съ тобой не одному царю служимъ?

— Каковъ молодець? сказалъ Берендѣй, оглянувшись опять на своихъ захребетниковъ.

— Ради Бога, Андрей Елизарычъ, продолжалъ Алексѣй: — растолкуй мнѣ эту задачу. Ушамъ своимъ не вѣрю. Какъ? за то я чужой сталъ боярину Берендѣю, что стою съ батюшкой за царя за Бориса Θεодоровича!

— Каковъ молодець? повторилъ холодно Берендѣй и, казалось, готовъ былъ засмѣяться. Но важные старинные люди смѣивались рѣдко, когда вели рѣчь съ низшими: густые усы Берендѣя не шевельнулись ни на полъ-улыбки.

— Птица обстрѣленная, отвѣтилъ одинъ изъ захребетниковъ въ полголоса (этикетъ не позволялъ ему возвышать голосъ до одной ноты съ бояриномъ).

— Хитеръ звѣрекъ, прибавилъ другой, такимъ же тономъ:— по порошѣ бѣжитъ, слѣды хвостомъ замечаетъ.

— Подлинно такъ, Петровичъ, сказалъ одобрительно Берендѣй. — Вотъ смотри, онъ будетъ увѣрять меня, что его отецъ не измѣнникъ.

— Мой батюшка измѣнникъ? воскликнулъ Алексѣй, полуудивленный.

Причина суроваго приѣма Берендѣя наконецъ ему объяснилась, и онъ надѣялся тотчасъ вывести его изъ недоумѣнія.

— А то вѣтъ, что ли? спросилъ его тотъ прежнимъ холоднымъ и недоувѣрчивымъ голосомъ.

— И не былъ и не будетъ онъ государевымъ измѣнникомъ! отвѣчалъ съ жаромъ Алексѣй: — и это я готовъ доказать всякому, у кого виситъ на поясѣ сабля.

— Ого! сказалъ насмѣшливо Берендѣй: — какого пылу набрался! у насъ на Руси не тотъ обычай: судъ у насъ судить за обиду, а не сабля. «Не былъ и не будетъ!» Развѣ такъ, какъ и его сынъ не былъ и не ееть государевымъ измѣнникомъ?

— Вѣстимо такъ. А что же? Кто скажетъ про меня, что я покривилъ царскимъ дѣломъ?

— Каковъ! обратился еще разъ къ своимъ ближайшимъ слугамъ Берендѣй, пожавъ плечами. — Кто скажетъ про него? Видно, братъ, ты купилъ себѣ шапку-невидимку, да лихъ, обманули нѣмцы. Невидимка-шапка за деньги не продается. Видали лису возлѣ курятника, видали медвѣдя на бортовыхъ ухажаяхъ.

— Что все это значить, ради Бога? спросилъ Алексѣй, озадаченный пуще прежняго.

— Полно кобаниваться, любезный мой! сказалъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Берендѣй: — есть и на ночного звѣря ловцы: остались твои слѣды и безъ пороши кой-гдѣ въ тайныхъ мѣстахъ....

— Не возьму въ толкъ твоихъ рѣчей, государь Андрей Елизарычъ!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ въ туманѣ стою передъ тобой; точно сонъ мнѣ снится.

— Чтожь? въ этомъ снѣ не мерещится ли тебѣ какая нибудь круговая чаша?

— Забылъ я давно, государь Андрей Елизарычъ, какъ пьютъ круговую. На чужой сторонѣ народъ небожно хлѣбосольный да и на Руси, кажись, разучились честить гостей по православному...

— Не клепли, дружокъ, возразилъ иронически Берендѣй: — не клепли на святую Русь. Кого же встрѣтили на кону съ хлѣбомъ съ солью пріятели?

— Встрѣтили на кону? повторилъ въ изумленіи Алексѣй.

— Къ кому являлись на перекличку лѣсные удалцы изъ за всякаго ракитова куста, изъ за всякаго пня? продолжалъ, не слушая его, Берендѣй.

— На перекличку? это что же такое?

— Кому отворились настежь ворота съ пудовымъ замкомъ, да еще въ полночь, когда добрые люди не отворяютъ дверей ни врагу, ни пріятелю?

— А, произнесъ протяжно Алексѣй, начиная догадываться, о чемъ намекаетъ ему Берендѣй.

— А, повторилъ тотъ, глядя ему пристально въ глаза: — а? знаетъ кошка, гдѣ молочко хлѣбала? Такъ-то ты прямишь съ своимъ отцомъ царю, мудюхинъ кумъ и пріятель!

Этотъ прямой укоръ еще разъ ободрилъ Алексѣя. Онъ былъ увѣренъ, что теперь въ одну минуту разсѣетъ всѣ недоразумѣнія Берендѣя.

— Смекаю, въ чемъ дѣло! сказалъ онъ весело: — злые языки передали тебѣ съ прибавками про мое знакомство съ Мулюхой. Немудрено тебѣ считать меня такимъ же крамольникомъ. Только будь я крамольникъ и царскій супротивникъ, то не привезъ бы къ тебѣ отъ батюшки такой грамотки. Возьми-ка, прочти — что тогда скажешь?

Съ этими словами Алексѣй вынулъ изъ за пазухи свернутое въ трубочку посланіе своего отца къ Берендѣю и вручилъ ему съ почтительнымъ поклономъ.

Берендѣй взявъ грамотку съ недоувѣрчивымъ видомъ и, прочитавъ ее, сказавъ гнѣвнымъ голосомъ:

— Кого ты вздумалъ дурачить, молокососъ? Али ты думаешь, что на Руси прямого толку нѣту? Али русской человѣкъ, по твоему, ворона? Вѣрный царскій слуга! ты и твой отецъ вѣрные слуги? И смотритъ прямо въ глаза боярину Берендѣю!

— Не одному Берендѣю, возразилъ съ такою жъ запальчивостью Алексѣй: — да нѣтъ на свѣтѣ человѣка, кому бы Однорогъ не посмотрѣлъ прямо въ глаза.

— Немудрено, сказалъ, переходя отъ выраженія досады къ выраженію язвительности, Берендѣй: — немудрено, съякшавшись съ такимъ озорникомъ, какъ Мулюха!

— Мулюха мнѣ такой же недругъ, какъ и тебѣ, отвѣчалъ Алексѣй. — Загляни-ка въ грамотку, что въ ней про него написано.

— Написано въ ней вотъ что, сказалъ Берендѣй, положи грамотку на колѣно и воля по ней пальцемъ: — Государю моему премногомилостивому Андрею Елизарычу искатель милости твоей бояринъ Никола Однорогъ челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой.... Ну, это своимъ порядкомъ; а вотъ что далъ: Есть у меня сынъ Алешка; бродилъ онъ по Нѣметчинѣ пять лѣтъ и воротился домой съ умомъ-разумомъ великіимъ, а такимъ, чтобъ учинить изъ себя боярина сановитаго. А сдѣлалъ меня страдникомъ царскій гнѣвъ. И видя я свои животы всѣ отняты, учалъ думать да гадать, какъ бы добыть себѣ новыя, а того большіе. А добыть ихъ мочно у другого царя, у царя приращеннаго. И пишу я листъ грамотку къ вѣрному царскому слугѣ

Берендѣю; а посылаю я, Однорогъ, ту грамотку съ своимъ сыномъ Алешкой. А и сынъ мой Алексѣй ту грамотку тебѣ, Берендѣю, прочитаетъ нѣмецкимъ толкомъ.

— Остановись, бояринъ Андрей Елизарычъ! прервалъ его Алексѣй. — Грѣшно тебѣ взводить измѣну на моего батюшку! Коли мой батюшка въ опалѣ тебѣ не чета, скажи прямо, а на честный родъ не клеpli.

— Я клеплю? вскрикнулъ съ дѣйствительнымъ или притворнымъ гнѣвомъ Берендѣй.

— Какъ же сказать иначе, отвѣчалъ Алексѣй: — когда взводятъ на челоуѣка небывальщину?

— Поди ты съ нимъ! сказалъ Берендѣй, обращаясь къ безмолвнымъ своимъ захребетникамъ. — Эка обстрѣленная птица! Такъ и это у тебя небывальщина, что ты вотъ еще сегодня выдался съ своимъ кумомъ Мулюхою?

Алексѣй былъ пораженъ этими словами. Берендѣй это замѣтилъ и, не давая ему времени оправиться, продолжалъ:

— И то небывальщина, что твой отецъ взбударажилъ Путивль? Небось не правда и тому, что у него въ Перебойскомъ скиту припасено протазановъ на всѣхъ вольныхъ казаковъ, сколько ихъ ни есть по сѣверскимъ лѣсамъ? И ты думаешь, что Берендѣй ничего того не знаетъ?

Алексѣй хотѣлъ отвѣчать; но въ эту минуту въ боярскую избу вошелъ челоуѣкъ, одѣтый подобно прочимъ берендѣевскимъ захребетникамъ. Покрытые бѣлою изморозью его усы и засыпанный снѣгомъ тулупъ показывали, что онъ прибылъ издалека.

— Ну, что, Степанычъ, наши сваты? спросилъ его Берендѣй, не отвѣчая на низкій поклонъ его.

— Будутъ, бояринъ-государь, къ третьимъ пѣтухамъ будутъ у двора.

— Петрушка съ ними остался?

— Съ ними, у Николы.

— А что, Никола не кобянится?

— Уломали, сказалъ, подмигнувши значительно, Степанычъ: — царевичъ, дескать, близко; все перекувырнется головою внизъ, ногами вверхъ; бояться нечего, а денегъ киса не то, что колбаса!

Берендѣй засмѣялся, сколько позволяло его достоинство, и по его глазамъ видно было, что онъ потѣшается отъ всего сердца какою-то тайною затѣю.

— Мароушка! закричалъ онъ.

На этотъ зовъ въ двери задней комнаты появилась старая няня Параша. Алексѣй узналъ ее тотчасъ, несмотря на то, что въ послѣднія пять лѣтъ волосы ея совсѣмъ побѣдѣли. Сердце его забилось сильно, какъ будто онъ увидѣлъ саму Парашу.

— Ну, что твоя боярышня? спросилъ Берендѣй, не поворачивая головы.

Старуха хотѣла что-то сказать, но вдругъ, замѣтя передъ собой Алексѣя, всплеснула руками и воскликнула:

— Батюшки свѣты! Алексѣй Николаичъ!

— Молчать, старая дура! сказалъ сердито Берендѣй.

— Не умолчу, осударь-бояринъ, не умолчу, батюшка Андрей Елизарычъ! заговорила нараспѣвъ няня. — Какъ мнѣ не радоваться такой радости! А боярышня-то наша....

— Вонъ убирайся въ свою конуру! перебилъ ее грозно Берендѣй.

И старуха робко уползла въ полу-отворенную дверь, какъ сверчокъ въ щелку; только слышно было подавленное восклицаніе: свѣтъ мой! голубчикъ мой!

Появленіе няни и короткая переписка ея съ Берендѣемъ были для Алексѣя весьма важнымъ событіемъ. Какъ добрый сынъ, онъ сильно огорченъ былъ ошибочною увѣренностью своего отца въ Берендѣя, — какъ человѣкъ съ надлежащею мѣрой самолюбія, онъ глубоко оскорбился презрительнымъ приѣмомъ стараго боярина, но при всемъ томъ ему безпрестанно приходила на мысль его дорожная знакомка. Встрѣча на дворѣ съ ея провожатыми породила въ его умѣ множество насчетъ ея догадокъ, и между тѣмъ, какъ онъ, стоя у крыльца, терялся въ недоумѣніи, что за причина такого невниманія со стороны хозяйна и грубости со стороны дворчанъ его, другое отдѣленіе умственныхъ его способностей успѣло изъ разныхъ предположеній вывести заключеніе, что онъ столкнулся на переправѣ не съ кѣмъ другимъ, какъ съ своей нареченной невѣстою, что, вѣроятно, она отправлялась на богомолье въ какой нибудь монастырь и потому, слѣдуя обычаю знатныхъ людей, надѣла черное платье. (Предположить, что Берендѣй отправилъ навсегда въ мо-

настырь свою наследницу, Алексѣй рѣшительно не могъ.) Но зачѣмъ это путешествіе было такою тайною? И на это догадливый умъ Алексѣя нашелъ отвѣтъ какъ нельзя болѣе удовлетворительный. Наступило опасное время, неизвѣстно, что съ кѣмъ случится въ борьбѣ Самозванца съ царемъ Борисомъ. Берендѣй удалил свою дочь съ опаснаго мѣста, подѣ защиту монастырскихъ стѣнъ. Такъ думалъ Алексѣй, и чѣмъ сильнѣе убѣжденъ былъ онъ въ тождествѣ молодой незнакомки съ нареченною своею невѣстою, тѣмъ горестнѣе было для него отреченіе Берендѣя отъ дружбы съ его отцомъ, слѣдовательно и отъ давняшняго договора. Но вопросъ о боярыняхъ, сдѣланный Берендѣемъ нянѣ, вдругъ опровергнувъ все умозаключенія моего добра-молодца. Параша, его нареченная невѣста, дома. Нельзя предположить, чтобъ она ѣздила въ такую даль для того, чтобъ тотчасъ воротиться назадъ. Путешествія женщинъ въ то время не были такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, чтобы предпринимать ихъ для короткаго свиданія съ какойнибудь родственницею.

«То была не она! то была не она!»

Мысль эта, можно сказать, запрыгала отъ радости въ душѣ Алексѣя, и самъ онъ, можетъ быть, запрыгалъ бы отъ этого открытія, если бы былъ въ другомъ положеніи. По крайней мѣрѣ она значительно сбавила лежавшей на душѣ у него тяжести, и онъ, наперекоръ своей совѣсти, радовался разрыву Берендѣя съ отцомъ своимъ. (Потеря богатаго приданого не входила въ его расчетъ; а царскому дѣлу онъ надѣялся принести пользу и безъ берендѣева ополченія.)

Теперь ему хотѣлось только провѣдать, кого провожали ночью боярскіе знакомцы, и онъ крѣпко надѣялся найти межъ берендѣевскою дворнею по крайней мѣрѣ на столько сговорчиваго человѣка, чтобъ отвѣчать за звонъ серебра.

Эта мысль сообщила ему такое спокойствіе, что когда Берендѣй, отдавъ нѣкоторыя приказанія своему Степанычу, обратился къ нему съ рѣчью въ прежнемъ духѣ, то нашелъ въ немъ совсѣмъ другого человѣка. Алексѣй смотрѣлъ на него какъ на искуенаго лицедея и, не отвѣчая на рѣзкіе его упреки, сказалъ:

— Государь Андрей Елизарычъ, воля твоя корить меня измѣнникомъ и мулюхинымъ кумомъ, а все же я твой гость и уста-

льй странникъ. Повели, батюшка, дать мнѣ у себя въ домѣ на ночь пристанище.

— Какъ! оставить этакого ястреба въ птичнѣ! воскликнулъ Берендѣй. — Да ты, чего добраго, пошатнешь головы всѣмъ мовмъчелядинцамъ! Ступай себѣ, голубчикъ, по добру, по здорову и поклонись мнѣ, что я тебя не отправилъ прямо въ новгородской острожокъ къ Басманову.

— Я и безъ твоей милости къ нему поѣду, отвѣчалъ Алексѣй. — Съ Басмановымъ мой батюшка не пробилъ рукобитья; не опасюсь я отъ него такого, какъ отъ тебя, безчестья. Только помни, бояринъ, что гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость. Докажутъ Однороги царю, кто они таковы. Каково-то будетъ тебѣ тогда смотрѣть въ глаза нареченному зятю!

— Убирайся, убирайся, нареченный ты крамольникъ! сказалъ на это гнѣвно Берендѣй: — ато заговоришь ты у меня другнъ голосомъ.

Алексѣй пожалъ плечами и, казалось, не вѣрилъ ушамъ своимъ, услышавъ отъ Берендѣя въ его домѣ эту угрозу, однакожъ, не сказалъ ничего, только помолился св. иконамъ, указалъ на нихъ молча хозяину и вышелъ изъ избы.

Онъ нашелъ Добрыню въ прежнемъ положеніи, между двухъ коней, которыхъ онъ держалъ за поводья. Бѣдныя твари, измученныя дальнею дорогою больше своихъ всадниковъ, рыли копытами снѣгъ и грызли осеннюю траву. Покрытые замерзлымъ потомъ, бока ихъ представляли такой же жалкій видъ, какъ и впалыя отъ изнеможенія щоки Добрыни. Они привѣтствовали возвращеніе Алексѣя тоскливымъ ржаніемъ, отъ котораго его подрало по сердцу. Оно показалось ему вопросомъ: «Гдѣ же ты намъ найдешь ночлегъ?» А отвѣчать на такой вопросъ было ему теперь всего труднѣе.

Скрѣпя сердце, онъ обратился съ рѣчью къ своему спутнику:

— Ну, что, Добрынюшка? Вѣдь это въ первый и пожалуй въ послѣдній разъ съ нами на вѣку случилось, что насъ прогнали ночью со двора?

— Прогнали! воскликнулъ Добрыня.

И въ этомъ восклицаніи столько выразилось горестныхъ чувствъ, что голосъ его превратился въ дикій крикъ, похожій на стонъ филина.

— Да, мой другъ, сказалъ Алексѣй, сядясь на коня : — видишь , намъ и ворота отворяють. Поѣдемъ просить ночлега въ берлогѣ у какого нибудь медвѣдя.

Добрыня , казалось , лишился голоса. Онъ молча взобрался на сѣдло и поплелся , скорчась на конѣ , слѣдомъ за Алексѣемъ по дорогѣ къ Новгородскому замку.

Долго ѣхали они молча. Алексѣй уже пересталъ и ожидать отъ своего дядьки отвѣта на свою горькую жалобу, какъ вдругъ Добрыня воскликнулъ :

— Прогнали! а кто виноватъ? Самъ ты своей бѣдѣ причина.

— Это какимъ же способомъ? спросилъ съ удивленіемъ Алексѣй.

— Тѣмъ способомъ, отвѣчалъ Добрыня : — что служишь ты не тому царю , за котораго Богъ и люди , — не природному осударю.

— Чтò ты, Добрыня, опять за старое? А мой батюшка развѣ служить не Борису Феодоровичу?

— Ну, вотъ ему и честь такова! Погляди , сколько дорогъ мы на Руси изѣздили , а видалъ ты хоть одну душу, чтобъ стояла за царя Бориса?

— Какъ же не видалъ? Вотъ тебѣ Берендѣй первый.

— Берендѣй?

— Ну, да.

— Бе-рен-дѣй? повторилъ протяжно и съ видомъ величайшаго изумленія Добрыня. — Онъ, говоришь ты, стоитъ за царя Бориса?

— Да какъ же, коли онъ чуть не съѣлъ меня изъ одного подзрѣнья, что будто я въ ладу съ Мулюхой?

— Эхъ , головушка ты , Алексѣй Николаичъ ! воскликнулъ Добрыня съ досадою и насмѣшкой. — Набрался ты ума-разума у чужеземцевъ , да потерялъ свой русской толкъ. Колибъ онъ служилъ одному съ тобой царю , такъ неужто ты думаешь , онъ бы прогналъ тебя со двора противъ ночи?

Алексѣю показалось дикимъ это замѣчаніе , однакожь , онъ до сихъ поръ не въ состояніи былъ ничѣмъ другимъ истолковать себѣ , какъ могъ бояринъ Берендѣй отказать ему въ хлѣбѣ-соли и ночлегѣ.

— Нѣтъ, сударь, продолжалъ Добрыня: — этого не сдѣлають ни съ кѣмъ на Руси: всякъ вобоятся Бога. Сдѣлають только съ царскимъ противникомъ.

— Но какъ же, спросилъ Алексѣй: — какъ же это Мулюха принялъ насъ за гостей? А я вѣдь прямо объявилъ ему, за кого стою и буду стоять до конца жизни.

— Ну, ужь хоть бы и не до конца, заворчалъ Добрыня: — довольно и такъ натерпѣлись мы бѣдъ по твоей милости.

Но это сказано было въ запасъ на будущее. На вопросъ же Алексѣя Добрыня отвѣчалъ своимъ порядкомъ:

— Мулюха особъ статья, а Берендѣй себѣ особъ.

— Какъ же это?

— А такъ, что ни одного знакомаго лица не нашелъ я межъ его дворчанами. Разумѣешь теперь?

— Что же тутъ разумѣть?

— То, что все это сѣверской наборъ, — смѣкаешь? чтобъ одинъ духъ былъ во дворѣ. Москвичъ, пожалуй, съ сѣверякомъ и не поладить.

— Пускай и такъ, сказалъ Алексѣй: — но зачѣмъ же имъ быть непременно царскими измѣнниками?

— А не будь они, какъ говоришь ты, царскіе измѣнники, отвѣчалъ Добрыня: — то чего бы бояться Берендѣю оставить насъ ночевать у себя во дворѣ? стало быть, боялся. Нѣтъ! чтобъ ты чего нибудь не провѣдалъ.

На этотъ разъ Добрыня удалось убѣдить боярича сильнѣе прежняго. Алексѣй вспомнилъ слова Берендѣя: «поматнешь головы всѣмъ моимъ челядинцамъ», и далъ имъ теперь другое значеніе. Пришло ему на мысль еще одно обстоятельство: какимъ образомъ сдѣлалась извѣстна Берендѣю сегодняшняя встрѣча его, Алексѣя, съ Мулюхою? Этотъ вопросъ, пожалуй, объяснялся просто: Берендѣй могъ узнать стороной о поѣздкѣ Мулюхи по путивльской дорогѣ, гдѣ Алексѣй естественно долженъ былъ съ нимъ повстрѣчаться; но умъ Алексѣя получилъ уже направленіе въ опредѣленную сторону и изъ всего, что говорилъ Берендѣй о Мулюхѣ, вывелъ заключеніе, что Берендѣй находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Мулюхою и, притворяясь его преслѣдователемъ, обдѣлываетъ съ нимъ одно и то же дѣло.

Тутъ вспомнилъ Алексѣй и слабо защищенный дворъ Берендѣя , и его извѣстную на Москвѣ болѣзнь , которой и слѣдовъ не было замѣтно , и обвиненія стараго Однорога въ измѣнѣ (Мулюха говорилъ о немъ то же самое , только другимъ тономъ).

« Да — заключилъ мысленно Алексѣй — онъ заодно съ Мулюхой ; только Мулюха показалъ мнѣ себя лицомъ , а Берендѣй — изнанкою. Но новгородскіе воеводы.... какъ бы не разглядѣть имъ Берендѣя , находясь подлѣ него такъ близко ? Впрочемъ , Мулюха съ своей шайкою жилъ еще ближе къ крѣпости и умѣлъ прослыть у нихъ добрымъ ремесленникомъ. Но вѣтъ — продолжалъ размышлять Алексѣй — самъ Мулюха жаловался , что Берендѣй ловить его вольныхъ казаковъ и отсылаетъ къ воеводѣ. И замыселъ такъ называемаго черниговскаго воеводы насчетъ Параши не показываетъ дружескихъ отношеній между сѣверской сволочью и Берендѣемъ. Какъ согласить эти противорѣчія ? »

Такія мысли заворочались быстро въ умѣ моего богатыря , и неизвѣстно , къ какимъ бы привели онѣ его выводамъ , если бы новое дорожное приключеніе не прервало ихъ на самомъ запутанномъ вопросѣ.

Въ лѣсу послышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ и вслѣлъ за тѣмъ , на дорогѣ , пересѣкавшей просѣку , по которой ѣхали наши странники , показалась толпа конныхъ людей. Замѣтя Алексѣя и Добрыню , она приостановилась и поджидала , чтобъ они подѣхали.

Добрыня , приходившій прежде отъ дорожныхъ встрѣчь въ такой страхъ , и не подумалъ теперь возвращаться назадъ или прятаться въ лѣсъ ; всѣ мѣры , предпринятыя имъ для своей безопасности , состояли въ краткомъ наставленіи Алексѣю не орать попусту все одно то же да то же !

— Надоѣлъ ужъ мнѣ твой норовъ , говорилъ брюзгливый старикъ , потерявъ съ голоду и усталости всякое терпѣнье. — Много проку отъ твоего оравья !

Съ этимъ словомъ онъ опередилъ Алексѣя , чтобъ не дать ему испортить дѣла , и , подѣхавъ къ конной толпѣ , возгласилъ :

— Эй вы , люди добрые , вѣрные слуги царскіе , укажите усталымъ странникамъ близкой и надежный ночлеги.

— А какому царю служите? отозвался изъ толпы одинъ голосъ.

— Какому жь больше служить, коль не вашему? сказалъ осторожный старикъ.

При всемъ своемъ неудовольствіи на Алексѣя, онъ, въ случаѣ нужды, готовъ былъ и самъ постоять за царя Бориса.

— А коли нашему, отвѣчалъ тотъ же голосъ: — такъ и поѣзжайте съ нами. Будетъ вамъ и ночлегъ и чашка горячихъ шей въ добавокъ.

— Ба, ба! да что же это? сказалъ Добрыня, полѣхавъ къ самому носу того, съ кѣмъ разговаривалъ: — Терешка Лестратычъ, что ли?

— Фу, ты пропасть! отвѣчалъ тотъ съ немѣньшимъ удивленіемъ. — А ты кто же? ужь не одвороговъ ли Добрыня?

— Ай, ай! продолжалъ Добрыня, удостовѣрясь, что передъ нимъ сидитъ на конѣ дворецкій князя Черкаскаго. — Вотъ гдѣ повстрѣчались! зачѣмъ это ты разгуливаешь по Сиверѣ?

— Да почитай не зачѣмъ ли, зачѣмъ и ты. Вѣдь вы тоже въ опалѣ?

— Вотъ те на? Такъ и князь Борисъ Ивановычъ здѣсь на украинѣ?

— Эхъ, какъ бы то здѣсь, такъ и горюшка бы намъ было мало. Нѣтъ, нашъ батюшка Борисъ Ивановычъ за снѣговыми горами.

— А вы? Зачѣмъ же вы не съ нимъ?

— Э, голубчикъ, нашего боярина покарали пуше вашего. Невелика еще бѣда жить въ своихъ вотчинахъ, а его, нашего батюшку, съ приставами отправили въ ссылку, а мы, горемычные, оставлены, какъ стало безъ пастуха. Никто не смѣи принять въ домъ слуги Черкаскаго: таковъ заказъ. Вотъ и скитаемся по украинамъ. Да погоди, авось-либо выручимъ своего свѣтъ-Бориса Ивановыча изъ за снѣговыхъ горъ. Ну, чтожь это ты, Пахомычъ, на посылкахъ у своего боярина, что ли? Вѣдь онъ, чай, все въ Перебоищѣ? къ кому посылка?

— Постой, не до посылокъ намъ теперя. И я и бояричъ съ самого почитай утра съ сѣдла не вставали; сами измучились и кони голоднѣшеньки.

— Бояричъ! сказалъ Терешка Лестратычъ. — Такъ это съ тобой Алексѣй Николаичъ?

И, не ожидая отвѣта, онъ подѣхалъ къ Алексѣю и съ низкими поклонами поздравлялъ его съ возвращеніемъ на Русь.

Спутники Лестратыча, которыхъ было человѣкъ шесть, окружили Алексѣя съ такимъ же выраженіемъ радости.

— Въ пору подоспѣлъ ты, бояричъ, къ намъ на Украину! говорилъ одинъ.

— Теперь на Сиверѣ что ни руки, что ни голова, все спотритъ царскому дѣлу, прибавлялъ другой.

— А такихъ головушекъ, небось, и на Москвѣ негусто, продолжалъ третій.

— Многи лѣты царевичу Дмитрею! восклицали прочіе.

— Полно горланить вздоръ, ребята, сказалъ Алексѣй. — Царевичу Дмитрію вѣчная память; вору Самозванцу анаема, а многи лѣта царю Борису Феодоровичу!

Отъ этихъ словъ всѣ попятились назадъ, какъ будто наткнуться на медвѣжье логово.

Добрыня, видя, что дѣло плохо, и что не уломать ему своего молодца ни просьбою, ни грозбою, поднялся на хитрость. Онъ подѣхалъ къ своему пріятелю и шепнулъ ему:

— Что вы всолошились? малый трусить!

— Ой ли? сказалъ бывшій дворецкій.

— Какже, родимый? продолжалъ Добрыня. — Дѣло невѣдомо, кто кого перевѣситъ; бояринъ стоитъ за одного, а сынъ за другого, а чей будетъ верхъ, за того и оба.

— Вотъ оно какъ! сказалъ Лестратычъ. — Неглупъ и впрямъ твой бояричъ!

И потомъ, обращаясь къ Алексѣю:

— Ну, Богъ съ тобой, бояричъ, служи ты кому любо, а мы и головы положимъ за природнаго осударя. А коли нуженъ тебѣ ужинъ и ночлегъ, то, ради старой пріязни, мы дорогу тебѣ покажемъ.

Какъ ни храбрился Алексѣй предъ Берендѣемъ, но, выѣхавъ за ворота, сообразилъ, что его въ замокъ ночью не пустятъ, и намѣревался пріютиться у перваго огонька, какой засвѣтится ему на дорогѣ. Видя, однакожь, кругомъ пустыню и не зная мѣстности, онъ сильно беспокоился насчетъ своихъ лошадей, готовыхъ пасть отъ изнеможенія. Поэтому, очутясь опять въ сообществѣ мятежниковъ, онъ рѣшился играть роль тайнаго жедимитріева приверженца, столь обыкновенную въ то смут-

ное время , лишь бы только сберечь себя для лучших обстоятельствъ.

— Поворачивай сюда , батюшка , продолжалъ Лестратычъ : — тутъ вотъ рукой подать будетъ деревушка Мурмолка; мужички радѣютъ царскому дѣлу. Найдется что и поѣсть ; найдется гдѣ и отдохнуть осударевымъ слугамъ. Поѣзжай съ Богомъ впередъ , а наше мѣсто у конскаго хвоста.

Алексѣй поскакалъ по указанному ему пути съ увѣренностью фаталиста , что чему быть , того не миновать. Усталость , голодь и беспокойство о лошадяхъ придавали ему душевной бодрости.

Добрыня поѣхалъ за нимъ , рядомъ съ своимъ пріятелемъ , и продолжалъ разговоръ , къ которому и самъ его бояричъ не могъ оставаться невнимательнымъ.

— Такъ это вы изъ за рубежа ворочаетесь? спрашивалъ бывший дворецкій.

— Какое изъ за рубежа? отвѣчалъ Добрыня. — Мы на Руси давно.

— А сколь давно?

— Да чуть ли не три года.

— Ой ли? гдѣ же вы пропадали , что васъ не видать было на Москвѣ?

— Да вотъ какъ теперь , не вставая съ коня , все болтались по Сиверѣ. Кажись , ни разу и въ избѣ не ночевали.

— Что ты?

— Да такъ именно. Оно , стало быть , три дня показались намъ за три года , коли хочешь знать. Пріѣхали къ Новгородку , только что собрались , поужинавъ , спать , чуть лошади животы отвели — пожаръ , разбой , мы драга. Пріѣхали въ Перебойше: тамъ тоже кутерьма.

— Что же тамъ за кутерьма? спросилъ собесѣдникъ Добрыню.

Добрыня спохватился , что не слѣдуетъ рассказывать правду про отважную затѣю стараго боярина , и продолжалъ :

— Приняли было насъ перебойцы за годуновскихъ озоровъ , да благо подоспѣлъ на выручку къ сынку старый бояринъ. Бѣдовый народъ наши поребойцы.

— Слыхали мы. Подмѣшалъ бояринъ вашъ знатнаго хмѣльку въ сиверское пиво. Шибаетъ пѣна къ самому Чернигову. Мы точно опьянѣли , какъ услышали про перебойскую вольницу.

Бояринъ Однорогъ первый у насъ воевода. Самъ Мулюха, Парфиль Яковличъ, передъ нимъ голову клонить. Говорятъ, у насъ вокругъ Перебоища видимо-невидимо лѣснаго казачества.

— Да, ни пройти, ни проѣхать, говорилъ Добрыня.

— Вѣдь и путивльской посадъ Севрюки подъ его рукою ?

— Севрюки Севрюками, Лестратычъ, а и того лучше: самъ Салтыковъ съ осадными стрѣльцами и городовыми казаками у него подъ рукою.

— Ай да Никола Афанасьичъ ! воскликнулъ Лестратычъ, обтирая усы, какъ послѣ ковшу меду.

— Добрыня ! сказалъ, оборотясь, съ досадою, на сѣдлѣ, Алексѣй : — ври, да знай мѣру !

— И, батюшка Алексѣй Николаичъ ! сказалъ умильнымъ голосомъ собесѣдникъ Добрыни : — что попусту тревожиться ? Вѣдь мы свои люди, земляки, москвичи природные.

Алексѣй согласился внутренно, что онъ досадуетъ попусту, и рѣшился молчать.

— Ну, зачѣмъ же вы не остались при старомъ бояринѣ въ Перебоищѣ ? спрашивали Добрыню.

— А зачѣмъ, что послалъ насъ бояринъ къ Берендѣю... не къ ночи будь помянуть !

— Къ Берендѣю ? а зачѣмъ ?

— Зачѣмъ ? какъ бы тебѣ сказать ? Ну, проста рѣчь — свататься.

На это извѣстiе Лестратычъ насмѣшливо засвистѣлъ и оглянулся назадъ, какъ будто говоря своимъ товарищамъ : слышите ?

— Чтò жъ тутъ тебѣ диковиннаго ? сказалъ Добрыня : — вѣдь у нихъ съ Берендѣемъ давно рукобитье пробито.

— Знаемъ, знаемъ. Ничего нѣтъ диковиннаго. Только скажи, неужто твой бояринъ думалъ, что и Берендѣй стоитъ за природнаго осударя ?

Добрыня долженъ былъ отвѣчать утвердительно.

— Ай, ай ! воскликнулъ, засмѣявшись, Лестратычъ. — Чтò жъ онъ, небось, принялъ васъ за дорогихъ гостей ?

— Да, славно угостилъ ! И отъ медвѣдя въ его берлогѣ надо лучшаго почета !

— Ха, ха ! я такъ и думалъ. Счастливъ еще вашъ Богъ, что онъ выпустилъ васъ подобру, поздорову. Ему не попадайся.

Перевелъ онъ довольно молодцовъ у Мулюхи. Все равно, что головою въ прорубь, что къ Берендѣю въ лапы.

Добрыня и Алексѣй не знали, что теперь думать о Берендѣѣ. Съ одной стороны поступки его съ Алексѣемъ, если толковать ихъ духомъ противной партіи, обнаруживали въ немъ ожесточеннаго врага царя Бориса, съ другой — отзывъ встрѣчныхъ знакомцевъ Добрыни показывалъ въ немъ отважнаго гонителя приверженцевъ Лжедмитрія. Впрочемъ, Дальнѣйшій разговоръ Добрыни съ его московскимъ пріателемъ утвердилъ обоихъ моихъ странниковъ въ послѣднемъ мнѣніи.

Читатель долженъ припомнить себѣ посланца протазанова, Буйтура, извѣщавшаго Мулюху о сдѣлѣ Самозванцу Чернигова. Онъ объявилъ Мулюхѣ, между прочимъ, что если онъ не обѣщаетъ Протазанову сосватать у Берендѣя дочь, то Протазановъ сдумѣеть и самъ обдѣлать это дѣло. Теперь изъ распросовъ Добрыни открылось, что Лестратычъ служитъ у Протазанова головою, что самъ Протазановъ теперь въ селѣ Мурмоукѣ, и что въ эту ночь онъ будетъ обвѣнчанъ съ берендѣевой Парашей. Лестратычъ толковалъ объ этомъ съ полной увѣренностью, и хотя Алексѣй сдѣлался вдвойнѣ чуждѣ дочери Берендѣя, однакожъ предпріятіе протазаново заняло его живѣйшимъ образомъ. Онъ даже не утерпѣлъ, чтобъ не вмѣшаться въ разговоръ своихъ спутниковъ.

— И твой Протазановъ не боится сломать шею? спросилъ онъ, обратясь къ Лестратычу.

— Ага! сказалъ тотъ: — и тебя, бояричъ, зацѣпили мы за душу! Да тебѣ-то что же тутъ? Боярышня вѣдь нынче не твоя?

— И ненужно мнѣ ее, отвѣчалъ Алексѣй: — только мнѣ дивно, какъ обуяетъ человѣка этакая смѣлость. Напасть на Берендѣя! и кому же?

— А что же ты про насъ разумѣешь, бояричъ? сказалъ, съ сознаниемъ своей важности, голова протазановцевъ. — Да у насъ что ни кусть, то казакъ. Только аукнемъ по лѣсу, такъ, равно шивши съ сосенъ, посыплются отовсюду ребята. Развѣ твой батюшка да воевода новгородской по плечу нашему воеводѣ. А Берендѣй намъ что? Дунемъ только въ солому, такъ завтра и слѣду не останется.

— Однакожь, не дунулъ до сихъ поръ въ солому ни Протазановъ твой, ни самъ Мулюха, сказалъ Алексѣй: — и Берендѣй ловить васъ какъ звѣрье по лѣсу.

— Я тебѣ скажу, что этому за причина, бояричь.

— А скажи.

— Видишь ли, новгородской-отъ воевода забралъ себѣ въ голову, что онъ большой разумникъ. Мало ему достать руками, кто подвернется близко: вздумалъ раскидать по своему участку тенеты. Изловлю — говоритъ — я Берендѣя живьемъ да приманю къ рукамъ звѣря еще пушиѣе. По просту сказать, наладилъ онъ, волей-неволею, выдать Берендѣевну за какого-то богатаго вотчинника. Отецъ за дѣтищемъ — говоритъ — въ огонь и въ воду потянется; вотъ и поставлю я царевичу въ подмогу десятка два вотчинъ, какъ одного человѣка. Хитерь Парфиль Яковличъ, да ужь не въ мѣру: царевичъ и безъ его милости управится съ голуновцами. Вилно ужь и по началу, что приходи только и бери всю Сиверу, а тамъ и Москву. Такъ тутъ зѣвать нечего. Мало невѣсть подь пару Берендѣевнѣ; еще кто знаетъ, кого пожалуетъ его царевичъ, а ужь жены не отберетъ у мужа. Пускай Парфиль Яковличъ не прогибается съ своимъ вотчинникомъ. Нашъ воевода себѣ не врагъ, чтобъ прозѣвать куну словно бѣлицу; умѣлъ спустить на Москвѣ съ рукъ дѣдовскія вотчины, такъ надо, благо есть случай, добыть новыя.

— Да неужто онъ притащилъ за собой всю свою ватагу? спросилъ Алексѣй.

— Какъ это можно? А мулюхинцы на что? или ты думаешь, они впустили бы въ свое воеводство черниговцевъ? Нѣтъ, силою тутъ ничего не возьмешь. Да теперь же вся рать подь рукой у царевича. Самъ воевода нашъ украденъ сюда втихомолку. Всего насъ при немъ вотъ человѣкъ десятковъ.

— Чтожь вы сможете сдѣлать съ Берендѣемъ?

— Что можемъ? Найдетъ лисица ходы къ курятнику. Не пуста киса у нашего воеводы. Проложили мы себѣ сакму и мимо сторожи мулюхиной, и мимо двора берендѣевой, прямо къ боярышнинному терему.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Алексѣй и не могъ не засмѣяться, вспомня разговоръ Берендѣя съ Степанычемъ.

«Ясно, что Протазанову поставлена западня», думалъ онъ.

— Что ты смѣешься? Да вотъ ты въ Мурмоукѣ самъ увидишь берендѣева дворянина. Продалъ онъ намъ и себя и боярскую дочь за мошну съ польскими золотыми. Впустилъ насъ и выпустить и самъ съ нами уѣдетъ. На немъ и вся вина останется.

— Пусть будетъ и по вашему, сказалъ Алексѣй, для котораго теперь было все равно, кто найдетъ, а кто потеряетъ. — Но вотъ и деревушка. Ты ужь пожалуйста, Лестратычъ, не веди насъ къ своему воеводѣ: довольно съ меня и твоего знакомства; а укажи намъ хорошаго мужичка, гдѣ бы можно было обогрѣться и покормить лошадей.

— Воля твоя, бояричъ, да и нашему воеводѣ не до гостей теперь, я думаю: сидитъ какъ на иголкахъ и думаетъ: гдѣ мы запропастились? Слава Богу, по дорогѣ вездѣ просто — все убралось засвѣтло въ избы. Будетъ у насъ боярышня.

Тутъ они вѣхали въ небольшую деревушку. Лестратычъ указалъ Алексѣю дворъ зажиточнаго мужика, съ наставленіемъ или молчать о царѣ Борисѣ, или объявить себя безъ обвиняковъ на сторонѣ природнаго государя, ато не впускать, а хоть и побоятся не впустить, такъ не побоятся морить голодомъ.

Алексѣй поручилъ исполнить эту тяжкую для него роль Добрынѣ и послѣ переговоровъ его сквозь воротную щель съ хозяиномъ, — переговоровъ, заглушеннаго лаемъ собакъ, былъ впущенъ на дворъ и скоро очутился въ теплой избѣ. О тѣснотѣ, копоти и неоприятности этого убѣжища онъ и не подумалъ. Отдѣлавшись кой-какъ отъ обычныхъ въ то время распросовъ хозяина и поужинавъ, что пашлось у хозяйки, онъ съ наслажденіемъ повалился на разостланный для него на полу кулъ соломы и уснулъ такъ крѣпко, что ни Мулюха съ своими хитрыми затѣями, ни Протазановъ съ расчетами на возвращеніе промотаннаго достатка, ни Берендѣй съ загадочностью своихъ поступковъ, ни отецъ съ обманутыми надеждами, ни даже дорожная знакомка, привязавшая къ себѣ непонятною силою его душу, — никто и ничто ему не приснилось.

Долго онъ спалъ или коротко, это самому ему было меньше всего извѣстно, — только наконецъ почувствовалъ сквозь сонъ, что его кто-то цалуетъ. Онъ не могъ ни проснуться, ни совершенно потерять сознание, и воображеніе его воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы представить ему во снѣ то, къ чему стре-

милась на яву его желанія. Алексѣю показалось, что надъ нимъ наклонилась женщина въ черномъ и съ плачемъ умоляетъ его проснуться; слезы падаютъ на его щеки вмѣстѣ съ нѣжными поцалуйми. Онъ понимаетъ, что она въ какой-то опасности, что онъ одинъ можетъ ее спасти, но никакъ не можетъ проснуться; наконецъ открываетъ глаза и встрѣчаетъ меланхолическій взглядъ теленка, который, съ тоски по своей матери, мычавшей на дворѣ, принялся лизать его щеки. Отогнавъ прочь нѣжнаго друга, Алексѣй обвелъ глазами избу, освѣщенную лучиною. Хозяинъ что-то строгаль, жена его пряла, двое дѣтей, уцѣпясь ей за поневу, просили ѣсть.

— Ъсть! будетъ вамъ уже ѣсть, какъ не станеть батьки! говорилъ брюзгливо мужикъ.

— И, Богъ въсть, что ты баешь, сказала на это жена, вставъ съ донца, чтобъ отрѣзать дѣтямъ по куску хлѣба: — только настрашала ребятъ. Чего тебѣ бояться, коли будешь сидѣть дома?

— Да, усидишь, какъ погонять на ратное поле! вишь ты, выдумали воры царевича, а нашъ братъ отдувайся.

— Не погонять небось, какъ не найдутъ въ избѣ. Поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, да и весь отвѣтъ.

— А вы-то какъ останетесь? Кто оборонитъ тебя, съ ребятами, коли мужикъ спрячется въ лѣсъ? Только и держимся покамѣсть тѣмъ, что поемъ одну пѣсню съ мулюхинцами. Выдумали окаянные какого-то царевича! Вся сволочь съ днѣпровскихъ понизовьевъ сползлась къ намъ на україну; корми, дѣлись послѣднимъ кускомъ со всякимъ бродягою. Давно ль объѣли дочиста всѣ за рома? вотъ опять двоихъ принесла легкая. Скоро небось ихъ выживешь!

— Не тужи, братъ, сказалъ Алексѣй, поднимаясь съ постели: — мы у тебя не замѣшкаемся, а за ночлегъ ноблагодаримъ.

— Ахъ, батюшка! сказалъ торопливо мужикъ: — ты ужь и проснулся! А я вотъ съ женой толкую, скоро ли придетъ свѣтъ нашъ царевичъ. Много народа столнилось подлѣ Новгородка: тяжело для нашего брата мужика; увелъ бы скорѣе эту рать съ собой на Москву.

— Полно, полно, братъ, сказалъ, засмѣявшись, гость: — я все слышалъ.

— Слыхалъ? ахъ-ти мнѣ! жена, видишь ты, глупая баба, чего наболтала!

— Успокойся, любезный, продолжалъ Алексѣй: — мы стоимъ за царя Бориса Θεодоровича, а не Самозванца.

— Ой ли? А твой старикъ вечеръ....

— Какже быть иначе! заѣхали въ баламутную сторону. Съ волками, говорятъ, вой по волчьи.

— Ну, вотъ и мы точнехонько такъ! подхватила хозяйка. — Сами не знаемъ, кого величать: набѣдутъ изъ острожка стрѣльцы, величаемъ царя московскаго; набѣгутъ лѣсные, ухорѣзы, величаемъ съ ними природнаго осудара.

— Каждому пріятствуй! прибавилъ хозяинъ: — а пріятствовать-то и нечѣмъ.

— И много у васъ такихъ деревень? спросилъ Алексѣй: — что стоятъ за царя Бориса Θεодоровича?

— Да всѣ рады бы стоять, только какъ стоять, батюшка? Царская рать далеко, а смерть не свой братъ.

— Рать, говоришь, далеко? Да вотъ вамъ Басмановъ съ ратью въ Новгородѣ. Къ нему бы примкнули. — Ну, а что, кабы вамъ сговориться потихоньку между собой да выбрать себѣ на всякое село голову? Знаешь, какое набралось бы ополченіе! и безъ царской рати вы бы оборонили себя отъ самозванщины.

— Да, попробуй-ка сговориться.... сказалъ, взглянувъ на жену, мужикъ.

— А что же?

— То, что у насъ врядъ ли не у всякаго хозяина сидитъ за спиной по дозорщику.

— Какъ это?

— А такъ вотъ. Жили мы себѣ безъ горя на украинѣ. Хлѣба довольно; поля всего не вспашешь. Какъ покажись на Московщинѣ голодъ. Къ намъ бобыли поползли, что тараканы. Что ни изба, то и работникъ у хозяина. Мы-то и довольны — прибавилось рукъ, прибавилось и хлѣба. Только недолго посидѣли смирно выходцы. Чуть лишь встряслась эта бѣда, чуть обозвался этотъ царевичъ, эта тума пророжоная, такъ наши захребетники и отъ рукъ. Пошли гулять по дорогамъ; давай держать сторожи. Кто не за царевича, деруть, грабятъ. Оно, пожалуй, лег-

че, чѣмъ потѣтъ за сохою. А на зиму къ намъ же лѣзутъ на полати.

— И вы даромъ ихъ кормите? спросилъ Алексѣй.

— Да хоть и не совсѣмъ даромъ: перепадетъ и на нашу долю иная кроха отъ добычи; да только мужикъ у нихъ словно на привязи. Волей-неволею, держи ихнюю сторону и не пикни про царя Бориса. А ты, батюшка, толкуешь *сговориться*. Какіе тутъ сговоры?

— Итакъ, вы противъ воли должны итти съ Самозванцемъ на царскую рать?

— Да вотъ какъ видишь, батюшка. И это еще бы не что; а вотъ то будетъ плохо дѣло, какъ, не дай Богъ, не устоитъ противъ царя Бориса сѣверская наша сволочь.

— Чтò ты, пріятель? сказалъ Алексѣй.— Дай Богъ, чтобъ она не устояла!

— Нѣтъ, батюшка! тогда насъ со всѣхъ сторонъ по суставамъ разнимутъ. Пущай ужь, — лишь бы не было хуже.

— Такъ есть-таки и на украинѣ вѣрные люди? сказалъ радостно Алексѣй, встрѣчавшій до сихъ поръ вездѣ только приверженцевъ Самозванца.

— Какже, батюшка? всѣ городовые казаки, всѣ осадные стрѣльцы и боярскіе дѣти стоятъ за царя Бориса. У всякаго, вишь ты, помѣстья отъ казны здѣсь на украинѣ, еще и дворы отъ казны жь построены: такъ чего имъ не стоять? Только недолго покрѣпятся и эти.

— А почему ты это знаешь?

— Да потому, что вѣдь оружный народъ выйдетъ изъ слободъ, станутъ по городамъ, по заставамъ, выступятъ въ поле, а тутъ изъ лѣсу ухорѣзы и нагрянутъ на слободы. Чтò это собаки такъ расходились? продолжалъ мужикъ, остановясь и прислушиваясь къ лаю своихъ дворнягъ. — Видно, волкъ у изгородья. Только стой, какъ будто кто-то стучится.... Такъ и есть! стучатся въ ворота.... Подай, баба, лапти.... кого-то Богъ пошлетъ, друга али недруга.... Эхъ, стучать! да ужь босой не побѣгу... А всякому угождай... И обуться порядкомъ не дадутъ... Погоди! некогда тебѣ!... Эхъ, время тяжкое! Еще и въ рать погонять!... Подай, баба, тулупъ, пойду отопру, ато будетъ хлопотъ съ воротами. Эхъ!

Пока хозяинъ наматывалъ безконечные оборы своихъ лаштей и отпиралъ ворота, Алексѣй успѣшилъ одѣться и подползти на всякій случай свою саблю, какъ вбѣгаетъ въ избу Добрыня, который всталъ раньше своего господина и успѣлъ уже напоить лошадей.

— Батюшка Алексѣй Николаичъ! закричалъ вѣрный дядька: — бѣда!

— Какая бѣда? спросилъ спокойно Алексѣй, привыкшій къ опасностямъ, какъ къ дурной погодѣ.

— Бѣда, осударь! пришли по твою голову!

— Кто пришелъ?

— Лѣшій ихъ знаетъ, кто они; только я слышалъ, какъ спрашивали сквозь ворота у мужика: «Здѣсь, дескать, однорогоу Алешка?» Что намъ теперь дѣлать?

— Не тужи, Добрыня, прежде времени, сказалъ Алексѣй, осматривая торопливо замокъ своей пищади. — Голыми руками насъ не возьмутъ. Только бы намъ осѣдлатъ лошадей.

— Да твоя лошадь осѣдлана! сказалъ Добрыня. — Я лишь услышалъ стукъ, мигомъ затянулъ подпругу и прибѣжалъ къ тебѣ. Только взнуздать....

— Такъ чего жъ намъ бояться! Пойдемъ сядемъ на конь. Еще только отворяютъ ворота.

Опасность придава Добрынѣ прыткости. Пока Алексѣй взнуздывалъ своего коня и вскочилъ на сѣдло, онъ накиннулъ сѣдло на своего рысака, затянулъ кой-какъ подпругу и, не взнуздывая, поспѣшилъ сѣсть верхомъ, чтобъ не отстать отъ своего господина.

Не успѣли они выѣхать изъ подъ навѣса, какъ на дворъ въѣхало человекъ пять вершниковъ. и Алексѣй, сквозь утреннюю мглу, узналъ въ нихъ берендѣевыхъ дворчанъ.

При видѣ этихъ людей, обидѣвшихъ его такъ грубо наказать, у него закипѣло ретивое, и онъ, вмѣсто страха за свою безопасность, еще обрадовался этой встрѣчѣ.

— Что вамъ здѣсь надо? заговорилъ онъ первый.

— Приказалъ бояринъ проводить твою милость въ замокъ, отвѣчалъ, снимая, полу-почтительно, полу-нахально, шапку передовой.

— Только-то? сказалъ Алексѣй, приготовившійся къ чему-то гораздо непрятнѣе. — Я самъ туда ѣду.

— И благо, коли такъ, отвѣчалъ тотъ: — мы твою милость проводимъ.

— Что жь это вашему боярину вздумалось присылать ко мнѣ провожатыхъ? спросилъ Алексѣй, желая вызвать какое нибудь объясненіе этой загадочной выходки Берендѣя.

Но дворчанинъ отвѣчалъ:

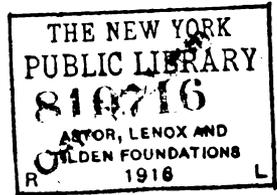
— Его боярская воля. Намъ почему знать?

— Ну, поѣдемъ, сказалъ Алексѣй, держа наготовѣ пищаль и оглядываясь на обѣ стороны, между тѣмъ какъ провожатые разступались, чтобъ дать ему дорогу.

Выѣхавъ за ворота, онъ увидѣлъ еще двухъ верховыхъ, приготавливавшихся скакать впередъ, вѣроятно, для предупрежденія побѣга.

Алексѣй бросилъ стоящему у воротъ хозяину серебряную монету за ночлегъ и поскакалъ впередъ, тревожимый предчувствіемъ какихъ-то новыхъ непріятностей.

НИКОЛАЙ Ш.

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

До замка было недалеко. Зимнее солнце только что начало подниматься надъ противоположнымъ, низменнымъ берегомъ Десны, когда Алексѣй достигнулъ новгородскихъ укрѣпленій. Первымъ изъ нихъ былъ ровъ, прорытый, въ теченіе столѣтій, дождевыми потоками, которые стекали съ сосѣднихъ высотъ и прокладывали себѣ силою путь къ Деснѣ. Такими провалами изрѣзана правая сторона Десны возлѣ Новгорода-Сѣверскаго на большое протяженіе въ разныя стороны. Они подѣлили крутой рѣчной берегъ на множество горъ, которыя только издали кажутся непрерывною грядою. Самая высокая, самая обрывистая и неприступнѣйшая изъ нихъ выбрана была для крѣпости.

Вершина этой горы представляла плоскость, довольно обширную для помѣщенія на ней городской церкви, воеводскаго дома, земской и губной избъ да нѣсколькихъ осадныхъ дворовъ, куда въ военное время убирался съ движимымъ имуществомъ кто могъ. Тутъ же, вдоль крѣпостнаго вала, построено было, на счетъ казны, множество небольшихъ избъ для осадныхъ людей, или гарнизона, и посадскихъ севрюковъ, которые

не въ состояніи были обзавестись заблаговременно осаднымъ дворомъ въ острожкѣ, а между тѣмъ должны были навѣрное бѣжать туда изъ своихъ жилищъ отъ непріятеля.

Слѣча Самозванцу Чернигова дала Басманову хорошій урокъ, и онъ, сжегши посадъ и забравъ къ себѣ въ крѣпость посадскихъ жителей заблаговременно, лишилъ ихъ возможности присоединиться къ осаждающимъ. Теперь онъ спѣшилъ, до прихода Самозванца къ крѣпости, снабдить ее съѣстными запасами для самой продолжительной осады. Богатые землевладѣльцы, поселившіеся, на время опасности, въ крѣпости, не жалѣли ничего для защиты своихъ семействъ, и осадные стрѣльцы день и ночь провожали въ крѣпость изъ ихъ деревень обозы съ хлѣбомъ, овощами и другими предметами первой потребности.

Алексѣй еще издали замѣтилъ вереницу саней, поднимавшуюся навскось по противоположной сторонѣ рва на замковую гору, и поспѣшилъ догнать ихъ, чтобы не дать времени запереть ворота. Когда онъ примкнулъ къ отряду конныхъ стрѣльцовъ, провожавшихъ еми, старшій дворчанинъ Берендѣя велѣлъ своимъ спутникамъ воротиться домой и въѣхалъ, вслѣдъ за Алексѣемъ и Добрынею, въ ворота одинъ.

Если читатель воображаетъ, что Добрыня былъ доволенъ этимъ убѣжищемъ, то очень ошибается. Онъ разучился быть довольнымъ съ самого отъѣзда своего изъ Москвы. Странствуя съ своимъ молодымъ господиномъ по чужимъ краямъ, онъ жилъ по крайней мѣрѣ надеждою на возвращеніе въ тихій уголокъ въ боярскомъ домѣ на Москвѣ, — уголокъ, съ которымъ связана была для него лучшая пора жизни. Судите же, каковы были его чувства, когда онъ съ каждымъ днемъ и часомъ терялъ свою отраднѣйшую надежду.

Онъ еще и прежде разошелся съ своими господами въ мнѣніи о царевичѣ Димитріи; а теперь, когда онъ видѣлъ повсюду однихъ его приверженцевъ и враговъ Годунова, когда онъ узналъ, что царь Борисъ удалил его боярина отъ родного дома, а его самого — отъ милого уголка, когда онъ убѣдился, что только примкнувъ къ приверженцамъ Димитрія, можно бы было однокорогамъ возвратиться въ Москву и вступить во всѣ права свои, онъ называлъ въ умѣ своемъ геройскую стойкость стараго Однокорога неблагоуразуміемъ, а поступки Алексѣя — ребячествомъ.

Такъ ли онъ думалъ и въ Перебойшѣ? Нѣтъ! тамъ присутствіе боярина, его непоколебимый духъ, его сознаніе собственнаго достоинства и увѣренность въ непреложности своихъ поступковъ уничтожила въ Добрынѣ всякую противную мысль.

Иное дѣло было для Добрыни Алексѣй. Старикъ зналъ его ребенкомъ, который вѣрилъ отъ всей души всякой его сказкѣ: онъ постоянно считалъ себя его наставникомъ и не могъ вмѣстить въ своей головѣ мысли, чтобы этотъ молодецъ, котораго онъ такъ еще недавно — еще какъ будто вчера — носилъ на рукахъ, могъ поступать умнѣе его самого.

Впрочемъ, его мысли приняли такое рѣшительное направленіе только съ той поры, когда разсѣялась надежда женить Алексѣя на Берендѣевой наследницѣ, и когда Берендѣй, въ его глазахъ, оказался приверженцемъ Лжедмитрія. Но его мнѣнію, теперь слѣдовало бы имъ возвратиться въ Перебойше, пристать къ сторонѣ однороговыхъ мужиковъ и, если старый бояринъ останется при своемъ, приберечь его, въ его острожкѣ, среди военной сумятицы, а между тѣмъ съ перебойцами и путивальцами постоять за природнаго осударя (Добрыня былъ твердо убѣжденъ, что онъ природный) и вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ Москву. Но онъ не успѣлъ высказать Алексѣю своего мнѣнія ни дорогою къ Мурманкѣ, ни во время ужина. Онъ отложилъ свои заботы до утра и озаботился больше всего подкрѣпленіемъ измученныхъ лошадей, а потомъ и самого себя. Теперь же это было бы напрасно: ихъ провожало въ крѣпость семь человекъ, а Добрыня, по старой привычкѣ, до такой степени считалъ Алексѣя ребенкомъ, несмотря на всю его силу и ловкость, что не отважился бы поставить его и противъ одного бородача. Итакъ, онъ, скрѣпя сердце, молчалъ во всю дорогу и въѣхалъ въ новгородскую крѣпость съ такой охотою, съ какою куры лѣзутъ въ дорожную клетку, когда ихъ отправляютъ на продажу.

Крѣпость была полна народа, который суетился, ходилъ и бѣгалъ взадъ и впередъ, представляя подобіе разрытой муравьиной кучи. Шумъ, говоръ, крикъ и мѣстами громкій хохотъ сообщали этому скопленію людей веселый характеръ ярмарки. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ при въѣздѣ была торговая площадь, на которой посадскіе мужики сѣднили сбыть деревенскимъ жителямъ свой домашній скотъ или промѣнять его на вещи, болѣе удобныя для сбереженія во время осады. Крѣпость отъ этого

представляла на первый взгляд что-то мирное, далекое от своего назначенія; но, чтобы разрушить это впечатлѣннє, достаточно было взглянуть на площадки по сию сторону частокола, съ стоящими на нихъ пушками, съ грудями камней и съ поднятыми на блокахъ толстыми колодами, которыя во время приступа перебрасывались, поворотомъ рычага, черезъ частоколъ и скачивались съ горы на неприятелей.

Алексѣй посмотрѣлъ на эти приготовленія къ защитѣ съ удовольствіемъ знатока дѣла, между тѣмъ какъ Добрыню подрадо по кождѣ, когда онъ вообразилъ, какъ крѣпостные ребята примутся за эти игрушки.

Но имъ некогда было долго разглядывать по сторонамъ, потому что стоявшая у воротъ сторожа остановила ихъ съ вопросами, кто и зачѣмъ.

Добрыня, при всемъ своемъ желаніи провозгласить природнаго осударя, долженъ былъ молчаливо пойти за вѣрнаго царскаго слугу, какъ называлъ Алексѣй себя и его, въ отвѣтъ на вопросы.

— А отколѣ? спросилъ воротный приставъ.

— Изъ Путивля.

— Изъ Путивля! воскликнуло нѣсколько голосовъ, и сторожевые стрѣльцы, не имѣвшіе обычая стоять, по нынѣшнему, на своихъ мѣстахъ, окружили новоприбывшихъ съ любопытствомъ.

— А зачѣмъ? продолжалъ допросъ.

— Объ этомъ узнаетъ воевода.

— Вишь ты какой нравный! Ну, вотъ те и воевода, да еще и не одинъ.

Воротный приставъ указалъ на двухъ стариковъ въ бархатныхъ поношенныхъ шубахъ и въ горлатныхъ высокихъ шапкахъ. Они, разговаривая между собой, медленно приближались къ сторожѣ, и Алексѣй не только успѣлъ узнать отъ воротнаго пристава, что одинъ изъ нихъ Плещеевъ, а другой князь Звенигородскій, но и рассмотрѣть ихъ обоихъ съ наблюдательностію человѣка, предполагающаго, что отъ этихъ людей можетъ болѣе или менѣе завистѣть его участь.

Плещеевъ былъ толстый, приземистый человѣкъ, державшій голову такъ, что съ перваго взгляда было замѣтно, что онъ

не владѣлъ *вязами*. Его оконтузило ядро въ одномъ сраженіи съ шведами, и съ той поры онъ не могъ поворачивать шеи.

Его товарищъ былъ высокій, чернородый, черноглазый, немного сгорбленный челоуѣкъ, съ такимъ выраженіемъ въ осанкѣ и въ лицѣ, какъ будто онъ сейчасъ готовъ шепнуть что-то сосѣду на ухо и выжидаетъ только минуты, чтобъ этого никто не замѣтилъ.

Всѣ три всадника, изъ почтенія къ этимъ знатымъ особамъ, слѣзли съ коней. Воротный приставъ поспѣшилъ къ воеводамъ навстрѣчу и доложилъ о пріѣздѣ гонца съ *сеунчемъ* (съ вѣстью) изъ Путивля.

— Изъ Путивля! какое изъ Путивля? сказалъ Плещеевъ:— я вижу берендѣева Кречета. Эй, Кречеть, что ты здѣсь и зачѣмъ?

Дворчанинъ Берендѣя выступилъ впередъ и, къ удивленію нашихъ бѣдныхъ странниковъ, объявилъ воеводамъ, что въ эту ночь изъ дѣвичьяго терема пропала безъ вѣсти боярышня, что Берендѣй розослалъ за нею во всѣ концы погоню, что вотъ поймано два подозрительныхъ челоуѣка (тутъ онъ обернулся и указалъ на Алексѣя и Добрыню), и что Берендѣй прислалъ ихъ къ воеводамъ для допроса.

— Боярышня!.. безъ вѣсти! могъ только повторить отъ удивленія Плещеевъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ не ѣдетъ самъ и не присылаетъ ничего въ осадный дворъ Берендѣй! сказалъ, обращаясь къ нему съ таинственнымъ видомъ, Звенигородскій.

Алексѣй готовъ былъ самъ изумляться успѣху Пратазанова, о покушеніи котораго Берендѣй, какъ онъ зналъ, былъ предувѣдомленъ; но его заняло гораздо сильнѣе взводимое на него обвиненіе.

Что касается до Добрыни, то онъ не могъ удержаться, чтобъ не проговорить:

— И подѣломъ ему!

— Гей, ты, разгильдяй! закричалъ Плещеевъ Алексѣю:— что, у тебя шапка гвоздемъ приколочена, аль тебѣ со страху руки оцѣпенѣли? Подойди-ко поближе.

— Шапка моя, отвѣчалъ Алексѣй, подступивъ къ нему и приподнявъ шапку:— свое дѣло знаетъ, руки мои тоже при

случаѣ себя покажутъ, а разгильдяемъ меня ты не зови, не узнавъ, кто я и какого роду.

— Кто же ты? что за птица?

— Сынъ боярина Однорога, коли тебѣ любо.

— Какъ! чужеземецъ? спросилъ Плещеевъ.

А товарищъ его прибавилъ:

— Такъ вотъ чему ты научился? выкрадывать боярышени изъ теремовъ? Есть про такихъ у насъ своя наука.

— Не грози мнѣ, князь, сказалъ Адексѣй: — а сперва докажи, что я виноватъ.

— Что тебѣ доказывать! сказалъ запальчиво Плещеевъ. — Скажешь и самъ у насъ....

— Вотъ тебѣ и вѣрный царскій слуга! проговорилъ Добрыня съ трагическою насмѣшливостію.

Сердце его разрывалось на части.

На самого Адексѣя слова воеводы произвели такое впечатлѣніе, какъ будто его вдругъ погрузили въ холодную воду, хотя онъ и былъ не трусъ.

Мрачныя мысли не были разсѣяны и тѣмъ, что почелъ нужнымъ прибавить отъ себя другою воевода:

— Въ отца молодецъ! говорилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто сообщалъ за тайну своему товарищу. — Тотъ баламутитъ северюковъ, а этотъ крадетъ дѣвокъ.

— Что же съ нимъ калякать? сказалъ сердито Плещеевъ. — Въ тюрьму его да и только.

Это восклицаніе относилось къ недѣльщикамъ, которыхъ человекъ пять или шесть провожало воеводъ по крѣпости, въ такомъ отдаленіи, чтобы не слышать ихъ разговора.

Но прежде, нежели они подоспѣли на зовъ, князь Звенигородскій шепнулъ на ухо Плещееву:

— А что скажетъ Басмановъ? Вѣдь онъ про Однорога, помнишь, что говорилъ?

Алексѣй поймалъ этотъ шопотъ и немножко ободрился.

— А что мнѣ Басмановъ! сказалъ громко Плещеевъ, поворачаясь вслѣдъ тѣломъ къ своему товарищу, потому что иначе не могъ бы на него взглянуть, — а взглянуть было нужно: въ глазахъ его выражалось гораздо больше, нежели могъ высказать языкъ. — Что мнѣ Басмановъ? продолжалъ онъ, — Развѣ я не наряженъ здѣсь осаднымъ воеводою?

— Однакожь, ты отдалъ крѣпость Басманову, возразилъ въ полгодыа Звенигородскій.

— Отдалъ? я впустилъ его въ крѣпость потому, что ему некуда было дѣваться. А его мѣсто въ Черниговѣ. Туда его нарядили; тамъ пусть его и воеводствуетъ. Не его дѣло вступаться въ городской нарядъ: вѣдай себѣ дѣла ратныя. Басмановъ! какая мнѣ птица твой Басмановъ! великая невидаль волковой воевода!

— А зачѣмъ же ты, не свѣстися съ нимъ, ничего не дѣлаешь? продолжалъ тихимъ голосомъ Звенигородскій.

— Зачѣмъ?... Да чтожь ты съ нимъ слѣлаешь, коли суется во всякую мелочь? Вишь, несподячій онъ какой: мы еще снямъ, а онъ ужъ всѣ уголки въ крѣпости обнюхаетъ. Давно ли здѣсь, а ужъ всякій человѣкъ ему вѣдомъ; безъ распросу и крысы не пропуститъ.

— Ну, такъ и не мѣшай ему, Алексѣй Романовичъ, сказать, съ хитрою улыбкою, Звенигородскій: — отошамъ къ нему молодца, да завернемъ-ка въ мою лачугу. Мнѣ Берендѣй прислалъ на дняхъ славной наливки: посмотримъ, гладко ли дно въ моихъ дѣдовскихъ кубкахъ.

— Нѣтъ, молодца я припрячу, а Басманову пошлю сказать... Эй!

На этотъ зовъ явилось нѣсколько медвѣльщиковъ, и сердитый воевода готовъ уже былъ отдать приказъ о взятіи Алексѣя, но Алексѣй остановилъ его, сказавъ, что привезъ важныя вѣсти изъ Путицы къ Басманову.

— Вѣста? сказалъ Плещеевъ, повернувшись къ нему всею шириною своей груди. — Зачѣмъ же именно Басманову? Есть и безъ него тутъ воеводы. Говори, что у тебя тамъ за вѣсти?

— Мои вѣсти, сказалъ Алексѣй: — не годятся для всѣхъ, а двумъ только воеводамъ тоже не скажу я ихъ.. Я долженъ объявить свой сеунтъ передъ всѣми начальными людьми.

— Ну, посиди жъ маленько, сказалъ Плещеевъ: — пока всѣ они соберутся. Отведите его въ разбойную.

— Послушайте, князь и вы, стрѣльцы! сказалъ Алексѣй, отшатнувшись, чтобъ не даваться въ руки медвѣльщикамъ: — будьте свидѣтелями, что вотъ воевода Плещеевъ не допустилъ меня объявить мои вѣсти. Онъ одинъ будетъ въ отвѣтъ за царское дѣло!

Недѣльщики остановились. Плещеевъ приутихнулъ.

— Малый-то догадливъ! шепнулъ ему Звенигородскій. — Волей-неволей, а надо намъ его вести къ Басманову.

— Чтѣ за недѣльщикъ я твоему Басманову! началъ опять горячиться Плещеевъ, какъ будто обрадовавшись случаю показать, что Басмановъ ему нипочемъ. — Эка невидаль Басмановъ! Вольно вамъ трусить передъ его милостью; а я двадцать лѣтъ служу здѣсь на воеводство, да еще стану угождать худороднику!

— И, Алексѣй Романовичъ! сказалъ ему Звенигородскій голосомъ тихимъ, но который имѣлъ на его товарища магическое дѣйствіе: — что толковать про это! Я не къ тому сказалъ. Дѣло, вишь ты, царское, всѣмъ воеводамъ надо его выслушать.

— Ну, и выслушаемъ въ сѣзжей избѣ, а къ Басманову намъ ходить не рукѣ.

— Да вѣсти-то, пожалуй, нетерпячія! сказалъ Звенигородскій и сбиль послѣднее упрямство съ Плещеева.

— Ты, князь, думаешь такъ? спросилъ онъ.

— Я такъ думаю, Алексѣй Романовичъ. Знаешь Путивль?

Тутъ Звенигородскій шепнулъ что-то очень тихо своему товарищу.

— А пожалуй! сказалъ тотъ, значительно взглянувъ на него, то есть поверотясь къ нему грудью.

— Ну, того же... Пойдемъ!

— Нѣтъ, князь, ужъ ты меня уволь. Басмановъ пошелъ къ пушкамъ. Не терплю я этого снаряда. Какъ грохнетъ, такъ мнѣ и кажется, что изъ меня духъ вонъ.

Въ эту минуту раздался на другомъ концѣ крѣпости пушечный выстрѣлъ.

Плещеевъ невольно схватился за шею.

— Экъ окаянную потѣху выдумалъ! сказалъ онъ: — тѣшитъ цѣлый день словно ребенокъ. Благо далъ царь зеленую казну — такъ думаетъ отдѣлаться гроханьемъ; а вытти въ поле, какъ хаживали мы на татаръ, не хватить небось духу!

Вѣстимо мы безъ него лучше бы справили дѣло, сказалъ Звенигородскій.

На это Плещеевъ отвѣчалъ только: «Эхъ!» и махнулъ рукою.

Загремѣлъ другой пушечный выстрѣлъ.

— Веди, князь, ты самъ Однорога къ Басманову, сказалъ съ досадою Плещеевъ: — а я, коли нужно, въ сѣзжей избѣ буду. Чтò тамъ за вѣсти? Довольно мы ужь ихъ наслушались.

— А наливка-то, Алексѣй Романовичъ!

— Не уйдетъ, князь; прощай.

— А крѣчать-отъ и уйдетъ, сказалъ въ полголоса Звенигородскій.

— Крѣчать? да! Ну, я ужò заверну къ тебѣ, обошедъ городъ.

Съ этимъ воеводы разстались. Часть недѣльщиковъ пошла вслѣдъ за Плещеевымъ, а остальные отправились, вслѣдъ за Звенигородскимъ, тремя новоприбывшими, въ крѣпость.

Они нашли Басманова на валу, у пушки, въ толпѣ пушкарей и затинщиковъ. Онъ держалъ зажженный фитиль, или, какъ тогда называли, *пальникъ*, и училъ пушкарей наводить орудіе. На немъ былъ соболій бугай, крытый голубымъ сукномъ, и бобровая, круглая шапка, съ голубымъ же бархатнымъ верхомъ. Самъ онъ былъ человѣкъ дородный, въ цвѣтѣ лѣтъ, съ густыми русыми кудрями, которыя, выходя изъ подъ шапки, завивались вверхъ и смѣшивались съ сверкающими мягкими иглами бобровой шерсти. Только его щеголеватый нарядъ да воеводскій шестоперъ, небрежно заткнутый за поясъ, показывали въ немъ начальнаго человѣка. Пушкарѣ и затинщики толкались вокругъ него такъ близко, онъ обращался къ нимъ съ евоини наставленіями такъ дружески, бранилъ и хвалилъ ихъ такими бойкими поговорками, такъ часто смѣялся самъ и такъ смѣло хохотали и балагурили вокругъ него другіе, что онъ казался лихимъ и любимымъ товарищемъ въ толпѣ своихъ подчиненныхъ. Между тѣмъ дѣло шло своимъ порядкомъ.

— Посмотри-ка, князь, сказалъ онъ скороговоркою, лишь только обмѣнялся поклонами съ Звенигородскимъ: — взглянь, посмотри-ка, чтò мы сдѣлали съ мулюхинымъ гнѣздомъ.

Алексѣй взглянулъ сквозь одно порожнее отверстіе въ частокѣ, ожидавшее еще пушки, и узналъ подъ снѣжнымъ покровомъ заручейскія возвышенности, соотвѣтствовавшія замковой горѣ, съ мулюхинымъ дворомъ, который былъ страшно изуродованъ пушечными ядрами и картечью и представлялъ подобіе какого-то оцетинившагося чудовища.

— А вы совѣтовали сжечь его! продолжалъ Басмановъ. — Что пользы сжечь? Теперь мы на немъ бѣдово издояндлись шд-бать ядра. Видишь, торчатъ уголь? на немъ одномъ держится еще изба. Посмотри же, что съ нею будетъ.

Съ этимъ словомъ онъ приложилъ пальникъ; пушка взревѣла, и когда дымъ разсѣялся, на мѣстѣ изщепанной избы видна была только безобразная куча бревенъ, посреди которой виднѣлась печь съ торчащею высоко трубою.

Пушкари и затинщики закричали во все горло:

— Bravo, bravo! слава, ай слава-те, Петръ Федоровичъ!

— Ну, горлатыя вороны! прикривнулъ на нихъ Басмановъ.

Но всѣ смѣялись, какъ будто онъ поблагодарилъ учтивостью за привѣтствіе.

— А! сказалъ онъ Звенигородскому, подбоченивъ лѣвой рукой, а правой рукой, въ которой былъ пальникъ, и наклоненіемъ головы показывая на развалины.

— Совѣтовали? отвѣчалъ Звенигородскій на прежнія слова Басманова: — кто жъ это совѣтовалъ? Меня, слава Богу, не пугаетъ пушечный выстрѣлъ. Да и зеленой казны я не жалѣю, какъ нашъ Алексѣй Романовичъ.

— Да, князь, онъ черезчуръ бережливъ, сказалъ, смѣясь, Басмановъ: — доведись на него, такъ, я думаю, онъ бы и одного выстрѣла не сдѣлалъ по неприятелю. А?

— Онъ говорить, отвѣчалъ князь, понизивъ, вѣроятно, по привычкѣ, голосъ, хотя, все-равно, каждый его слышалъ: — онъ говорить, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго бою, какъ пратазанамъ.

Басмановъ засмѣялся....

— А вы чего зѣваете, сказалъ онъ, обратясь къ затинщикамъ и пушкарицъ. — Поджидаете Самозванца, что ли? Живо мнѣ!

И, выхвата у одного затинщика изъ рукъ зарядъ, ловкимъ швырккомъ вогналъ его въ пушечное жерло.

— Прибрай! наводи! говорилъ онъ, быстро повертываясь отъ одного человѣка къ другому.

Звенигородскій уллучилъ эту минуту, чтобъ объявить Басманову о прибытіи изъ Путивля гонца.

— Гонецъ? гонецъ? сказалъ Басмановъ, лица глазами, гдѣ онъ: — давай его сюда. Гонцы нынче, что огурцы.

Алексѣй подошелъ, съ почтительнымъ докладомъ, къ Басманову.

Тотъ быстро окинулъ его взглядомъ и остановилъ его на лицѣ молодого человѣка долѣе, нежели до сихъ поръ на чемъ нибудь останавливалъ. Движенія, взгляды и слова его какъ будто спорили другъ съ другомъ въ проворствѣ.

— Откуда? съ чѣмъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Дозволь мнѣ, государь-воевода, сказалъ Алексѣй: — объявить тебѣ сперва, что мое имя Алексѣй Однорогъ.

Басмановъ сдѣлалъ два шага назадъ.

— Откуда жь это ты, батюшка, взялся? сказалъ онъ. — Какъ очутился ты въ Путивлѣ на службѣ?

— Я не на службѣ покаместъ; я былъ у батюшки.

— Вправду? чтожь ты мнѣ скажешь?

— Ничего болѣе, кромѣ охоты служить царю подъ твоей рукой.

— Ой ли? а батюшка-то твой?

— Батюшка мой служитъ царю изъ послѣдняго, что у него осталось.

— Служить, говоришь ты, царю? развѣ которому другому, а не московскому? У насъ про него ходятъ недобрыя вѣсти. Онъ у насъ въ измѣнникахъ.

— Я не отъ перваго отъ тебя это слышу, государь-воевода. Злые люди знаютъ, видно, зачѣмъ распускаютъ такую молву. А онъ вотъ какой измѣнникъ своему государю.

Тутъ Алексѣй рассказалъ Басманову все, что намъ уже извѣстно о Перебоицѣ.

— Вѣрю! вскричалъ Басмановъ, взглянувъ на Звенигородскаго: — вѣрю, князь, ему на честное слово, хоть ты мнѣ что ни расписывай. Да, таковъ русской бояринь, кто по правдѣ, по совѣсти носить это званіе, таковъ царской прямой слуга! И если кому этакую штуку выкинуть, то всего скорѣе старику Однорогу. Обними, братъ, меня, Алексѣй Николаевичъ! Я тебѣ вѣрю, какъ тому, что я Басмановъ!

— Ты опять на меня безъ вины вину сворачиваешь, Петръ Федоровичъ, сказалъ Звенигородскій. — Вѣдь это говорилъ мнѣ Алексѣй Романовичъ, а онъ слышалъ отъ Берендѣя

— Что-то онъ больно друженъ съ Берендѣемъ! сказалъ Басмановъ. — Кабы еще не прикинуться ему въ болѣзнь по берендѣевски!

— А это что за человѣкъ? спросилъ онъ, замѣтивъ, что одинъ изъ спутниковъ Алексѣя, съ осторожными тѣлодвиженіями, пробирается назадъ, держась такъ, чтобы его не было видно Басманову за плечами Звенигородскаго.

— Это посланецъ берендѣевъ, сказалъ, оглянувшись, Звенигородскій.

— Э! подавайте-ка его сюды!

Кречеть былъ выведенъ изъ толпы недѣльщиковъ впередъ.

— Зачѣмъ ты, голубчикъ? спросилъ его Басмановъ, по видимому, ласково, но такимъ тономъ, отъ котораго тотъ поблѣднѣлъ.

Однакожь, собравшись съ духомъ, онъ разсказалъ Басманову, какъ вечеръ пріѣзжалъ Алексѣй Однорогъ къ его боярину свататься, какъ ему отказали и какъ въ ночь исчезла, неизвѣстно куда, боярышня.

Алексѣй хотѣлъ было оправдываться, но Басмановъ не далъ ему говорить.

— Всею этому должна быть такая жь правда, сказалъ онъ: — какъ и приметная болѣзнь берендѣева. Своровать дочь у Берендѣя! да скорѣй я повѣрю, что у медвѣдя забрали передъ носомъ дѣтеньшей. Нѣтъ, тутъ должна быть какая-то уловка! И чего онъ хотѣлъ отъ меня, взводя на тебя вину? Повѣшу ли я тебя безъ суда, безъ расправы, мимо царской воли, что ли? Видно, ему этого впрямь хотѣлось: затѣмъ и твой батюшка у него въ измѣнникахъ. Я вѣдь знаю, что у нихъ было рукобитье, и вотъ онъ какъ хочетъ увильнуть, нечестивецъ! Да погоди!

— Прикажи, осударь-воевода, сказалъ Кречеть: — доложить боярину, чтобъ онъ самъ къ тебѣ пожаловалъ.

— Прикажемъ, прикажемъ, голубчикъ, а ты поди-ка сперва на исповѣдь; мы поразспросимся, а ты разскажешь намъ, какъ это вдругъ обмогся твой бояринъ послѣ болѣзни и зачѣмъ не перѣзжаетъ онъ въ осадный дворъ.

Кречеть ошѣмѣлъ отъ ужаса, и недѣльщики, по знаку Басманова, увели его прочь.

— Я самъ догадывался, сказалъ таинственно князь Звенигородскій: — что Берендѣй болѣзнь нарочитымъ дѣломъ...

— Однакожь, перебилъ его Басмановъ:—не сказалъ до сихъ поръ ни слова!

— А какъ бы вышла неправда! а Берендѣй вѣдь силенъ на Москвѣ. Я нескоро дослужусь у царя такой милости.

— Царю, князь, всего нужнѣе прямота, сказалъ Басмановъ.
— Прями ему душой и сердцемъ, такъ и выдешъ въ бояре.

— Ну, братъ, спасибо! обратился онъ къ Алексѣю: — спасибо, что подоспѣлъ ко мнѣ кстати. Вѣдь ты, я думаю, лихо ворочаешь этими игрушками. Ну-ка, наведи мнѣ эту старуху какъ разъ въ мулюхину трубу.

Алексѣй въ одну минуту прицѣлился. Басмановъ приложилъ палецъ; загремѣлъ выстрѣлъ, и ядро раздробило въ щебенъ послѣдній остатокъ мулюхина гнѣзда.

Басмановъ еще разъ обнялъ Алексѣя.

— Ну, братъ, не горюй, сказалъ онъ: — снимемъ мы съ твоего батюшки опалу. Сегодня я отправлю въ Москву гонца и распишу царю про его вѣрность. Теперь это диковинка; увидишь, если царь не нарядитъ его воеводою. Пойдемъ ко мнѣ. Я еще не завтракалъ, да и ты, пожалуй, тоже. Я занялъ для себя домъ, которому ты будешь въ свое время хозяиномъ.

— Это какъ же такъ? спросилъ Алексѣй.

— Такъ, что мы высватаемъ за тебя берендѣеву Парашу, пускай онъ себѣ лукавитъ какъ хочетъ.

— Но вѣдь ее увезли?

— Дудки, братъ, дудки!

— Князь, обратился Басмановъ къ Звенигородскому: — не хочешь ли съ нами? только наряди сперва гонца о-дву конь-къ Берендѣю и пускай ему скажетъ, что если Берендѣй не будетъ здѣсь къ полудню, то я сдѣлаю съ его дворомъ то, что съ мулюхинимъ. Сколько еще разъ биричамъ кликать въ осаду? Догадываюсь я, кого онъ поджидаетъ, да меня не проведетъ своимъ лицедействомъ. Или чтобъ здѣсь былъ, или долой личину!

Осадный домъ Берендѣя состоялъ изъ двухъ избъ, одна противъ другой черезъ сѣни. Басмановъ уступилъ Алексѣю ту, которая назначалась для женщины. Значительная часть этого обиталища занята была широкою изразцовою печкою, позади которой печной строитель оставилъ пространство въ нѣсколько аршинъ, съ намѣреніемъ доставить успокоеніе старымъ костямъ какой нибудь няни.

Алексеѣ больше всего остался доволенъ этимъ уголкою, надѣясь уговорить имъ хоть на время Добрыню, который, надо сказать правду, крѣпко надобѣа ему.

Дѣйствительно, Добрыня ахнулъ, когда ему показали это убійство, и такъ какъ всеодескіе конюхи ввѣли на себя попеченіе о лошадахъ, то онъ втащилъ кулъ соломы, раздѣлся, разулся и расположился здѣсь на житье со всевозможнымъ удобствомъ.

Что касается до самого Алексея, то чувства его похожи были на тѣ, какія испытываетъ спасенный отъ утопленія, или тотъ, кто былъ сбитъ съ дороги, измученъ, повергнутъ въ отчаяніе мятежно и вдругъ очутился въ знакомомъ, радушномъ, ласкающемъ семействѣ.

Освобождаясь въ отведенной ему квартирѣ отъ тулупа и большаго дорожнаго сапоговъ, онъ расправилъ свои скомканныя кудри и посидѣлъ къ Басманову на завтракъ. Но не завтракъ у него былъ на душѣ; ему хотѣлось поскорѣ видѣть гонца, отправленнаго въ Москву съ похвальнымъ отзывомъ объ отцѣ его. Лишь только съѣли они понемногу соленой рыбы, отваренной въ тертомъ горохѣ, и каждый записалъ это нехитро приготовленное блюдо добрыня ковтомъ наливки изъ сѣверскаго терну, Алексей заговорилъ объ этомъ предметѣ.

— Чтобъ потѣшить твою душеньку, сказалъ, глядя на него весело, Басмановъ: — я, пожалуй, тотчасъ отправлю гонца. Листъ у меня готовъ; остается только приписать про твоего баюшку и про тебя. Писали, братъ, и мы длинныя волосы (*): мнѣ ли не знать, что у тебя теперь на душѣ?

Алексеѣ поблагодарилъ Басманова еще разъ за участіе и спрашалъ, какимъ образомъ гонецъ можетъ добраться до Москвы, если всѣ дороги заграждены мятежническими заставами,

— Клянись кляномъ выбиваются, отвѣчалъ Басмановъ. — Я выберу изъ осадныхъ людей пару висѣльниковъ, у которыхъ только и мысля, что про царевича Дмитрія, какъ они зовутъ этого литовскаго вора. Свои нигдѣ ихъ не задержать.... Эй, недѣльщикъ, послать ко мнѣ Кирюшку Миронова да Васку Тушкка.

(*) Означенныя, въ знамѣ сокрушенія слова о царской немилости, не стригли волосъ на головѣ.

— Какъ! сказалъ съ удивленіемъ Алексѣй: — неужто у тебя, Петръ Федоровичъ, въ самомъ замкѣ есть явные намѣшники?

— О-го, братъ! А ты небось считалъ весь этотъ сбродъ вѣрными царскими слугами? Да поди молвить правду, такъ и самъ здѣшній осадный воевода съ товарищами больно пошатнулись на бокъ. Я вижу, да только молчу.

— Какжете, Петръ Федоровичъ, не сомнѣваетесь съ такими баламутами сидѣть въ осадѣ? Вѣдь это все-равно, что сидѣть на кучѣ пороху, въ который воткнута свѣча.

— Вѣстимо все-равно: да чего мнѣ сомнѣваться-то, коли я на дамъ пороху испыхнуть!

— А какимъ способомъ ты не дашь? дозволю спросить.

— А вотъ какимъ. Со мной пришло пятьсотъ стрѣльцовъ, молодецъ изъ молодецъ. Ребята, скажу тебѣ, бѣдовыя: вѣрны мнѣ какъ родные братья: спать чутко, смотреть зорко, стрѣляютъ мѣтко, смекаютъ шибко. Сѣверяне видятъ это и ходятъ у меня, что медвѣди на цѣпи — ревутъ, да лапамъ воли дать не смѣютъ. Я безъ обиняковъ объявилъ имъ на первыхъ же порахъ, что шатость новгородскую я знаю и въ пень вырублю все, чуть только будетъ у нихъ какая воровская затѣя.

— Хорошо, сказалъ Алексѣй:—въ осадѣ они сидѣть будутъ, а выведи ихъ въ поле, такъ и передадутся.

— Знаю, братъ, я, отвѣчалъ Басмановъ: — кого вывести въ поле, кого нѣтъ. Выведу только тѣхъ, у кого жены да дѣти сидятъ въ осадѣ, а бобыли будутъ у меня метать камни, ворочать колоды и дѣлать валовое дѣло не хуже моихъ московскихъ стрѣльцовъ. Ты скажешь, можетъ быть, что безъ этой сволочи было бы въ осадѣ намъ надежнѣе?

— Нѣтъ, я этого не скажу, отвѣчалъ Алексѣй.

— А зачѣмъ?

— Затѣмъ, что тебѣ, oprичъ рати, нужны для тяжелой работы дѣловцы. Накатывать колоды, шибать каменя, таскать землю, динять частоколъ: это на нихъ ты свалишь; а стрѣльцы-то у тебя будутъ завсегда свѣжи, не утомлены. Бой-то будетъ исправнѣе.

— Умно, братъ! разумѣешь дѣло, сказалъ Басмановъ. — А вотъ и нужные намъ люди.

— Здорово, здорово, сорванцы! сказалъ онъ въ отвѣтъ на низкіе поклоны двухъ рослыхъ казаковъ, вошедшихъ въ избу. — Ну, что вы мнѣ скажете, если я наряжу васъ съ сеунчемъ въ Москву?

— Довеземъ, батюшка-воевода, отвѣчалъ, взглянувъ на своего товарища, старшій изъ нихъ, которому, на видъ, было лѣтъ подъ сорокъ.

— А хочется вамъ на свѣжій вѣтеръ?

— Коли отпустишь, батюшка, такъ погуляемъ, отвѣчалъ, ухмыляясь, младшій.

— Соскучились небось безъ Мулюхи?

— Что Мулюха передъ тобой, осударь-воевода? сказалъ старшій. — Лучшаго намъ жога и не надо бы.

— Эко, сорви-головой! Я же чѣмъ вамъ полюбился?

— Всѣмъ, батюшка: и умомъ, и разумомъ, и обычаемъ, сказалъ одинъ.

— За тобой, прибавилъ другой: — мы бы полѣзли не то въ огонь, да хоть бы въ прорубь.

— Такъ зачѣмъ же вы, разбойники, не прямите царю вѣроу и правдоу?

— Эхъ, Петръ Федоровичъ! что воевать противъ природнаго осударя! сказалъ одинъ.

— Дѣло трудное! прибавилъ другой: — и рука не подымет-ся, и сердце не ворохнется: будетъ лежать въ груди, что комокъ снѣгу.

— Ахъ, вы висѣльники! воскликнулъ Басмановъ: — да какъ вы смѣете мнѣ это сказать? Аль позабыли, съ кѣмъ говорите? Я вамъ сейчасъ по петлѣ на шею!

— Всѣхъ, батюшка, не перевѣшаешь, отвѣчалъ спокойно старшій казакъ.

— Не перевѣшаешь всѣхъ, кто прямить природному осударю, подкрѣпилъ младшій.

— Смотри, братъ, какая дерзость у этихъ волковъ! сказалъ Басмановъ, обращаясь къ Алексѣю.

— Удивляюсь, батюшка Петръ Федоровичъ, отвѣчалъ съ негодованіемъ Алексѣй: — какъ ты позволяешь передъ собою говорить этакія воровскія рѣчи.

— А что было бы проку, когда бъ я зажималъ имъ рты?

— Другимъ не давали бы повады.

— Пѣтъ, братъ Алексѣй Николаевичъ, не знаешь ты сѣверскаго севрюка. Онъ тѣмъ злѣе, чѣмъ крѣпче взнузданъ. Души ты имъ не перестроишь, не отобьешь у нихъ охоты къ цоживѣ (ивые изъ того и стоятъ за Самозванца, чтобъ половить въ мутной водѣ рыбы), не отобьешь охоты воротиться въ Москву (многимъ только для этого и нуженъ *природный осударь*), а наконецъ чѣмъ ты разувѣришь сумазбродовъ (а такихъ всего больше), которые думаютъ, будто затѣмъ былъ и моръ и голодъ, что на государствѣ сидитъ не прирожденный царь? Вотъ какъ придется изъ Брянска рать да разсѣть весь этотъ сбродъ, какъ полюву, вмѣстѣ съ ихъ царевичемъ, такъ по неволѣ образуются; а теперь что попусту тратитъ пеньку на петли? Онъ правду говоритъ, что всѣхъ не перевѣшать.

— Но ради царскаго величества не пригоже воеводѣ выслушивать отъ крамольниковъ воровскія рѣчи, сказалъ Алексѣй.

— Царское величество, братъ, велико силою, отвѣчалъ Басмановъ. — Даи намъ задавить этого змѣя, этого *природнаго* ихъ вора, такъ ты увидишь, какъ оно возсіяетъ даже и въ сѣверскихъ трущобахъ. А теперь надо стараться объ одной пользѣ.

— Что же за польза, Петръ Федоровичъ, въ твоей поблажкѣ? дозволю спросить.

— Та, что мы людей бережемъ. Но это еще не все: подумай еще о томъ, что этотъ же самый сумазбродный народъ, который теперь лягается какъ дикій конь, послѣ станетъ служить службу тому же царю, отъ котораго теперь заслуживаетъ казнь.... Ты что-то хочешь сказать? говори.

— Хороши твои мысли, Петръ Федоровичъ — сказалъ Алексѣй: — только больно далеко хватаютъ.

Басмановъ засмѣялся.

— Вижу, вижу, братъ: у тебя на языкѣ пословица: *за версту блоху бьетъ, а подъ носомъ медвѣдь реветъ*. Такъ, что ли?

— Коли не во гнѣвъ тебѣ, такъ пусть будетъ и такъ.

— Ничто, братецъ любезный, мнѣ не во гнѣвъ, коли сказано прямо, отъ души. Пуще всего не терплю кривизны.

— Другими словами.... сказалъ Алексѣй.

— Другими словами это будетъ вотъ что: баламуты мои, изъ которыхъ вотъ передъ тобой два неплохіе обращика, сидятъ со мной точно за шахматной доской.... вмѣсто того, чтобы рѣ-

заться, мы только зорко смотримъ одинъ за другимъ, и ждемъ, что намъ пошлетъ судьба. Отчего? оттого, что я играю въ открытую. Покажѣсть мнѣ везеть, а что впередъ будетъ, знаетъ одинъ Господь. Есть у нихъ ко мнѣ зависть, да не злоба.

— И зависти, батюшка-воевода, нѣтъ, вмѣшался въ разговоръ старшій казакъ. — Чему намъ завидовать? Черниговъ нашъ, Путивльщина наша, все кругомъ Новгородка наше; будетъ нашъ и Новгородокъ; плетью обуха не перешибешь.

— Видишь? сказалъ съ улыбкой Басмановъ Алексѣю. — Какая увѣренность, что вся земля поклонится Самозванцу! Я даже думаю, что эти ухорѣзы и меня верстаютъ измѣнникомъ; они думаютъ, что я хочу только набить себѣ вѣрностью цѣну, а потомъ и отдаться *природному ихъ государю*.

Алексѣй посмотрѣлъ пристально на Басманова, какъ будто стараясь прочесть въ глубинѣ его голубыхъ глазъ то, что было скрыто и отъ самого его въ эту минуту.

Оба казака между тѣмъ переглянулись съ такимъ видомъ, какъ будто говорили другъ другу: «на нашей онъ, на нашей сторонѣ.»

Басмановъ подмигнулъ Алексѣю и продолжалъ:

— А говорятъ, молодець этотъ *природный ихъ государь*. Сажень росту, пядень во лбу, аршинъ въ плечахъ, кулакъ въ конскую голову; отвага рѣдкая. Разъ встрѣтился онъ глазъ на глазъ съ лѣсничимъ мишкой. Мишка за дубокъ, а онъ за другой; вырвалъ съ корнемъ, и пошла потѣха; поднялся стукъ какъ отъ сотни молотниковъ на току. Что же? расплаталъ вѣдь мишку какъ окуня. Признаюсь, жаль, что онъ воръ и обманщикъ, а будь онъ прямой царевичъ, послужилъ бы я ему вѣрою и правдою.

Нужно было видѣть, что дѣлалось въ это время съ казаками. Они не ловили, а пожирали слова Басманова.

— Не понимаю, сказалъ Алексѣй: — что за мысль у тебя, Петръ Федоровичъ, посылать къ государю съ сеунчомъ такихъ отъявленныхъ измѣнниковъ.

— Какъ не понимаешь? да не говорилъ ли ты самъ, что все дороги переняты мулюхинцами? Чтожь, мнѣ сотню стрѣльцовъ отрялить, что ли? Да и сотня врядъ ли проберется теперь въ Москву: а эта пара лѣсныхъ вороновъ будетъ какъ разъ тамъ.

— Соглашаюсь, что будетъ, коли захочетъ; а какъ не захочетъ? Да и съ чего бы имъ желать доставлять царю сеунчъ про сѣверскія шатости?

— А вотъ пускай они сами тебѣ это скажутъ. Ну-ка, ты, Кирюшка Мионовъ, отвѣчай за меня. Чѣмъ ты завѣришь насъ, что посылка моя будетъ въ Москвѣ?

— Да чѣмъ же? отвѣчалъ тотъ:—вѣстника царь безъ своего жалованья не оставитъ.

— А еще?

— А еще?... Сказать тебѣ всю правду, что ли?

— Да зачѣмъ же ее таить, коли она у тебя, разбойника, на лбу написана?

— Ну, такъ еще тѣмъ завѣримъ твою воеводскую милость, что свеземъ на Москву вѣсточку отъ Мулюхи.

— Видишь? сказалъ, смѣясь, Басмановъ: — мошенники радешеньки случаю безъ боязни явиться въ Москвѣ и свѣститься съ тамошними крамольниками. Тамъ тоже не безъ нихъ.

— И ты, Петръ Федоровичъ, способствуешь этакой воровской перемолвкѣ?

— А безъ меня нѣчто ея не было бы? Нѣтъ, братъ, ты не такъ смотришь на дѣла, какъ они есть. Я радъ, что есть мнѣ вѣрный случай просить государя о скорой подмогѣ. Онъ думаетъ пожалуй, что здѣсь вся земля ему покорна. Уму непостижимо, чтобъ этакъ опрокинулись къ верху дномъ всѣ головы, какъ здѣсь. Пускай же на Москвѣ знаютъ про это да скорѣе шлютъ намъ на выручку брянскую рать.

— Эка, чудеса ты мнѣ открываешь, Петръ Федоровичъ! сказалъ, дивуясь, Алексѣй. — Не возьму въ толкъ, какъ могутъ измѣнники доставить царю просьбу о выручкѣ? Не все ли это для нихъ равно, что накликать себѣ обухъ на голову?

— То-то и дѣло, что не все равно. Они ея, брянской-то рати, не боятся.

— Какъ не боятся? спросилъ Алексѣй.

— Больно много было бы толковать! сказалъ Басмановъ, махнувъ рукой: — сѣдлайте коней да глядите, живо мнѣ доставить листъ на Москву.

— Не замѣшкаемся, вборзѣ доставимъ, осударь-воевода, отвѣчали измѣнники съ поклономъ, какъ будто люди путные, и ушли изъ избы.

— Чтожь, они и назадъ къ тебѣ воротятся? спросилъ Алексѣй, не переставая дивиться страннымъ отношеніямъ Басманова къ этимъ людямъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, принимаясь писать на колѣнѣхъ донесеніе объ Одворогахъ.— Да я и самъ этого не хочу. Этакъ, пожалуй, они свѣстятся съ осадными да попробуютъ вдругорядь съиграть съ замкомъ мулюхинскую штуку. Въ ту ночь вѣдь за малымъ острожокъ не попалъ въ ихъ руки.

Едва Басмановъ кончилъ донесеніе и отправилъ съ нимъ странныхъ своихъ посланцевъ, какъ пришли доложить ему, что воротились изъ Чернигова два полчаника.

— Тотчасъ ко мнѣ ихъ! сказалъ Басмановъ.— Ай да молодцы! — Каковы у меня хваты полчане! обратился онъ къ Алексѣю: — обернулись волками, вмѣшались въ дикую стаю — просто сказать, прикинулись измѣнниками, и вотъ несутъ мнѣ вѣсти про Самозванца. Посмотримъ, что тамъ за птица этотъ Самозванецъ. Да вотъ и они. Ну что, ребята!

Донесеніе стрѣльцовъ было нерадостно. Самозванецъ пришелъ къ Чернигову только съ двумя тысячами польскихъ гультаевъ да двумя тысячами донцовъ, а теперь у него болѣе десяти тысячъ народа. Не говоря о черниговскихъ и моравскихъ посадскихъ людяхъ и городовыхъ казакахъ, вся сѣверская вольница скопилась вокругъ него. Все, что бродило по лѣсамъ и байракамъ между Клевеню, Десною и Днѣпромъ, все, что таялось подъ видомъ подсосѣдниковъ и захребетниковъ по крестьянскимъ избамъ, — вся эта дичь, какъ называли тогда лѣсныхъ бродягъ, дождалась наконецъ себѣ атамана, подъ знаменами котораго могла смѣло проникнуть въ недоступныя доселѣ ей мѣста государства. Войско его умножается безпрестанно вновь прибывающими толпами. Онъ забралъ черниговскія и моравскія пушки и уже недалеко отъ Новгородка-Сѣверскаго.

— Охъ ты мнѣ! сказалъ, слѣлавши гримасу, Басмановъ.— Головушка моя побѣдная! а уменя всего въ рѣшетѣ пятьсотъ цыплятъ съ самопалами. Куда дѣваться намъ отъ этого ястреба? Ну, расскажите же намъ, каково снаряженъ эта дичь?

— Ужь про снаряжъ, осударь-воевода, отвѣчалъ одинъ изъ стрѣльцовъ: — хоть и не спрашивай. Пищали врядъ ли раскинешь по одной на сотню; вмѣсто сабель ножи, все мулю-

хвяскаго, говорятъ, рукодѣля, да еще торчатъ сямъ-тамъ ролитины; а протазанъ за диковинку.

— А поляки-то, Кузѣмушка? замѣтилъ разскащикъ другой стрѣлецъ: — а донцы?

Разскащикъ смутился на мгновеніе, но, взглянувъ на Басманова, какъ будто вдругъ загорѣлся отъ него смѣлостью и отвѣчалъ:

— Пожалуй, что у поляковъ есть и самопалы шведскіе, и сабли турецкія, и дѣдовскіе тяжелые чеканы, иной обвѣшанъ снарядомъ и блеститъ словно рыба кольчугою, — да что это за поляки!

— А что же? нетерпѣливо спросилъ Басмановъ.

— Пьяницы, раки въ скорлупѣ. Я потолкался довольно въ ихъ ротахъ; боялъ имъ басни про твою воеводскую милость, а тѣмъ временемъ ощупывалъ, что это за товаръ въ желѣзной оковкѣ. Дрянной товаръ, гниль негодная, — истинно такъ.

— Но ихъ ведетъ вѣдь сендомирскій воевода? Король нѣчто послалъ бы его съ гнилью?

— Э-э! король только и дѣла сдѣлалъ, что зажмурилъ глаза: дѣлайте что хотите. И войска короннаго Соцѣга Сендомирскому не далъ.

— А какое жь это войско? спроеилъ Басмановъ.

— Я говорю, что пьяницы. Кликнулъ Сендомирской кличъ по королевскимъ кружаламъ: кто со мной на поживу, на добычу? Кабацкія головы и обозвались: *пуйдемъ воюваць москаля!* Жалованье платять, виномъ поятъ,—воля у нихъ всякому своя: вотъ и собралось роты двѣ-три крикуновъ. На видъ какъ будто и путные люди; горланятъ громко, за ендовою самъ Илья Муромецъ имъ не братъ, ато не въ счетъ, что съ пьянства дрожатъ у всякаго руки; не въ счетъ и то, что ивой садится на коня спиною къ головѣ.

— Ну, а Донцы? все народъ небось конный и оружный?

— Вѣстимо, осударь-воевода, не приравнять къ сѣверской дичи. Только въ полѣ развѣдемъ мы ихъ самопалами какъ полюву. Пусть только придетъ брянская рать.

— Ладно, братъ, сказалъ Басмановъ. — Стало быть, ^{самоз-}ванецъ всего больше надѣется на мірскую шатость?

— Да хоть бы такъ, что мы теперь слуги царскіе.

— Какъ это? что ты хочешь сказать?

— Слуги осударевы, природнаго осударя.

— Добрыня, съ ума ты спятилъ, что ли? какъ смѣлъ ты назвать меня самозванцевымъ слугою?

— Не бойся, Алексѣй Николаевичъ, не опасайся ничего. Народъ здѣсь стойкой: не выдадутъ. Ты себѣ стрѣлай, балагури съ Басмановымъ, а ужъ я за твою головушку постарался.

— Что же ты сдѣлалъ?

— Передалъ, батюшка, Мулюхѣ вѣсточку, чтобъ надѣлся на старика Добрыню и на его Алексѣя Николаевича, что на каменну гору.

— Черезъ кого?

— Черезъ гонцовъ, что посланы въ Москву. Народъ лихой, бойкой народъ: переглянулись, мигомъ узнали, чего мнѣ надо.

— Гдѣ же твой Богъ, Добрыня? ты разомъ идешь противъ сына и противъ отца?

— Нейду я, батюшка, ни противъ тебя, ни противъ боярина Николы Афонасьевича, а служу вамъ вѣрную службу.

— Что за служба, коли ты измѣнилъ царю Борису Θεодоровичу.

— Про царя, голубчикъ, молчи; а то вѣрно, что не возьмись я за твой дѣла, пропалъ бы ты съ Басмановымъ, что муха подъ хлопшкой. Лучше жъ тебѣ жить на свѣтѣ слугой царевича Дмитрея, чѣмъ погибать слугой царя Бориса.

— Что ты орешь, безумная голова? Честная смерть лучше безчестной жизни, и я и мой батюшка скорѣе головы положимъ, чѣмъ назовемъ себя слугами вора-Самозванца.

— Заговоришь, бояричъ, другимъ языкомъ, какъ назоветъ Москва царевича Дмитрея природнымъ осударемъ; а до этого, говорятъ, недалеко. Поклонишься тогда старику Добрынѣ, что пустил про тебя въ сѣверскую рать добрую вѣсточку.

— Напрасенъ трудъ твой, Добрыня: покажу я на ратномъ полѣ и Мулюхѣ и царевичу, за кого стоятъ Однороги.

— Ты себѣ, а я себѣ покажу. Дай только дожждаться намъ надежи осударя: Добрыня самолично скажетъ ему про твою вѣрность. Сгоряча вы оба съ батюшкой броситесь навстрѣчу смерти, да я не допущу васъ погубить свои головушки. Служилъ я вѣрой и правдой Однорогамъ, да все еще не дождо до наболь-

шой службы. Вотъ она когда приспѣла. Говорю тебѣ, что поклонитесь мнѣ оба-два.

Алексѣй сперва ужаснулся отъ рѣчей Добрыни, потомъ пришелъ въ негодованіе, далѣе перешелъ къ простой досадѣ на глупое своевольство старика, наконецъ разсмѣялся.

— Счастье твое, Добрыня, что ты старъ и глупъ, сказалъ онъ:—ато бы пришлось мнѣ сейчасъ съ тобой разстаться.

— Да, я оглупѣлъ, батюшка, съ той самой поры, отвѣчалъ, съ огорченіемъ, Добрыня:—какъ ты набрался нѣмецкаго ума; да посмотримъ, кому кого придется изъ бѣды выручать.

Въ это время въ сѣняхъ раздался громкій зовъ Басманова. Алексѣй поспѣшилъ къ нему выйти.

Басмановъ повелъ его по валу, «кладенному дерномъ на кирпичное дѣло», и показалъ ему подкопныя снасти для уничтоженія неприятельскихъ минъ и *марядъ*, или артиллерію. Каждая пушка, или *пищаль*, какъ называли ихъ «сидѣльцы» (гарнизонъ), имѣла свое имя. Тутъ были *Иврогъ*, *Пасенокъ*, *Волкъ*, *Кречеть*, *Стрѣла*, *Ахиллесъ* и т. п. Хорошій запасъ огненного бою и вѣрность московской дружины внушали Басманову увѣренность въ успѣхъ сопротивленія самозванцеву сброду до прихода Брянской рати. Но Алексѣй на этотъ разъ не могъ ему сочувствовать. Рѣшительность добрынина поведенія слѣдила на него болѣе впечатлѣнія, нежели въ какомъ онъ хотѣлъ себѣ признаться. Старикъ былъ, конечно, глупъ; но его сумасбродство напоминало Алексѣю о безчисленномъ множествѣ другихъ глупцовъ, готовыхъ на все вредное для государства ради этого воображаемаго Димитрія; и если онъ не считалъ еще въ крайней опасности царскій престолъ, то не могъ не предусматривать, что грозитъ его отцу при его непоколебимой вѣрности царю Борису и при его непреклонномъ мужествѣ, съ которымъ онъ рѣшился не выходить изъ круга, очерченнаго ему незаслуженною овалюю.

Мрачное расположеніе души его усилилось еще отъ одного обстоятельства, котораго онъ ожидалъ навѣрное, но которое тѣмъ не менѣе поразило его неприятно. Гонецъ о-дву конь, наряженный, по распоряженію Басманова, къ Берендѣю, воротился съ извѣстіемъ, что Берендѣй собралъ около тысячи вершниковъ и выступилъ съ ними на встрѣчу къ Самозванцу, который, слы-

шно, уже очень недалеко отъ его усадьбы, слѣдовательно и отъ крѣпости.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Басмановъ обошелъ съ Алексѣемъ весь городъ и осмотрѣлъ всѣ приготовленія къ защитѣ, прискакали новые вѣстники, что Самозванецъ гоститъ у Берендѣя, что его рать тянется позади и будетъ къ вечеру подъ крѣпостью, и что отрядъ ляховъ идетъ по пятамъ вѣстниковъ къ Новгородку. То былъ отрядъ Бучинскаго.

Читатель знаетъ изъ исторіи, какъ принялъ Басмановъ предложенія Бучинскаго, какъ безуспѣшно Самозванецъ гремѣлъ забранными въ покорныхъ ему крѣпостяхъ пушками, какъ онъ упалъ духомъ отъ мужественнаго сопротивленія Басманова и не возвратился въ Литву потому только, что города Сѣвскъ, Курскъ, Путивль и вся Комарницкая волость, измѣною своею законному царю, ободрили его и внушили ему новыя надежды. Все-таки взять Новгородъ-Сѣверскую крѣпость было не по его силамъ, а оставить ее у себя въ тылу казалось ему крайне опасно.

Но и Басманову пришлось плохо. Брянская рать медлила къ нему на помощь, а отражаніе самозванцевыхъ приступовъ и смѣлыя вылазки, которыя самъ онъ предпринималъ отъ времени до времени, чтобы держать осаждающихъ день и ночь въ изнурительной бдительности, ослабили его силы. Немалога также стоило ему труда удерживать въ повиновеніи сѣверскихъ осадныхъ людей, обнаружившихъ не разъ покушеніе овладѣть крѣпостью во имя Дмитрія и перебѣгавшихъ толпами въ неприятельскій станъ. Положеніе его было тѣмъ затруднительнѣе, что онъ съ недоувѣрчивостью смотрѣлъ на своихъ товарищей, осадныхъ воеводъ, видѣлъ въ шатости сидѣльцевъ дѣйствіе ихъ тайныхъ внушеній и всякую минуту опасался, чтобы съ нимъ не поступили такъ, какъ поступилъ съ Салтыковымъ въ Путивлѣ князь Василій Рубецъ-Масальскій (*). Въ этомъ случаѣ очень много помогалъ ему Алексѣй. Они никогда не ложившись спать оба въ одно и то же время, и такъ какъ Алексѣй былъ преданъ царскому дѣлу со всѣмъ жаромъ юности и не

(*) Князь Рубецъ-Масальскій, узнавъ о замыслѣ осадныхъ путивльскихъ стрѣльцовъ измѣнить царю, поспѣшилъ вмѣстѣ съ дьякомъ Сутуновымъ объявлять себя на сторонѣ Лжедмитрія, схватилъ своего товарища на воеводствѣ Михаила Криваго-Салтыкова и выдалъ Самозванцу.

уступалъ ни въ одной способности Басманову, то Басмановъ, такъ сказать, удвоился и обратился въ воеводу, вѣчно бодрствующаго и готоваго во всякую минуту спѣшить туда, гдѣ требовались неустранимость, званіе дѣла и находчивость. При всемъ томъ предпринятый ими подвигъ устоять противъ Самозванца съ каждымъ днемъ являлся въ громаднѣйшихъ размѣрахъ; наконецъ стало для нихъ ясно, что силою не совершить его и что необходимо переимѣнить способъ дѣйствія. Тогда-то Басмановъ заключилъ съ Самозванцемъ известное двухъ-недѣльное перемиріе, съ тѣмъ, что если не получится къ этому сроку вѣрныхъ извѣстій о состояніи Москвы, то крѣпость будетъ слава Самозванцу. Ему нужно было только выиграть время до прихода брянской рати, о которой онъ получалъ хорошія вѣсти; а между тѣмъ уму его представился еще одинъ способъ избавить себя отъ Самозванца. Тутъ исторія приключеній Алексѣя Однорога получаетъ новую занимательность, и мы, оставляя въ сторонѣ известныя изъ исторіи событія, займемся повѣстью о томъ, что ею не записано.

Однажды вечеромъ, сидѣлъ Алексѣй съ Басмановымъ за шахматной доской. Воевода, казалось, погруженъ былъ всею душой въ шашечную стратегію и, по видимому, позабылъ въ это время и объ осадномъ своемъ сидѣннѣ, и о брянской рати, которой ожидалъ съ нетерпѣніемъ, и о Самозванцѣ, — какъ вдругъ онъ остановилъ поднятую съ пѣшкою руку и сказалъ:

— Знаешь ли, Алексѣй Николаевичъ, о чемъ я въ эту минуту думаю? о тебѣ.

— Что же ты, государь-воевода, изволишь обо мнѣ думать? спросилъ Алексѣй.

— Да про твою просьбу?

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да; только какъ пустить тебя на Самозванца? Къ нему вѣдь не сквозь палисадъ прорубаться, а сквозь рать: сгинешь отъ пули, а его и въ глаза не увидишь.

— Помилуй, Петръ Федоровичъ! сказалъ Алексѣй. — Мало ли разъ видали мы его впереди польской хоругви? Пуссти только меня столкнуться съ нимъ: моя сабля будетъ вострѣе твоихъ стрѣлецкихъ.

— Постой, постой, братъ: еще невѣдомо, онъ ли, другой ли бывалъ впереди. Какъ же пускать мнѣ тебя наобумъ? Нѣтъ,

уж коли класть за царя животь, такъ въ такомъ дѣлѣ, на которое и самъ бы царь насъ не пожалѣлъ. Надо беречь себя, братецъ любезный: мы царское добро; такъ чтобъ не было ему, нашему батюшкѣ, убытку въ насъ попусту. Вотъ зачѣмъ я всякой разъ удерживалъ твою рьяность да и самъ на проломъ не пускаюсь. Не тебя и себя мнѣ жаль: жаль мнѣ царской пользы. Я берегу тебя и себя на другое времячко.

— Да когда же оно придетъ? сказалъ Алексѣй.

— Оно пришло для тебя. Скажи только, можешь ли ты на все отважиться?

— Зачѣмъ объ этомъ спрашивать, когда ты же самъ удерживаешь меня всегда отъ бою на вылазкахъ.

— То, братъ, дѣло иное: тамъ разыграется кровь, человекъ самъ едва помнить, куда бросается.

— А какой же ты подвигъ мнѣ назначишь?

— Ни больше, ни меньше, какъ спохватать живьемъ Самозванца; а буде вельзя потѣшить этимъ нашего батюшку царя, перехватить ему глотку, чтобъ не рычалъ проклятой въ сѣверской глуши и не полошилъ царства.

— Ты шутишь со мной шутку, Петръ Федоровичъ, сказалъ Алексѣй.

— Нѣтъ, не шучу, братъ, отвѣчалъ Басмановъ тономъ, въ которомъ слышалось душевное волненіе.

— Какъ же ты, скажи пожалуй, еще недавно боялся, чтобъ не попасть въ схваткѣ вмѣсто Самозванца на кого другого, а теперь задаешь мнѣ задачу спохватать его живьемъ? Гдѣ и какъ? растолкуй, научи, сдѣлай милость.

— Эта мысль, началъ Басмановъ: — давно сидитъ у меня въ головѣ, и раза два уже я готовился нарядить тебя на опасную службу; да все думалъ: одолѣемъ и безъ того Самозванца. Ляхи зимой недолго подержатся въ полѣ; а сѣверская сволочь разсыплется, лишь только подоспѣютъ бояре изъ Брянска. Но нѣтъ: бояре мѣшкаютъ, а города все подкляются вору; что же, если не устоятъ наши противъ литовщины? Вѣдь бѣда! Попытать напередъ счастья извести Самозванца другимъ способомъ.

— Но какимъ же? прервалъ нетерпѣливо Алексѣй.

— А вотъ слушай. Ты знаешь, что у меня въ крѣпости есть злодѣи, готовые продать меня Самозванцу за алтынъ?

— Еще бы не знать, послѣ того, какъ разомъ восемь десятковъ сбѣжало съ крѣпости.

— Ну, что же ты скажешь, если измѣна этихъ бѣгуновъ обратилась мнѣ же на пользу?

— Развѣ потому, что изъ хлѣбныхъ ларей уменьшился расходъ?

— Нѣтъ; а потому, что у этихъ людей нѣтъ вѣрности ни къ которой сторонѣ.

— Ну?

— Ну, я и схватился за этотъ грѣхъ и обратилъ ядъ въ лекарство. Коротко сказать, съ того времени, какъ эта сволочь повадилась бѣгать къ Самозванцу, я знаю всякой шагъ его. Они торгуютъ теперь вѣрностью прирожденному своему осударю. Развѣданный мой голова Ремневъ покупаетъ у нихъ на мѣдные деньги дорогія вѣсти.

— Поддѣльный товаръ, Петръ Федоровичъ! сказалъ Алексѣй: — стѣитъ ли труда покупать?

— Стѣитъ; я повѣрялъ: все правда. За деньги вѣдь у этого народа купишь и душу.

— Что же далѣе?

— Далѣе вотъ что. Раза два уже извѣщали меня, что Самозванецъ рыщетъ отъ скуки по лѣсамъ. Охотникъ, говорятъ, онъ страшный. Себя забываетъ, какъ подниметъ звѣря, и не любитъ, чтобъ ему помогали. Иной разъ заберется въ такую глушь, что провожатые ищутъ не сыщутъ по цѣлымъ часамъ. Это-то для насъ и дорого. Тутъ можно спохватать его какъ лисицу въ тетяхъ. Отважись ли ты на такой подвигъ?

— Отважись ли! повторилъ, съ улыбкою, Алексѣй: — уважи мнѣ только слѣдъ, отвага жъ моя не твое — мое будетъ дѣло.

— Вотъ что я для тебя устроилъ. Ты сядешь на коня и возьмешь съ собой человекъ десять вершниковъ. Я самъ выберу надежныхъ. Выѣдешь ты изъ крѣпости въ эту же ночь, послѣ первыхъ пѣтуховъ; на дворѣ темъ: васъ не замѣтятъ. Вы обогнете ровомъ крѣпостную гору, проѣдете къ рѣкѣ и по берегу до монастырскихъ камней, выше переправы. Тутъ затынешь ты ятихоньку пѣснию: *Какъ у ключика у тремучева...* Изъ за камня выдетъ человекъ. Ты спросишь: «Куда дорога къ Ольгину Тору?» и если онъ скажетъ: «Ступайте, братцы, за мной; я провожу

вась», это и будетъ вожатый. Онъ сведетъ тебя къ самому тому мѣсту, гдѣ Самозванецъ будетъ засѣвши на зубря. Звѣрь этотъ выходитъ изъ неприступной трущобы къ водѣ, гдѣ бьетъ ключъ. Для Самозванца нашли зубрѣй слѣдъ. Вожатый приведетъ тебя къ самому тому мѣсту, гдѣ онъ засядетъ на звѣря съ полуночи.

— Все это хорошо, сказалъ Алексѣй : — но какъ полагаться на эту сволочь? Почему знать, что вожатый не продастъ скорѣй меня Самозванцу, чѣмъ Самозванца мнѣ? Самъ же ты говоришь, что у нихъ все продается за деньги.

— Такъ ; но цѣна товару неравна. Самозванецъ за тебя не заплатитъ того, что заплачу я изъ царской казны за Самозванца. Ступай смѣло. Авось либо Госнодь поможетъ намъ утѣшить царя Бориса Θεодоровича.

Этимъ кончилось совѣщаніе о предпріятіи, представлявшемъ больше опасности, нежели возможности успѣха. Объ опасности, однакожъ, забывали и Басмановъ и самъ Алексѣй, подъ вліяніемъ сильнаго желанія совершить великое дѣло ; напротивъ, тотъ и другой почти не сомнѣвались въ успѣхѣ.

Тотчасъ приступлено было къ приготовленіямъ въ дорогу. Часа черезъ два заплѣли первые пѣтухи. Подъ окномъ воеводской квартиры послышался топотъ лошадей. Алексѣю осталось только помолиться святымъ иконамъ и проститься съ Басмановымъ.

Басмановъ почувствовалъ теперь всю великость предстоящей ему потери въ случаѣ, если Алексѣю не посчастливится въ его предпріятіи ; онъ обнялъ своего друга и не могъ сказать ни слова.

Алексѣй былъ гораздо спокойнѣе; онъ не зналъ цѣны себѣ; царское дѣло, по его мнѣнію, далеко не столько могло въ немъ потерять, сколько по мнѣнію Басманова. Зато онъ постигалъ всю важность такого военачальника, какъ Басмановъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, и, отваживаясь самъ на опасный подвигъ, просилъ своего покровителя щадить себя, какъ драгоценнѣйшее царское сокровище.

— Встрѣтимся ли мы еще въ здѣшней жизни? сказалъ онъ.

— Встрѣтимся, отвѣчалъ твердымъ голосомъ Басмановъ. — Ты увидишь меня не при свѣтѣ солнца или мѣсяца, а въ сіяніи царскаго престола, который мы заслонимъ отъ враговъ своею грудью.

— Ты это чувствуешь?

— Чую: вѣщій голосъ говорилъ мнѣ въ эту минуту, когда душа моя взволновалась: — что я высоко стану въ царской милости, что я родился для чего-то великаго на свѣтѣ.

— Смотри же, чтобъ высота твоя не сдѣлалась тебѣ когда нибудь дороже благоденствія государева.

— Что ты хочешь сказать, Алексѣй Николаевичъ?

— Не прогнѣвайся на меня, отвѣчалъ этотъ: — за мою правду. Знаю я въ исторіи многихъ тебѣ подобныхъ: служатъ сперва царю вѣрой и правдою, покамѣстъ идутъ вверхъ, а потомъ не знаютъ ничего дороже своей высоты....

— Полно, братъ, перебилъ его Басмановъ: — русскому членвѣку не примѣръ твоя исторія; онъ не по книгамъ учится вѣрности: вѣрность составляютъ его кровь и плоть отъ самого роженія.

— Дай Богъ! сказалъ Алексѣй.

— Ну, а ты какъ на себя надѣешься? спросилъ, въ свою очередь, Басмановъ.

— Я увѣренъ въ себѣ, отвѣчалъ Алексѣй: — больше чѣмъ въ томъ, что клинокъ моей сабли выдержитъ всякой ударъ несломавшись. Въ этихъ слухахъ одинъ другому не доверяетъ: злодѣи находятъ выгоду даже про отца моего говорить небывлыя рѣчи; дойдетъ, пожалуй, до тебя слухъ и про меня, что я продалъ душу ради чести, ради высоты или свободы, если мнѣ суждено попасть въ плѣнъ къ Самозванцу; но я прошу тебя вѣрить только одному, что для меня нѣтъ выше чести, нѣтъ болѣе высокой высоты и радости, какъ умереть за моего государя!

Этотъ прощальный разговоръ придалъ разставанью друзей нѣкоторую торжественность. Каждый готовъ былъ думать, не зная самъ почему, что они никогда болѣе не увидятся, или увидятся при такихъ обстоятельствахъ, когда характеръ человѣка долженъ быть подвергнутъ рѣшительному испытанію.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Ночь была темная. Алексѣю нечего было опасаться, что самозванцевы озоры подглядятъ выѣздъ его изъ крѣпости; да притомъ же дорога, которую онъ, по указанію Басманова, избралъ для себя, тотчасъ изъ воротъ поварачивала въ сторону противоположную осаждающимъ и скоро пропадала въ глубинѣ оврага, ведущаго къ Деснѣ. Алексѣй велъ свою небольшую дружину съ соблюденіемъ возможной тишины. Самъ онъ ѣхалъ впереди, за нимъ слѣдовали, по два въ рядъ, его спутники. Вотъ забѣлѣла передъ ними и покрытая снѣгомъ равнина Десны. Отрядъ пустился по берегу быстрою рысью и скоро достигнулъ монастырскихъ камней. На условленную пѣсню, показался изъ за камней человекъ въ мѣховой шапкѣ, въ тулупѣ, съ рогатиною въ рукѣ, ведя за собой въ поводу коня, и предложилъ быть проводникомъ къ Ольгину Тору.

— Батюшка Алексѣй Николаевичъ! раздался вдругъ, какъ будто съ облаковъ, жалобный голосъ Добрыни: — что это ты затѣялъ?

Тогда только Алексѣй замѣтилъ въ числѣ своихъ спутниковъ своего усерднаго пѣстуна.

— Какъ это ты здѣсь очутился. Добрыня?

— Какъ очутился! заворчалъ на этотъ вопросъ старикъ. — А ты набось думалъ, что и я тебя брошу, какъ ты меня? мало тебѣ биться лбомъ объ стѣну днемъ... говорю тебѣ, что бьешься объ стѣну, давно говорю... ты вздумалъ еще по ночамъ рыскать за своей погибелью! Эй образумься, бояричъ!

— Образумься ты, старичина! сказалъ, съ досадою, Алексѣй. — Воротись назадъ: ты здѣсь лишній.

— Лишній! давно ли я у тебя сталъ лишній? на Басманова промѣнялъ меня; да погоди! кто за тебя постоитъ больше въ бѣдѣ, старый али новый пріятель.

— Ступай, говорятъ тебѣ, назадъ!

— Куды я пойду безъ тебя? Воротись ты самъ, такъ и я ворочусь; а врознь съ тобой мнѣ не приказано быть. Ужь тебѣ за меня не отвѣчать предъ батюшкой, а мнѣ за тебя и приходилось и придется еще, навѣрное. Тогда я не буду лишнимъ, вѣтъ!

— Возьмите этого олуха, обратился Алексѣй къ двумъ изъ своихъ вершниковъ: — и отведите въ крѣпость.

— Нѣтъ, не погнѣвайся, сказалъ Добрыня: — батюшкинъ приказъ старше.

И, быстро поворотя коня, ускакалъ прочь.

— Оставьте его, не гоняйтесь, сказалъ Алексѣй: — придется терпѣть намъ этотъ хвостъ по неволѣ. Вѣрная, да глупая собака: не отгонишь прочь и палкою.

Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Добрыня увидѣлъ, что его не преслѣдуютъ и продолжаютъ дорогу, онъ приблизился къ вершиникамъ Алексѣя сперва на почтительное разстояніе, потомъ подѣхалъ ближе, наконецъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, присоединился къ ихъ толпѣ и завелъ съ своими сосѣдями въ полголоса разговоръ о такомъ предметѣ, къ которому ни одинъ изъ алексѣевыхъ спутниковъ не могъ оставаться равнодушнымъ — объ Ольгиномъ Торѣ. Онъ вспомнилъ разсказъ Мулюхи про Ольгу Богачку, про ея дочь, про чудесное ея превращеніе, про ночныя ея прогулки и украсилъ этотъ разсказъ всѣми цвѣтами воображенія, какіе только росли въ головѣ его.

Ненужно и говорить, что онъ нашелъ въ своихъ товарищахъ самыхъ внимательныхъ слушателей. Ночь, окружающая ихъ пустыня, дикіе виды заросшихъ кустарниками овраговъ, по которымъ они ѣхали, и таинственность ихъ путешествія, — все это сильно возбуждало воображеніе слушателей, и старинная повѣсть была принята ими со всею впечатлительностью суевѣрія. Теперь опасность повстрѣчаться съ непріятельскими разъѣздами стала на второмъ планѣ. Вершники оглядывались по сторонамъ, боясь открыть врага другого рода. Безстрашные передъ непріятельскимъ строемъ, они робѣли какъ дѣти передъ созданіемъ воображенія.

Алексѣй зналъ напередъ, что Добрыня къ нимъ присоединится, и давно замѣтилъ его присутствіе; но ему не пришло въ голову, до какой степени болтовня его стараго дядьки будетъ вредна для его предпріятія. Онъ убѣдился въ этомъ тогда уже,

когда зло было сдѣлано и не было болѣе средства отвратить его.

Прошло уже часа три, какъ наши ночные странники ѣхали за своимъ проводникомъ. Слѣдуя по направленію такъ называемыхъ яругъ, которыя тянутся на далекое пространство вокругъ Новгорода-Сѣверска, они часто дѣлали такую крутую дугу, что едва не возвращались на прежніе слѣды свои. Засыпанныя снѣгомъ дорожки, множество камней и кустарниковъ, превращающихъ лѣтомъ эти яруги въ природные парки, теперь затрудняли путешествіе, такъ что рѣдко можно было ѣхать даже тихою рысью. Воздухъ сдѣлался темнѣе прежняго, возвѣщая приближеніе утра. Алексѣй начиналъ уже беспокоиться, чтобъ не было поздно, зная, что зубрь выходитъ къ водопою между ночью и разсвѣтомъ, какъ вдругъ проводникъ приостановилъ коня и сказалъ:

— Слѣдъ! слѣдъ! Смотрите, вотъ два сапога, а вотъ рукоять рогатины. Это его слѣдъ. Онъ выбрался на охоту еще съ вечера, а станица его въ Чертовомъ Хайлицѣ, здѣсь, вправо, версты двѣ. Снѣжокъ ночью выпалъ; вотъ намъ-то и собенъ. Теперь ступайте за мною тихо; мы какъ разъ на него набредемъ.

— Неужто съ нимъ нѣтъ людей? спросилъ Алексѣй, не вѣря своей удачѣ.

— Ближе нѣтъ, какъ въ Чертовомъ Хайлицѣ. Объ этомъ не думай, а подумай лучше вотъ о чемъ. У него рожокъ за плечами, а какъ затрубить; то слышать въ самомъ стану. Надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ не затрубилъ, а то слетятся на выручку.

— Какъ же это сдѣлать?

— А вотъ какъ. Онъ поджидаетъ изъ Стародуба сеунча.

— Изъ Стародуба?

— То есть чрезъ Стародубъ изъ брянской рати. У него, видишь, въ Стародубѣ есть пріятеля, а въ брянской рати тоже, и говорятъ, много начальныхъ людей шатко стоятъ за царя Бориса....

Алексѣю было досадно слышать такіе толки, особенно передъ своими подначальными, и онъ прервалъ съ нетерпѣніемъ:

— Ну, поджидаетъ: что же намъ въ этомъ за выгода?

— Выгода, батюшка, та, что мы скажемся сеунчомъ стародубскимъ, да начнемъ искать въ сѣдлахъ грамотки, да какъ ни будь окружимъ и схватимъ голубчика. Далъ бы только намъ Богъ спохватать его, не оставилъ бы царь ни вась, ни меня милостью. Сюда : вотъ сѣдъ, вотъ и Ольгинъ Торъ.

Въ это время они выѣхали на длинную, узкую лошину, идущую между двухъ возвышенностей, покрытыхъ лѣсомъ.

— Ольгинъ Торъ! раздалось сзади восклицаніе, въ которомъ Алексѣй узналъ голосъ Добрыни. — Осударь Алексѣй Николаевичъ ! воротись ты съ этого мѣста, не ѣди далъ !

Алексѣй осадилъ коня и, подѣхавъ къ Добрынѣ, сказалъ въ полголоса :

— Переставъ горлавить, глупая башка !

— Перестану, перестану, батюшка ! отвѣчалъ, почти шопотомъ, Добрыня : — только не ѣди по Ольгину Тору, не встрѣчайся съ Ольгой Богачкой.

— Убирайся съ Ольгой Богачкой ! сказалъ Алексѣй : — у вась поважиѣ впереди встрѣча.

— Нѣтъ, мой кормилецъ, воскликнулъ Добрыня, схватясь за полу алексѣева тулупа : — не пушу тебя на гибель. Чтѣ ты затѣялъ воевать противъ нечистой силы ! Ея не побѣдишь желѣзомъ, а самъ пропадешь, что сибѣ на усу !

— Ивашка и ты, Акундиновъ, сказалъ Алексѣй двумъ ближайшимъ къ нему вершникамъ : — возьмите стараго олуха за руки да зажмите ему ротъ, чтобъ не кричалъ. Эко навязала мнѣ его нелегкая на эту пору !

Приказаніе было исполнено. Добрыня, обиженный такою рѣшительною расправою, успѣлъ только сказать : « Добро, добро, молокососъ ! вспомнишь меня ! » и оставался неподвиженъ и безгласенъ между двухъ верховыхъ.

Алексѣй велѣлъ имъ дожидаться на мѣстѣ своего возвращенія, а остальнымъ приказалъ ѣхать за собою.

— Батюшка Алексѣй Николаевичъ ! сказалъ тогда, пожимаясь какъ-то странно на сѣдлѣ, одинъ изъ его спутниковъ.

— Ну, чтѣ ты ? чтѣ тебя такъ скорчило ? спросилъ Алексѣй.

— Да видишь ли, продолжалъ тотъ, поглядывая на товарищей : — береги Богъ крещенаго человѣка....

— Что это значить? сказалъ Алексѣй, замѣтя, что всѣ, не исключая и проводника, измѣнились въ лицѣ, а глаза у каждаго изъ его спутниковъ безпокойно бѣгали въ разныя стороны.

— Да не приведи Богъ, говорилъ ободренный общимъ чувствіемъ стрѣлецъ: — не приведи Богъ.... Вѣдь тутъ ни бердышъ, ни самопалъ не поможетъ. Съ человѣкомъ человѣкъ тягается, а съ нездѣшнюю-то силою....

— Съ нами духъ святъ! сказали, почти въ одинъ голосъ, всѣ остальные, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ. — Куда это мы заѣхали?

— Что съ вами? спрашивалъ Алексѣй: — растолкуйте!

Но всѣ молчали, посматривая другъ на друга.

— Ну, ты чего трясешься? приступилъ Алексѣй къ проводнику. — Самъ же ты проведъ насъ къ Ольгину Тору — и теперь трусишь?

— Да я и самъ не знаю, отвѣчалъ онъ: — по кожѣ словно инеемъ сыплеть. Знать ужъ это такое нечистое мѣсто.

— Да ты развѣ никогда не бывалъ здѣсь?

— Какъ не бывать? бывалъ и про Ольгу Богачку слышалъ, да днемъ и нужды мало, а вотъ ночью словно лихорадка напала. Знать ужъ часъ такой непригожій.

— Знать ужъ дуракъ ты безмозглый! сказалъ, съ досадою, Алексѣй.

Оказалось, что, кромѣ проводника, двое только знали суевѣрное преданіе объ Ольгѣ Богачкѣ, иго отъ Добрыни; остальные трусили по инстинкту, подобно тому, какъ остатокъ разбитой и преслѣдуемой арміи приходитъ въ трепетъ при одномъ восклицаніи: «Непріатели!» Алексѣй увидѣлъ, что дѣло плохо, что здѣсь ни чувство долга, ни угрозы не подѣйствуютъ, и принялся увѣрять своихъ спутниковъ, что повѣсть про Ольгу Богачку выдумана и распушена въ народѣ Мулюхою, у котораго на Ольгиномъ Буйвищѣ бывали по ночамъ сходки съ сѣверскими баламутами. Онъ напоминалъ имъ важность ихъ предпріятія и представлялъ въ примѣръ самого себя, который слышалъ исторію про ночные обходы Ольги Богачки и, однакожь, будучи увѣренъ, что это небылица, идетъ впередъ безъ всякаго страха.

Но еще не кончилъ Алексѣй своей рѣчи, какъ впереди слышались странные звуки — что-то похожее на крикъ челоѣтка, смѣшанный съ медвѣжьимъ ревомъ. Среди ночной тишины, эти

звуки отозвались по лѣсу такъ тихо, такъ непохожи были ни на что знакомое слуху, что всѣ обомлѣли отъ ужаса; даже кони заходили подъ сѣдоками, съ испугомъ насторожа уши, и самъ Алексѣй почувствовалъ невольный трепетъ. Но мысль о томъ, для чего онъ здѣсь, — мысль объ избавленіи царя отъ страшнаго врага такъ глубоко таилась въ душѣ его, что никакое другое чувство не могло дѣйствовать на него сильно и продолжительно. Онъ забывалъ о себѣ; онъ, можно сказать, пересталъ существовать, какъ отдѣльная, самосохраняющая себя личность; онъ весь обратился въ поглотившую его душу идею, и это дало ему силу преодолѣть непобѣдимый для людей того времени страхъ передъ враждебною человѣку нечистой силою, съ которою особенно страшно было столкнуться въ пустынѣ, ночью.

— Братцы! сказалъ онъ: — за мной! Смѣлымъ Богъ владѣть. Вспомните, что на насъ теперь лежитъ спасеніе царя и царства!

— Ребята! заговорилъ Добрыня, о которомъ со страху позабыли его стражи: — не шутите съ нездѣшней силою. Онъ у вѣтцевъ научился, видно; и въ Бога не вѣрвать, а православному-то страшно попасть въ когти....

Онъ не договорилъ, потому что въ лѣсу — и какъ будто уже ближе къ нимъ — послышались новые вопли, если такъ можно назвать непонятную смѣсь звуковъ, раздававшихся среди пустынной тишины. Воображенію Добрыни представилась ожившая изъ дерева Ольга Богачка: онъ поспѣшно обернулъ коня и понесся куда глаза глядятъ. Всѣ прочіе, не понимая хорошенько сами, что дѣлаютъ, помчались вслѣдъ за нимъ.

Алексѣй остался одинъ, съ досадою и съ отчаяніемъ въ душѣ. Ему показалось, что въ эту минуту онъ теряетъ судьбу цѣлаго царства. Но самое отчаяніе сообщило ему новую энергію. Онъ уже потерялъ изъ виду свое предпріятіе вмѣстѣ съ надеждою достигнуть его; но, въ замѣнъ того, имъ овладѣла слѣпая жажда опасности. Душа его рвалась къ чему-то чрезвычайному; онъ хотѣлъ борьбы съ препятствіями, хотѣлъ битвы, хотѣлъ самой смерти.

Несмотря на повторяющіеся громче и громче вопли, онъ скакалъ впередъ по гладкой лдяной равнинѣ рѣчки, покрытой лѣсомъ. Но конь недолго ему повиновался: впереди уже ясно слышался ревъ медвѣдя. Бѣдное животное, трепеща всѣмъ тѣ-

домъ, пятилось назадъ, несмотря на всѣ удары всадника. Помучившись съ нимъ минуты двѣ, Алексѣй соскочилъ на землю и побѣжалъ впередъ, съ обнаженною саблею. Едва онъ сдѣлалъ одинъ поворотъ по изгибу рѣчки, какъ, при слабомъ свѣтѣ востока, начинавшаго уже алѣть, увидѣлъ передъ собой необыкновенную картину.

Передъ нимъ была гора, извѣстная уже ему подъ названіемъ Ольгина Буйвища. Внизу подъ ея кручею, среди грудъ намерзнувшаго льда, кипѣла вода, падая съ камней на камни; а на горѣ, на самомъ краю, надъ кипящею пучиною, происходила борьба медвѣдя съ человѣкомъ. Но и человѣкъ и животное думали уже не объ умерщвленіи противника, а о сохраненіи собственной жизни, потому что оба висѣли надъ пропастью: человѣкъ — обхватя одной рукой стволъ сосны, представлявшей, въ разсказѣ Мулюхи, Ольгу Богачку, а медвѣдь — уцѣпясь когтями за человѣка. Звѣрь безъ большого труда вскарабкался бы вверхъ, но, видно, былъ раненъ, потому что кровавая полоса видна была на снѣгу по краю горы; а между тѣмъ человѣкъ, держась правой рукой за дерево, не переставалъ наносить ему ножомъ удары во что попало. И вся эта сцена сопровождалась страшнымъ рычаніемъ медвѣдя, чувшаго свою гибель, и громкимъ крикомъ человѣка, призывающаго на помощь.

Алексѣй въ одну минуту очутился на вершинѣ горы и двумя ударами сабли освободилъ несчастнаго отъ его соперника. Медвѣдь какъ камень полетѣлъ въ воду, и вѣчно кипящее жерло Черторыя, перевернувъ раза два, пожрало его на вѣки.

Но Алексѣю было не до медвѣдя: у него въ рукахъ была лучшая добыча. Онъ догадался, что спасенный имъ отъ медвѣдя человѣкъ былъ не кто другой, какъ Самозванецъ. Едва вѣря своему счастью, онъ помогъ ему подняться на ноги, и, измѣривъ съ головы до ногъ жаднымъ взглядомъ, какой вперяетъ человѣкъ въ найденный послѣ долгихъ исканій драгоценный кладъ, онъ спросилъ его:

— Кто ты?

— Бортникъ съ погосту, батюшка, отвѣчалъ тотъ, кланяясь и оправляя висѣвшую у него на поясѣ, въ пучкѣ, ременную веревку съ желѣзнымъ крючкомъ, употребляемую бортниками для того, чтобы взбираться къ бортямъ на деревья. Награди тебя Богъ за твою помощь.

Алексѣя обладао холодомъ отъ этихъ словъ. Онъ снова окинулъ пытливымъ взглядомъ незнакомца. Ни въ его лицѣ, скрытомъ отчасти длинными ушами мѣховой шапки, обмотанными по подбородку вокругъ шеи, и въ его простомъ нарядѣ, состоявшемъ изъ обыкновеннаго нагольнаго тулупа, ни даже въ его приемахъ, совершенно мужицкихъ, не видалъ онъ ничего такого, что бы отличало его отъ обыкновеннаго простолюдина. Но вдругъ сквозь прорѣху тулупа, разорваннаго медвѣдемъ, блеснула ему въ глаза кольчуга.

— А это что у тебя? вскричалъ Алексѣй, обрадовавшись своему открытію.

— Стальная сорочка, батюшка, отвѣчалъ тотъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— То-то! да развѣ бортники носятъ стальные сорочки? Признавайся, кто ты?

— Какже, батюшка, отвѣчалъ, по прежнему, незнакомецъ: — какже бортнику—то безъ стальной сорочки? Вѣдь мишка-отъ задралъ бы меня вотъ передъ твоею честью, кабы не кольчуга. Ужъ я давно его здѣсь сторожу; въ этихъ соснахъ у меня бортные ухажай, такъ вотъ онъ окаянный и повадился, да чуть было самого меня не сгубилъ. Спасибо тебѣ, батюшка, дай Богъ тебѣ вѣкъ долгій! Откуда ты? съ неба, что ли, свалился?

Остолбенѣлъ Алексѣй: такъ проста и естественна была рѣчь мужика. Значить, его-то слѣдъ и видѣвъ былъ по смѣгу! Однакожъ, на всякій случай, онъ рѣшился не выпускать бортника изъ своихъ рукъ и потребовалъ отъ него ножъ, какъ единственное бывшее у него оружіе.

Бортникъ съ простодушнымъ удивленіемъ и съ нѣкоторымъ даже испугомъ узналъ, что онъ плѣнникъ своего избавителя, и, не смѣя противиться рѣшительному приказанію Алексѣя, пошелъ съ нимъ по прежнимъ слѣдамъ его съ горы.

Вдругъ изъ кустовъ выскочило на встрѣчу имъ нѣсколько вооруженныхъ людей.

Сердце Алексѣя ёкнуло, и первымъ его движеніемъ было взглянуть на своего плѣнника.

Бортникъ съ погоста показался ему теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Небольшой ростъ его, казалось, увеличился цѣлою четвертью. вмѣсто небрежно сгорбленныхъ плечъ, бросилась ему въ глаза широкая, смѣло выставленная впередъ грудь. Са-

мыя черты лица, грубыя и непривлекательныя, оживлены были какою-то повелительностью. Словомъ, ненужно было Алексѣю теперь большой проницательности для того, чтобы догадаться, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

Но уже было поздно. Самозванецъ былъ окруженъ своими слугами, которые, со всею почительностью, подобающею присвоенному имъ сану, упрекали его въ излишней самонадѣянности и отвагѣ.

— Молчите, молчите! сказалъ онъ весело, чистымъ, совѣмъ непохожимъ на прежній, нѣсколько сиповатый, голосомъ: — еще не рѣшено, кто виноватъ: я ли—за то, что не берегу, какъ говорите вы, своей жизни, вы ли—за то, что не исполняете моей воли. Казнить васъ слѣдуетъ, ослушниковъ; какъ вы смѣли помѣшать моей забавѣ!

— Осударь! сказалъ на это, одинъ за всѣхъ, высокій, сильный мужчина, въ которомъ Алексѣй тотчасъ узналъ давняго своего пріятеля Мулюху: — осударь! какже намъ не спѣшить къ тебѣ на помощь, коли отъ реву медвѣжьяго лѣсъ на корняхъ пошатнулся? да вотъ на твоёмъ величествѣ весь тулупъ изодранъ. Годится ли такъ пугать вѣрныхъ слугъ твоихъ?

— Чему быть, того не миновать, голова ты толковая, отвѣчалъ Самозванецъ. — Надъ кѣмъ простерта рука Божія отъ самого дѣтства, тому медвѣдя ли бояться? Вотъ посмотри, кого Господь послалъ для моего спасенія! слугу Годунова, а моего врага!

— Дивны дѣла твои Господи! проговорило нѣсколько голосовъ, а Мулюха прибавилъ:

— Вѣстимо дивны! Вѣдь это, осударь, сынъ перебойскаго Однорога; стало быть, я недаромъ получилъ вѣсточку изъ крѣпости!

— Сынъ Однорога, повторилъ Самозванецъ: — того Однорога, у котораго хватаетъ духу стоять самъ—десять противъ тысячи? Побереги мнѣ старика, Парфиль Яковлевичъ, слышишь? Уйми глупую прыть перебойцевъ. Этакихъ драгоценностей немного наберешь въ свѣтѣ для царскаго вѣнца. А ты, молодой человекъ, обратился Самозванецъ къ Алексѣю: — теперь плѣнникъ бортника съ погосту. Но если хочешь свободы, обѣщай служить вѣрою и правдою прирожденному государю московскому.

Алексѣй во все продолженіе этой сцены находился въ какомъ-то волненіи, какъ человѣкъ, готовящійся совершать отважное дѣло, но не знающій еще, такъ ли, или иначе ему поступить. Наконецъ лицо его приняло мрачное спокойствіе, какъ у того, кто идетъ на вѣрную смерть; онъ принялъ твердую позу и, заложивъ руку за пазуху, не спускалъ глазъ съ Самозванца, и когда тотъ обернулся къ нему съ послѣдними словами, онъ отвѣчалъ ему: «вотъ тебѣ моя служба!» и въ то же мгновеніе нанесъ ему ножомъ ударъ между шею и ключицею, гдѣ, по его расчету, было мѣсто, незакрытое кольчугою. Онъ думалъ, что сразилъ этимъ ударомъ все безпокойство царя Бориса и всѣ бѣдствія междоусобной войны, грозившія русской землѣ; но, по странной игрѣ случая, остріе ножа попало въ большой осыпанный изумрудами крестъ, который Самозванецъ носилъ на шеѣ, утѣряя, будто бы этотъ крестъ подаренъ ему былъ при крещеніи. Алексѣй хотѣлъ повторить ударъ; но сабля Мулюхи блеснула какъ молнія надъ головою Самозванца и отразила занесенный на него ножъ. Алексѣй въ одно мгновеніе выхватилъ свою и только быстрымъ прыжкомъ назадъ увернулся отъ удара. Онъ уже заблаговременно обрекъ себя на гибель, удастся или не удастся ему поразить Самозванца, но не хотѣлъ погибнуть безъ защиты. Отпарировавъ ударъ Мулюхи, онъ наступилъ на него съ силою, заставившею попятиться смѣлаго мятежника. Но уже прочіе свидѣтели неожиданной, быстро разыгравшейся трагедіи опомнились отъ своего изумленія, и Алексѣй очутился въ кругу поднятыхъ на него сабель. Гибель его была бы теперь неизбѣжна, но Самозванецъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— Стой, кому дорога жизнь, стой!

Всѣ остановились, кромѣ Мулюхи, который, продолжая наступать на Алексѣя, кричалъ:

— Онъ мой! не уступлю его никому! полно съ нимъ нянчиться! Вотъ я тебя научу, за кого стоять! не поможетъ тебѣ твой Борисъ!

Алексѣй, видя себѣ одинъ противъ одного, ободрился.

— Научу я тебя, вскричалъ онъ: — верстать Одноноговъ измѣнниками! Вотъ тебѣ наша измѣна!

Съ этимъ словомъ онъ, отразивъ саблю Мулюхи, размахнулся на такой ударъ, который тутъ же окончилъ бы поприще страшнаго мятежника, но въ то самое время, когда сабля его свистнула

въ воздухѣ, Самозванецъ, по обычаю своихъ учителей запорожцевъ, накинулъ ему на голову петлю и въ одно мгновеніе повалилъ его на землю.

— Онъ мой! воскликнулъ онъ, ставъ ему на грудь колѣномъ и вырывая изъ руки саблю. — Сдайся или издохнешь какъ волкъ въ капканѣ!...

Алексѣй видѣлъ надъ своей шеей собственную саблю и въ первую минуту не могъ произнести ни слова. Передъ его глазами прошли, какъ намалеванные, отецъ, вѣрный еще тогда Басмановъ, котораго онъ полюбилъ какъ брата, и еще одинъ образъ, не покидавшій его никогда, — образъ цвѣтушій и призывающій сильнѣе всего къ жизни....

— Сдаешься плѣнникомъ или умрешь слугой цареубійцы? спросилъ Самозванецъ.

— Да задуши, осударь, этого звѣря неукротимаго! говорилъ Мулюха: — ужъ я его извѣдалъ на всѣ стороны!

— Жизнь моя не мнѣ принадлежитъ, сказалъ Алексѣй: — властень въ ней царь мой. Велить умереть — умру.

— Я твой царь, сказалъ Самозванецъ: — я велю тебѣ жить и служить мнѣ. Сдаешься прирожденному московскому государю?

— Царь мой Борисъ Θεодоровичъ сидитъ въ Москвѣ на престолѣ, отвѣчалъ Алексѣй: — а ты лѣсной бродяга и Самозванецъ!

— Бей его, руби его, осударь! закричали кругомъ стоящіе: — дозвожь намъ его разнести на куски!

— Стой! ни съ мѣста! сказалъ, возвыся голосъ, Самозванецъ. — Сдайся лѣсному бродягѣ, сдайся бортнику съ погоста, сказалъ онъ къ Алексѣю.

— Лѣсному бродягѣ сдаюсь, отвѣчалъ Алексѣй: — не хочу безъ нужды гибнуть отъ руки разбойника: можетъ быть, жизнь моя еще понадобится моему государю!

— Понадобится непременно, сказалъ Самозванецъ, дажь ему свободу встать. — Придетъ время, когда твоя вѣрность къ царю не будетъ ошибкою.

— Вотъ, господа, вѣрнопопданность, обратился онъ къ своимъ приверженцамъ. — Если вокругъ моего престола будутъ стоять десятокъ воеводъ Однороговъ, то ни Александръ Македонскій, ни Цезарь римскій, ни самъ великій мой отецъ Иванъ

Васильевичъ , герой казанскій , не поверстаются со мной могуществомъ .

— Однакожь , государь , побереги свое имущество , пока сядешь на престолѣ , сказалъ Мулюха . — Не держи подлѣ себя двкаго Однорога . сбей ему рогъ на всякій случай .

— Чтѣ ты хочешь сказать ? спросилъ Самозванецъ .

— Да видишь , у него за спиной самопалъ ?

— Не боюсь я ничего , кромѣ грома Божія ! отвѣчалъ Самозванецъ : — кончина моя назначена судьбою въ терему царскомъ на Москвѣ , а не въ глуши сѣверской .

— Береженаго , осударь , и Богъ бережетъ , замѣтили другіе .

— Говорите это о себѣ , да не обо мнѣ . возразилъ Самозванецъ : — не обо мнѣ , прибавилъ онъ съ одушевленнымъ взглядомъ . — Я вѣрю , я знаю , что моя жизнь кончится не въ этихъ пустыняхъ , а на престолѣ московскомъ . Чтѣ вы качаете головами ? слѣпцы темные ! вы смотрите и не видите . Еще недавно висѣлъ я надъ пропастью въ когтяхъ медвѣдя , — и для васъ нѣтъ въ этомъ знаменія , что какъ низринулъ я лютаго звѣря въ бездну , такъ низрину я съ престола Годунова и его родъ руками нынѣшнихъ слугъ его ! Да передъ вашими же глазами сейчасъ совершилось чудо . Вотъ ножъ , который былъ направленъ въ мое сердце . Какъ вамъ не понять , что его отвратила та самая рука , которая тринадцать лѣтъ назадъ спасла меня отъ ножа борисова ?

Алексѣй понялъ теперъ больше прежняго , какъ опасенъ для царя Бориса этотъ обманщикъ , неустрашимый ни передъ какою человѣческою силою и обладающій краснорѣчіемъ , властнымъ подвигнуть толпу мятежниковъ на самое отчаянное дѣло .

— А все-таки , сказалъ , подумавъ , Мулюха : — нехудо сбить рогъ двкому Однорогу .

— Ты , Парфиль Яковлевичъ , возразилъ Самозванецъ : — не бывалъ между рыцарями и не знаешь , какъ рыцари другъ съ другомъ поступаютъ . Этотъ молодой человекъ воспитанъ не по московски ; онъ рыцарь тѣломъ и душею ; я вижу это по его взгляду . Возьми свою саблю , сказалъ онъ , отдавая ее Алексѣю . — Я знаю , что ты въ моей кущѣ , подъ моей кровлею ея на меня не поднимешь .

Алексѣй принялъ саблю съ тягостнымъ чувствомъ внутренней борьбы . Онъ не могъ не цѣнить въ этомъ человекѣ смѣлости , инстинктивной вѣры въ характеръ противника и великоду-

шія къ побѣжденному врагу, но не хотѣлъ высказать этого ни однимъ движеніемъ непріятелю своего государя.

— Погубить тебя твой безпутный нравъ! проворчалъ, сквозь зубы, Мулюха: — да и насъ съ тобою.

Но Самозванецъ не слышалъ или не хотѣлъ слышать этихъ словъ.

— Ну, друзья мои, сказалъ онъ; — не удастся мнѣ добыть себѣ на походную постель медвѣжьёю шкуру: пошелъ медвѣдь сомамъ да шукамъ на завтракъ, — зато приведемъ живого однорога. Пойдемте!

— Съ нами, осударь, здѣсь, за кустарникомъ, лошади, сказалъ Мулюха: — мы прискакали верхами, лишь только услышали медвѣжьій ревъ.

— Какъ же вы услышали изъ Чортова Хайлица?

— Эхъ, осударь! ты не боисься за себя, такъ мы за тебя боимся: у насъ ты всегда въ береженьи и какъ бы не твой приказъ, то шагу бы отъ тебя не отступили.

— Дивна судьба человѣческая! сказалъ на это съ подавленнымъ вздохомъ Самозванецъ: — можетъ быть, на престолѣ московскомъ я буду вспоминать съ сожалѣніемъ о тѣхъ темныхъ годахъ, когда наслѣдникъ Ивана Васильевича Грознаго бродилъ, никѣмъ не знаемый, съ рогатиной въ рукѣ, по литовскимъ дебрямъ или носился на конѣ по степямъ запорожскимъ.

Между тѣмъ лошади были приведены. Къ одному изъ сѣделъ привязанъ былъ соболій, крытый узорчатой парчей, кожухъ, вмѣстѣ съ высокою медвѣжьёю шапкою. Самозванецъ перекинулъ свой изорванный тулупъ и длинпоухую шапку на этотъ костюмъ, вскочилъ проворно на коня и, не заѣжая въ Чортово Хайлице, поскакалъ прямо въ станъ, расположенный на пепелищѣ новгородскаго посада, противъ осаждаемой крѣпости.

Алексѣй также долженъ былъ сѣсть на коня и слѣдовать за нимъ вмѣстѣ съ другими. Какими глазами взглянулъ онъ, приближаясь къ стану, на крѣпостныя стѣны, въ которыхъ оставался его другъ Басмановъ съ горстью вѣрныхъ стрѣльцовъ, посреди тайныхъ мятежниковъ, готовыхъ погубить его ежеминутно! Тутъ же онъ опять вспомнилъ объ отцѣ своемъ, которому помочь отнята у него теперь и надежда. Что будетъ съ нимъ и какова будетъ собственная судьба его? Для того ли онъ

изучилъ ратное дѣло въ чужеземщинѣ, чтобы сидѣть въ плѣну, видѣть колебаніе престола царскаго и ничего не предпринять на его защиту?

Станъ Самозванца подѣ Новгородомъ-Сѣверскимъ похожъ былъ на деревню; только избы или шалаши срублены были наскоро, покрыты по большей части зелеными сосновыми вѣтвями, и не было при нихъ ни дворовъ, ни заборовъ. Кругомъ насыпанъ былъ невысокій снѣговой валъ, укрѣпленный вмѣсто частокола рогатками или просто сосновыми стволами, съ торчащими вокругъ сучьями. Изъ за этой ограды высывались въ поле пушечныя жерда, направленные по большей части на крѣпость. На двухъ противоположныхъ концахъ ограды находились ворота, изъ которыхъ одни были постоянно отворены, и сквозь нихъ вѣзжали и выѣзжали пошевни и дровни окрестныхъ поселянъ, для которыхъ въ стану открылся выгодный сбытъ хлѣба, лошадиного корма и другихъ хозяйственныхъ произведеній. Нѣсколько паръ верховыхъ донцовъ видно было въ полѣ. Они посмѣнно разъѣзжали цѣпью вокругъ стана, для предохраненія его отъ нечаянной вылазки съ крѣпости, и общались съ другими сторожами, которыя тянулись отъ Новгорода до самого Брянска и передавали Самозванцу новости обо всемъ, что происходитъ въ подвластной ему странѣ, и разныя вѣсти о царской рати, о волненіи государства и о самой Москвѣ.

Станъ былъ раздѣленъ, большими промежутками, на три части: въ одной помѣщалась польская рать, подѣ начальствомъ сендомирскаго воеводы Мишка, въ другой—казаки, подѣ предводительствомъ атамана Корелы, а въ третьей—сѣверскій сбродъ, подѣ начальствомъ новгородскаго воеводы Мулюхи и черниговскаго Протазанова. Пунктомъ соединенія ихъ и мѣстомъ военныхъ собраній служила находившаяся въ самой срединѣ площадь, на которой производился безпрестанный торгъ и кипѣло пьянство, потому что во многихъ мѣстахъ по краямъ ея раскинуты были кабацкіе шалаши, въ которыхъ, вокругъ огней, во всякое время дня и ночи можно было найти толпы игроковъ въ кости, въ зернь, въ шахматы и веселые кружки любителей пива, браги и горячаго вина. На той же площади стояла церковь, отличавшаяся отъ прочихъ построекъ только византійскимъ досчатымъ куполомъ да крестомъ. Самозванецъ направился прямо

къ ней, слѣдуя обычаю русскихъ людей высшаго званія начинать утро посѣщеніемъ храма Божія. Но прежде нежели онъ ея достигнулъ, онъ былъ встрѣченъ, при вѣздѣ въ ворота своей крѣпости, пушечнымъ выстрѣломъ и краковскимъ маршемъ, нестройно, но зато оглушительно съиграннымъ польскими трубами.

Въ церкви онъ занялъ свое царское мѣсто и велѣлъ Алексѣю стоять подлѣ себя. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, какъ къ нему начали подходить, одинъ за другимъ, разные начальныя люди. Прежде всѣхъ подошелъ воевода сендомирскій, поздравилъ его, на своемъ родномъ языкѣ, съ утромъ и осведомился объ охотѣ, прибавя съ сожалѣніемъ, что привычка вставать не раньше восхода солнца лишила его, пана воеводу, удовольствія сопутствовать царевичу.

— Мнѣ и не нужно вашего сопутствія, отвѣчалъ, по польски, Самозванецъ. — Вы не понимаете удовольствія очутиться самъ-на-самъ съ разъяреннымъ звѣремъ и смотрѣть ему въ кровавые глаза, между тѣмъ какъ кругомъ и земля и деревья содрогаются отъ его рева. Есть, воевода, въ человѣкѣ такая сила, которой не можетъ противиться неодаренная безсмертною душой природа.

— Такъ вы опять, наиснѣйшій царевичъ, сказалъ воевода: — предавались своей опасной забавѣ? опять убѣгали отъ насъ одни, безъ провожатыхъ, въ пустыню? Проснувшись утромъ, я узналъ, что вы уѣхали изъ стана послѣ того, какъ я простился съ вами, вышивши круговую, и легъ въ постель. Неужели для васъ пріятнѣе сонъ на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, нежели въ теплой хороминѣ?

— Я не ложился спать совсѣмъ, отвѣчалъ Самозванецъ.

— Какъ! послѣ вчерашней облавы и вчерашняго ужина? Боже мой! да вы вчера съ самого утра до ночи съ сѣдла не вставали! трехъ лошадей перемѣнили! а за ужиномъ, кажется, вы были не лѣнивѣе насъ!

— Что вы дивитесь, панъ воевода, такимъ пустякамъ? Хотите, я не буду спать еще одну ночь, не буду до разсвѣта выпускать изъ рукъ ковшъ, — а утромъ подавайте мнѣ медвѣдя, моя рогатина ни на одинъ волосъ не уклонится отъ цѣли: пояду въ самое сердце.

Алексѣй могъ бы на это возразить Самозванцу, вспомня, къ какой сѣваткѣ принудилъ его неповоротливый сѣверянинъ мишка, но не таково было расположеніе его души въ эту минуту. Онъ молился усердно, подъ пѣніе клира, за царя, за Русь православную и за своего бѣднаго отца.

— Наяснѣйшій царевичъ, сказалъ воевода сендомирскій: — вашъ мужественный, геройскій духъ, очевидно, ищетъ себѣ пищи въ опасностяхъ, но позабываетъ, что на васъ опираются надежды Московіи, польской рѣчи посполитой и самого Рима! Я могъ бы напомнить вамъ также объ одномъ существѣ, котораго счастье зависитъ отъ вашего благоденствія, но льщу себя надеждою, что вы помните о немъ и безъ того.

— Вы не ошибаетесь, вельможный воевода, отвѣчалъ Самозванецъ: — глядѣть въ глаза паниѣ Маринѣ я предпочелъ бы удовольствію поражать взглядомъ пылающіе яростію глаза медвѣдя. Но гордая паниа часто была неукротимѣ сѣверской медвѣдицы, и я, незнакомый ни съ какимъ страхомъ, трепеталъ отъ ея взгляда и былъ боязливѣе преслѣдуемаго оленя.

— Пресвѣтлѣйшій царевичъ! сказалъ воевода: — покорите вашихъ враговъ, и громъ вашей славы подѣйствуетъ на ея благородное сердце, какъ чары волшебника. Гордый сознаниемъ своихъ достоинствъ, взглядъ ея уступитъ тогда вашему взгляду, какъ уступаетъ свѣтъ денницы сіянію солнца. Какъ истинная патриотка и дщерь католической церкви, она преклонится съ благоговѣніемъ, съ любовію, съ вѣчною преданностію передъ другомъ Польши и апостоломъ (эти слова онъ произнесъ очень тихо) единой истинной вѣры.

Съ этимъ онъ низко поклонился и отошелъ къ своему мѣсту тихую, величавою поступью.

— Другъ Польши, апостолъ католической вѣры! сказалъ Самозванецъ, наклонясь немного къ Алексѣю съ самою дружескою короткостію. — Эти безмозглые ляхи воображаютъ, что я за ихъ лукавство буду платить искреннею преданностію. Ничего для меня не сдѣлавъ, они выкраиваютъ себѣ любимые куски изъ моего царства и уже заблаговременно крестятъ насъ въ свою вѣру, какъ язычниковъ! Давно ли самъ вельможный воевода хотѣлъ оставить меня на произволъ судьбы? Но я силенъ не ихъ помощію, а своимъ священнымъ правомъ и помощію Божіею.

Въ эту минуту подошелъ къ Самозванцу бояринъ Берендѣй и, увидя, къ кому онъ обращался такъ дружески, невольно отступилъ назадъ. Глаза его мѣряли Алексѣя съ головы до ногъ и съ ногъ до головы, какъ будто онъ увидалъ выходца съ того свѣта.

— Что, Берендѣюшка, серебряная моя бородушка! сказала ему ласково Самозванецъ: — что такъ тебя озадачило?

— Озадачило али нѣтъ, государь, отвѣчалъ Берендѣй: — дозвожь сперва отдать тебѣ утренній мой поклонъ и поздравить тебя съ счастливымъ ловомъ.

— Да, бояринъ, гдѣ потерять, не чаешь, гдѣ найдешь, не знаешь. Медвѣдь мертвый у меня изъ рукъ выскользнулъ, а однорогъ живой въ руки попалъ. Вотъ тебѣ, бояринъ, зять, такъ зять!

— У меня, отвѣчалъ гордо Берендѣй: — про такихъ зятей не одна еще дѣвка въ терему найдется.

— Ну, не всякъ такая будетъ ворона, какъ Протазановъ. Однорогъ мой различить бѣлую лебедушку отъ сѣрой гусыни. А съ Протазановымъ ты, бояринъ, жестокою шутку пошутить.

— Знай сверчокъ свой шестокъ; не смѣй всякой бродяга зариться на высокородную невѣсту, на Берендѣевну.

— Нѣтъ, миѣ жаль бѣдняги. Ты бы наградишь его хоть одною деревушкою.

— Будетъ съ него и бѣглою холопки, осударь!

— Такъ не забывай же, сказалъ сурово Самозванецъ: — кто у этой холопки сидѣлъ посаженнымъ отцомъ! По мужѣ жена славится, а онъ боярскаго роду и будетъ у меня бояриномъ; а коли жаль тебѣ ради меня деревушки, такъ я награжу его вдесятеро.

— Государь, сказалъ Берендѣй: — все мое принадлежитъ тебѣ, возьми и отдай, кому твоя воля. Только и моего у меня — мои родовая древняя честь. Она миѣ запрещаетъ давать въ приданое холопкѣ вотчинныя деревни!

— Ну, ладно, ладно, мой ты серебряной. Я найду наследника твоимъ вотчинамъ, равнаго тебѣ по родовой чести. Въ какомъ монастырѣ, сказалъ ты миѣ, дочь твоя?

— Государь! проговорилъ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ Берендѣй.

— Говори смѣло, сказалъ, взглянувъ на Алексѣя, Самозванецъ:—она будетъ его.

— Его! повторилъ Берендѣй, бросивъ на Алексѣя презрительный взглядъ. — Далеко еще ему до сватовства за Берендѣевну.

— Не дальше, бояринъ, какъ мнѣ до престола, сказалъ Самозванецъ: — знай, что въ тотъ день, какъ сяду я на прародительскомъ престолѣ моемъ, Алексѣй Однорогъ будетъ подъ вѣнцомъ съ дочерью боярина Берендѣя.

— Пущай, государь, онъ сперва заслужитъ твоихъ милостей, отвѣчалъ Берендѣй.

— Онъ заслужилъ ихъ уже! онъ преданъ царю не меньше твоего, только ошибается въ его имени.

— Такъ ты, государь, обѣщаль мою дочь Годуновцу!

— Онъ не Годуновецъ: онъ мой; ты видишь его въ моихъ рукахъ. Я сберегу его отъ грѣха воевать противъ прирожденнаго осударя; а когда Москва назоветъ меня своимъ царемъ, тогда назоветъ и онъ.

— Дивны, государь, твои рѣчи и поступки, сказалъ, пожимая плечами, Берендѣй.

— Я знаю, отвѣчалъ, принявъ суровый видъ, Самозванецъ: — вы, сидя въ этой глуши, не доросли до того, чтобъ разумѣть ихъ. По крайней мѣрѣ, прибавилъ онъ грозно: — налѣюсь, что у васъ хватить ума повиноваться моей волѣ.

— Воля царская — воля Божія, сказалъ Берендѣй и съ низкимъ поклономъ удалился.

— Чтѣ же, еслибъ эта борода знала всѣ твои сегодняшнія похождения? обратился Самозванецъ, съ благосклонною короткостью, къ Алексѣю и, кивнувъ одному изъ стоявшихъ близко начальныхъ людей, велѣлъ позвать къ себѣ Мулюху.

— Послушай, Молотъ Молотовичъ, сказалъ онъ ему: — вели своимъ, чтобъ ни гу-гу про давшнее дѣло однорогово, и смотри мнѣ—уважать и почитать моего рыцаря по его роду и достоинству. — Поймутъ ли эти медвѣди, прибавилъ онъ, наклонясь немного къ Алексѣю: — твое геройство? Я тебѣ совѣтую, для твоей же пользы, не выставлять впередъ безъ надобности твоего рога. Ходи смирной овцою, пока придетъ твое время быть прямымъ Однорогомъ.

Нетрудно догадаться, какое дѣйствіе должно было произвести на Алексѣя открытіе, что видѣнная имъ на переправѣ вѣ томъ въ Черныхъ Лозахъ незнакомка дѣйствительно дочь Берендѣя, отправленная въ монастырь на время воеввыхъ дѣйствій. Тайна, которою окружилъ отецъ отъѣздъ ея, показывала, что онъ не совѣмъ былъ увѣренъ въ успѣхъ самозванцева дѣла и на всякій случай желалъ скрыть слѣды дочери. Все теперь объяснилось Алексѣю. Но эта дѣвушка зависитъ отъ врага его государя, и хотя врагъ этотъ, по какому нибудь хитрому расчету или, пожалуй, даже изъ великодушнаго сочувствія къ долблестному вѣрнопопданничеству своего плѣнника (Алексѣй съ трудомъ допускалъ послѣднее), самъ готовъ помогать ему въ сватовствѣ за Берендѣевну, но эта помощь была для Алексѣя столь же затруднительна, какъ и встрѣченныя имъ до сихъ поръ препятствія. Неожиданно блеснувшій ему лучъ радости вдругъ затмился новыми безпокойствами. Самозванецъ, очевидно, смотрѣлъ на дочь Берендѣя, какъ на средство привязать къ себѣ Алексѣя; а можетъ ли онъ — даже и за эту цѣну — уклониться отъ своего долга вѣрнопопданства царю Борису Θεодоровичу? Найдя то, чтó считалъ на вѣки потеряннымъ, онъ снова потерялъ его, и тѣмъ свѣтлѣе была минута радостнаго открытія, тѣмъ тяжелѣе пала ему теперь грусть на сердце. Передъ нимъ блеснуло не солнце, а молнія; тучи сдвинулись гуще прежняго.

Между тѣмъ къ Самозванцу подошелъ атаманъ донскихъ казакѣвъ, Корела, дѣтина дюжій, приземистый, съ широчайшею черною бородою, по которой замѣтною бурюю струею лежали усы. Глаза его, отъ привычки соглядать въ степяхъ разбросанныя далеко казачьи примѣты, сакмы и пробирающихся по нимъ пограничныхъ хищниковъ, разбѣгались во всѣ стороны, но въ нихъ замѣтно было какое-то торжество, такъ что Самозванецъ тотчасъ спросилъ:

— Съ какою вѣстью, Перекати-поле?

— Съ самою дорогою, осударь-царевичъ, отвѣчалъ Корела: ждалъ не дождался твоего возврата, чтобъ тебѣ первому передать ее.

— Чтó такое?

— Гости идуть.

— Вправду?

— Идутъ, государь. Мои лошади еще на разсвѣтѣ дали мнѣ знать. Я велѣлъ никому показѣть не сказывать.

— Хорошо сдѣлалъ. Гдѣ же? далеко ли? много ли?

— Печевали они на полдня пути. Чуть ли не будутъ здѣсь сегодня. А много ли? тысячь десятковъ шесть наберется.

Алексѣй догадался, что рѣчь идетъ о брянской рати; сердце его забилось надеждою.

— Слава тебѣ, Христось! сказалъ, перекрестясь набожно, Самозванецъ. — Вели клиру пѣть: *Возбранной воеводѣ побѣдимую*; вели звонить въ колокола и выстрѣлить три раза изъ черниговской пищади Медвѣдцы. Наступило наконецъ время суда Божія между мной и Борисомъ! Не устоитъ его сила противъ моей ирравды.

Новость о приближеніи неприятелей вдругъ распространилась въ собраніи стоявшихъ въ церкви; клиръ завѣлъ торжественную побѣдную пѣснь, какъ будто для побѣды надъ Борисомъ недоставало только появленія его войска, и одинъ только Алексѣй молчалъ за истиннаго царя московскаго, среди толпы мятежниковъ.

При выходѣ изъ церкви, Самозванца встрѣтила толпа сторожевыхъ казаковъ. Раздались восклицанія: «сеунчъ, сеунчъ изъ брянской рати!» а нѣкоторые изъ окружавшихъ «прирожденнаго осударя» говорили въ полголоса, съ какою-то таинственностью:

— Отъ Дмитрія Ивановича Шуйскаго; теперь наша взяла!

Приведенный къ Самозванцу сеунчъ былъ дѣйствительно боярскій сынъ изъ брянской рати. Онъ воздалъ мнимому царевичу подобающую честь, но на вопросъ его о новостяхъ просилъ позволенія сообщить ихъ ему наединѣ. Самозванецъ велѣлъ ему идти за собой во дворець.

Алексѣй притсталъ немного позади, не раздѣляя нетерпѣливаго любопытства, съ какимъ всѣ пробирались впередъ при вѣсти о сеунчѣ. Тѣснимый и толкаемый выходившею изъ церкви толпою, онъ почувствовалъ, что кто-то тянетъ его за рукавъ. Какъ же онъ удивился, когда, оглянувшись, увидѣлъ почтеннаго своего дядьку Добрыню!

— Ты какъ сюда попалъ? спросилъ онъ.

— Да такъ же, какъ и твоя милость, отвѣчалъ Добрыня. — Брожу по лѣсу, тужу по твоей буйной головушкѣ, анъ глядъ —

мой соколъ ѣдетъ съ государемъ. Я и себѣ пристагъ къ поѣзду. Вотъ и все тутъ. Ну, что? теперь небось Добрыня пересталъ быть старымъ олухомъ? Валялся бѣ ты безъ этого олуха въ свѣгу; разнесли бы твои кости по кустамъ сѣверскіе волки. А по милости Добрыни Пахомыча, вотъ мы въ чести и въ милости у осударя. Слыхалъ я, какъ тебя осударь помиловалъ; безъ моего старанья было бы не то съ тобою.

— А гдѣ мои провозатые? спросилъ, не слушая его, Алексѣй.

— Провозатые? осадные сидѣльцы новгородскіе? Да, я думаю, ужъ въ острожкѣ доселѣ. Метнулись отъ того рыку безъ памяти. И я сперва оробѣлъ, и туды жь за ними, да послѣ опомнился и воротился искать тебя. Какъ подумалъ про твою смерть, такъ и страхъ весь прошелъ; у медвѣдя, кажись, изъ пасти выхватилъ бы тебя, на нечистую силу пошелъ бы! А ты, батюшка мой, гоняешь отъ себя старика, ровно собаку! Ну, да Богъ съ тобой! не ты про меня, а я про тебя на свѣтъ рожденья. Слава те, Христочъ! уберегъ-таки я тебя отъ погибели! теперь только служи да прямъ осударю-царевичу, такъ и батюшку изъ бѣды выручимъ. Господь мнѣ за мои молитвы видимо помогаетъ.

Алексѣй теперь уже не разувѣрялъ Добрыню въ его ошибкѣ. Въ немъ видѣлъ онъ представителя безсмысленной и легковѣрной черни, увлеченной чудесностью судьбы мнимого царевича. Между тѣмъ Самозванецъ вспомнилъ о своемъ плѣнникѣ; къ Алексѣю прибѣжали нѣсколько молодыхъ дворянъ и почти потащили его съ собою.

Алексѣй былъ приглашенъ Самозванцемъ къ обѣду и вошелъ за нимъ, въ числѣ нѣсколькихъ польскихъ и московскихъ начальныхъ людей, во дворецъ.

Такъ называлась большая изба, срубленная безъ всякихъ украшеній и отличавшаяся только двумя пушками и двумя покрытыми кожею санями съ зеленою казною, которые расположены были симметрически по обѣимъ сторонамъ входа. Внутри стѣны были покрыты висящими кожами, позолоченными и разрисованными наподобіе ковровъ, а лавки застланы красною китайкою. Посреди комнаты стоялъ уже покрытый узорчатымъ ковромъ столъ, и молодые дворяне, *стольники*, рѣзали и раскладывали по немъ хлѣбъ.

Оставивъ свою свиту въ первой комнатѣ, Самозванецъ удалился съ сеунчомъ въ свой кабинетъ и вышелъ оттуда чрезъ нѣсколько минутъ съ радостнымъ лицомъ, успѣвъ преодѣться въ зеленый польскій кафтанъ съ золотыми позументами, съ пуговицами и кистями.

— Друзья! сказалъ онъ, обращаясь къ собранію: — есть Богъ на небеси, а правда на землѣ; она восторжествуетъ! На насъ влеть пятьдесятъ тысячъ; но у этого великана, какъ у сказочныхъ чудищъ, есть *причинное мѣсто*, и я знаю, гдѣ оно. Ударимъ, и все будетъ кончено.

Громкія восклицанія восторга огласили избу-дворецъ.

— Передовой полкъ брянской рати, продолжалъ Самозванецъ: — сегодня перейдетъ, выше насъ, Десну. Панъ Ратомскій, обратился онъ къ одному изъ польскихъ ротмистровъ: — вы будете сегодня обѣдать на сѣдлѣ. Возьмите съ собой двѣ сотни стрѣлковъ и откройте холостыми зарядами съ береговой высоты, при переправѣ, пальбу. Кому наскучило зваться Годуновцемъ, тотъ догадается, и вы воротитесь въ станъ съ новыми пріятелями.

Полякъ взглянулъ жалобно на принесенныя въ это время столышками дымящіяся паромъ кушанья и храбро поблагодарилъ за предоставленную ему честь встрѣтить первому войско Бориса Годунова.

— Объ одномъ только жалѣю, заключилъ онъ, вдыхая расширенными ноздрями запахъ кушаньевъ: — объ одномъ только жалѣю, что не имѣю приказанія врѣзаться съ своими героями въ средню передового полка, разсѣять его и навести ужасъ на все борясово войско.

— Храбрый панъ ротмистръ, отвѣчалъ Самозванецъ, лукаво взглянувъ на Алексѣя: — уймите порывъ своего геройства до тѣхъ поръ, пока рать борисова заслужитъ отъ меня наказаніе. Теперь же я вижу въ ней соотечественниковъ черниговцевъ, путивльцевъ и комаринцевъ, которыхъ я покорилъ однимъ своимъ именовемъ.

— Государь! отвѣчалъ панъ Ратомскій: — никто болѣе моего не желаетъ успѣха вашему предпріятію, однакожь, не могу не выразить сожалѣнія, если храбрымъ полякамъ, послѣдовавшимъ за вами, предопредѣлено только быть свидѣтелями вашего торжества, но не раздѣлять съ вами побѣдныхъ лавровъ! Шот-

ландцы, швейцарцы и всѣ другіе воины служатъ иностраннымъ государямъ за деньги; но полякъ ищетъ одной славы, и повѣрете, что еслибъ мы думали, что наши сабли будутъ здѣсь ржавѣть праздно въ ножнахъ, то и половина храбрыхъ ляховъ, окружающихъ васъ въ эту минуту, не ступила бы на московскую землю.

Самозванецъ какъ-то странно усмѣхнулся, и нижняя губа его слегка задрожала.

— Жаль, сказалъ онъ, предаваясь раздражительности своего характера:— что на ваши безкорыстныя чувства такъ мало было охотниковъ, когда мои донцы перехватили въ бочкахъ борисову казну! Правда, казакъ скорѣе обойдется безъ тулупа, чѣмъ полякъ безъ пива. Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ ошибся, поспѣшивъ одѣть моихъ вѣрныхъ сѣверскихъ казаковъ, но жаль было смотрѣть на нихъ. Я желалъ бы также, панъ ротмистръ, чтобъ и тогда вашъ мужественный духъ одушевлялъ всѣ польскія хоругви, когда онѣ сядились на коней, чтобъ оставить меня играть въ пушки съ Басмановымъ.... помните, передъ сдачею Сѣвска и Путивля?

— Гдѣ нѣтъ враговъ, тамъ нѣтъ и мужества, государь, отвѣчалъ, нѣсколько сконфузясь, Ратомскій. — Наши хоругви пришли воевать не съ морозами, а съ людьми.

— Съ людьми, конечно, лучше воевать, чѣмъ противъ людей! перебилъ его Самозванецъ и громко засмѣялся.

Смѣхъ его подхватили другіе. Разговоръ, принявшій было несприятный тонъ, обратился въ шутку. Самозванецъ обуздалъ во-время свою досаду, зная, что поляки еще не разъ ему пригодятся, хотя онъ и не былъ доволенъ ихъ поведениемъ.

Сѣли за столъ. Самозванецъ указалъ Алексѣю одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, къ изумленію и едва скрываемому неудовольствію своихъ приверженцевъ. Самъ онъ помѣстился за особымъ столикомъ: при всей короткости своего обращенія съ своими приверженцами, Самозванецъ строго соблюдалъ всѣ отличія, принадлежавшія присвоенному имъ сану. Разговоръ во время обѣда шелъ буйно и весело. Самозванецъ позволялъ обращаться къ себѣ каждому, — только отъ времени до времени суровымъ словомъ или язвительнымъ упрекомъ останавливалъ, на самомъ разгулѣ рѣчи, какогонибудь нахала. Онъ видимо пре-

обладалъ надъ умами своего общества своими мнѣніями о разныхъ предметахъ и познаніями въ наукахъ.

Алексѣй дивился его рѣчамъ и не могъ бы никому повѣрить, чтобъ чудовскій монахъ Отрепьевъ, за котораго, по грамотѣ Бориса Годунова, всѣ тогда принимали Самозванца, могъ въ короткое время такъ развить свои способности и обогатить себя теоретическими и практическими свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ знанія. Видно было, что онъ съ самого дѣтства воспитанъ былъ въ доброй школѣ, а не по собственному влеченію усвоилъ себѣ въ короткое время иноземную образованность. Но кто онъ? Это было такого жъ тайною для Алексѣя, какою остается для насъ. Одно только онъ зналъ навѣрное: что это не сынъ царя Ивана Васильевича, потому что старикъ Однорогъ собственными глазами видѣлъ убиеннаго Димитрія во гробу. Какая дерзость рѣшиться на такую роль! какое нечестіе возмутить спокойное государство своею ложью! И, однакожь, Алексѣй чувствовалъ тайное влеченіе къ этому человѣку: въ его ухваткахъ и въ выраженіи голоса было что-то басмановское; своимъ поведеніемъ онъ вовсе не походилъ на низкаго пройдоху; его поступки съ Алексѣемъ обнаруживали въ немъ рыцарское великодушіе и довѣрчивость. Все это непобѣдимо покоряло Самозванцу душу молодого человѣка, хотя въ то же время онъ былъ готовъ, до послѣдняго издыханія, сражаться съ нимъ за царя Бориса Феодоровича.

Можетъ быть, также и Параша примѣшивалась въ это чувство. Она, конечно, играла далеко не первую роль въ стремленіяхъ русскаго добра молодца семнадцатаго вѣка, но все же, какъ ни мало было развито его сердце для любви, прелестная дѣвушка, своимъ двойнымъ, исполненнымъ тайны появленіемъ и предпріятствіями, заступившими ему къ ней дорогу, произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ, посреди безпокойныхъ своихъ мыслей, часто останавливалъ на ней душевный взоръ свой и, можетъ быть, только не смѣлъ себѣ сознаться, до какой степени дорогъ ему этотъ плѣнительный, цвѣтущій образъ съ потупленными въ землю глазами.

Каковы бы ни были побужденія и расчеты Самозванца, но онъ высказалъ свое намѣреніе помочь его женитьбѣ на Парашѣ. Алексѣй не могъ не чувствовать къ нему признательности, хотя — есдибъ это отъ него зависѣло — охотно вырвалъ бы изъ

души всякое чувство къ этому врагу царя. Мало того: онъ готовъ бы былъ отказаться навѣки отъ Параша, которой сульба находилась въ рукахъ Самозванца, за малѣйшую возможность дѣйствовать противъ него въ пользу царя Бориса, и въ то время, когда Самозванецъ во время обѣда ласково обращался къ нему то словомъ, то взглядомъ, онъ строилъ въ умѣ разные планы, какъ отъ него освободиться.

Приходъ брянской рати радовалъ его, наполняя въ то же время его душу живѣйшими опасеніями насчетъ царскаго дѣла. Онъ желалъ бы быть теперь между царскими воеводами: можетъ быть, его совѣты, какъ ученаго стратега и какъ человѣка, знающаго расположеніе самозванцева стана, были бы имъ очень полезны; но какъ ускользнуть отсюда? Рыцарская довѣрчивость Самозванца еще не дѣлала его свободнымъ; Самозванецъ, повидимому, не намѣренъ былъ отпускать его отъ себя ни днемъ, ни ночью.

Вставъ изъ за стола, онъ насмѣшливо послалъ русскихъ своихъ приверженцевъ соснуть послѣ обѣда, по ихъ обычаю, а себѣ и Алексѣю велѣлъ подать лошадей и объѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ весь станъ.

«Зачѣмъ онъ меня вездѣ за собой таскаетъ — думалъ Алексѣй. — Неужели онъ самъ рѣшился быть моимъ сторожемъ? Или, можетъ быть, онъ этимъ охраняетъ меня отъ грубостей своихъ пріятелей? А можетъ — чего добраго — онъ хочетъ сдѣлать гласнымъ въ брянской рати, что будто бы сынъ боярина Однорога въ измѣнѣ, да этакъ и другихъ пошатнуть?»

Но эта послѣдняя догадка уступала мѣсто убѣжденію, что Самозванецъ чувствуетъ къ нему то же, что почувствовалъ Басмановъ, съ которымъ онъ, на взглядъ Алексѣя, такъ ехоствовалъ, и что ему пріятно видѣть возлѣ себя человѣка, вышедшаго изъ той же школы, что и онъ самъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Лжедмитрій съ видимымъ наслажденіемъ распрашивалъ его о томъ, чему онъ учился и что видалъ въ чужихъ краяхъ. Съ нимъ онъ оставлялъ свой высококомѣрный, такъ сказать, сценическій тонъ и бесѣдовалъ какъ равный съ равнымъ или какъ путникъ, столкнувшійся на дорогѣ съ другимъ путникомъ. Алексѣй болѣе и болѣе поддавался очарованію его разговора. Отбросивъ риторическую пышность, которою онъ ослѣплялъ умы слушателей въ публичныхъ своихъ монологахъ,

Самозванецъ замѣнилъ ее какою-то вкрадчивою теплотою, такъ что Алексѣй, переходя съ нимъ отъ предмета къ предмету, самъ не замѣтилъ, какъ высназалъ ему свои не только семейныя, но и сердечныя обстоятельства.

— Bravo! воскликнулъ вдругъ Самозванецъ: — я думаю, что ты готовъ былъ жениться только по обычаю, какъ у васъ на Руси водится; а коли лѣло коснулось до сердца, такъ я тутъ постою горой за пріятеля. Самъ я, братъ, хромаю на эту ногу и готовъ лечить каждаго. Чтò ты скажешь, если мы, раздѣлавшись съ борисовымъ войскомъ, вызовемъ къ себѣ изъ монастыря прелестную незнакомку?

— Я не прошу въ посажонные отпы Самозванца, отвѣчалъ Алексѣй, которому послѣднія слова непріятно напомнили, съ кѣмъ онъ началъ было такъ дружески бесѣдовать.

— И не примешь отъ него хорошенькой невѣсты съ берендѣевскими вотчинами? спросилъ тотъ, не смущаясь и не измѣняясь въ лицѣ.

— Отпусти меня къ воеводѣ Шуйскому, такъ я откажусь на вѣки и отъ невѣсты и отъ вотчинъ, сказалъ Алексѣй.

— Брависсимо, Алексѣй Однорогъ! воскликнулъ Самозванецъ отъ всего сердца. — Нѣтъ, братъ, съ такими рѣдкими находками такъ легко не разстаются. Не отпущу я тебя къ Шуйскому: я сберегу тебя у себя за пазухой до тѣхъ поръ, пока ты увидишь во мнѣ не бродягу Самозванца, а истиннаго царя московскаго. Я давно о тебѣ слышалъ, я зналъ, что это ты помогаешь Басманову такъ знатно обороняться, но никакъ не думалъ, чтобъ съ мужествомъ и вѣрностью у тебя было такое великодушное сердце.

Слышать искреннюю похвалу ото всякаго пріятно, но слышать ее отъ непріятеля, отъ соперника въ кровавой борьбѣ и оставаться равнодушнымъ рѣшительно невозможно. Самозванецъ ясно увидѣлъ, какъ онъ удачно пошевелинулъ душу своего суроваго плѣнника.

— Полно, дружище, кобяниться, сказалъ онъ, ударивъ его по плечу. — Ты видишь, я уважаю твой умъ и чувства, я не добиваюсь, чтобъ ты повѣрилъ мнѣ на-слово, что я царевичъ московскій. Я не предполагаю, чтобъ ты призналъ меня имъ изъ низкаго страха или изъ расчетовъ на будущія милости. Я понимаю, что вѣрность царю всего для тебя дороже, и чѣмъ ты не-

поколебимъте, тѣмъ драгоцѣннѣе въ моихъ глазахъ. Брось же свою угрюмость. Обожди, пока вся Русь увидитъ во мнѣ пророжденнаго своего государя; это будетъ скоро; а до тѣхъ цорь смотри на меня, какъ на товарища по ремеслу, какъ на великодушнаго рыцаря, взявшаго тебя въ плѣнъ собственною рукою.

Алексѣй былъ тронуть прямою этихъ словъ больше, нежели всѣмъ предшествовавшимъ его поведеніямъ.

— Богъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! сказалъ онъ, поколебанный на минуту въ своемъ прежнемъ убѣжденіи: — но если злые люди, царскіе враги, обманули тебя самого, то да образумитъ тебя Господь, а я, Алексѣй Однорогъ, готовъ помочь тебѣ при случаѣ всѣмъ, что не будетъ во вредъ моему государю.

— Спасибо, пріятель, сказалъ своимъ прямодушнымъ, такъ сказать, бывачнымъ тономъ Самозванецъ. — Я вѣрю, что ты способенъ поступить со мною такъ, какъ поступилъ съ тобой сегодня я. Теперь я попрошу тебя, не показывай явно, что я для тебя неприрожденный государь. Я не требую отъ тебя всѣхъ знаковъ почитанія, какія мнѣ подобаютъ; но ты долженъ перемѣнить свое странное поведеніе.

— На это я не могу согласиться, сказалъ Алексѣй. — Я не хочу казаться ничѣмъ другимъ передъ людьми, какъ вѣрнымъ царскимъ слугою. А если тебѣ противенъ мой обычай, то не приказывай мнѣ быть подлѣ себя. Я не хочу, чтобъ обо мнѣ пошелъ говоръ въ народѣ, что я держу твою сторону.

— Ты словно красная дѣвушка бережешь свою честь, отвѣчалъ Самозванецъ. — Инъ быть по твоему: оставайся господиномъ своего времени. Только помни, братецъ, что ты мой плѣнникъ: не вздумай сбѣжать со стану.

— Объ этомъ, государь, не тревожься, раздался вдругъ позади голосъ Мулюхи. — Я давно закидывалъ силки на молодчика; теперь не выпущу его въ чисто поле. Мой Огонь-Борода, даромъ что объ одномъ глазѣ, слѣдитъ за нимъ, что кошка за мышью.

— Ладно, Мулюха, сказалъ Самозванецъ: — отведи жь ему особую ставку и смотри, чтобъ онъ ни въ чемъ не нуждался. Кушанье и питье отпускатъ съ нашего стола.

Онъ кивнулъ, въ знакъ прощанья, головою и указалъ въ другую часть стана.

— Ну что, Алексѣй Николаевичъ! сказала Мулюха, заѣжая къ нему съ боку на своемъ дорогомъ конѣ: — я говорилъ тебѣ, что будешь-таки нашъ.

Алексѣй молчалъ.

— Что же ты закручинился? продолжалъ Мулюха. — Тебѣ надо радоваться, а не печалиться. Видишь, какъ нашъ царевичъ тебя пожаловалъ! Истинно уму непостижимо полюбилъ тебя!

— Покажи мнѣ мою ставку, сказалъ Алексѣй.

— Поѣдемъ, бояричъ; мои молодцы для тебя потѣются, сказалъ Мулюха. — А кручиниться тебѣ нечего. Завтра, можетъ быть, мы будемъ уже всѣ одного паря величать.

— Это какъ? спросилъ разсѣянно Алексѣй.

— Да такъ, что брянская рать едва ли станетъ съ нами драться. У насъ тамъ есть хорошіе пріятельи, отвѣчалъ Мулюха. — И братишка мой тамъ сердечный, прибавилъ онъ грустнымъ голосомъ, какимъ до сихъ поръ еще ни разу не говорилъ.

Онъ замолчалъ и какъ бы ждалъ отъ Алексѣя какогонибудь отвѣта. Но Алексѣй ѣхалъ подлѣ него молча.

— Да, онъ тамъ, продолжалъ опять сѣверскій воевода: — мнѣ перекинули изъ Москвы вѣсточку. И не знаетъ, можетъ быть, кто по сю сторону противъ него стоитъ. Ну, да авось, пока до драки, отыщемъ какънибудь къ братцу дорожку, хоть не прямую, окольную, переманимъ его на свою сторону.

Мулюха опять остановился. Алексѣй продолжалъ молчать.

— Переманимъ, можетъ быть, и твоего батюшку....

При этомъ словѣ Алексѣй вздрогнулъ и быстро посмотрѣлъ на Мулюху.

— Да, бояричъ; а что же? сказалъ Мулюха: — не пойдетъ, небось, противъ родного дѣтища.

— Что ты за вздоръ мелешь? спросилъ нетерпѣливо Алексѣй.

— Никакого вздору, отвѣчалъ спокойно Мулюха. — Твой батюшка вѣдь помилованъ Борисомъ Федоровичемъ.

— Какъ! опала снята? вскрикнулъ радостно Алексѣй.

— Снята, батюшка, и указано ему быть въ брянской рати съ своими даточными. Я читалъ басмановскую грамотку въ Москву: мимо моихъ рукъ ничто не проходить.

— Такъ онъ въ брянской рати, говоришь ты?

— Теперь въ Брянской, а завтра, можетъ быть, будетъ и въ Новгородской.

— Это съ чего ты взялъ?

— Я послалъ къ нему отъ тебя вѣсточку.

— Отъ меня!

— Да, батюшка, ты шлешь боярину Николѣ Афанасьевичу сыновній поклонъ и совѣтуешь оставить цареубійцу да переходить къ государю прирожденному, которому самъ служишь.

— Стары шутки, Мулюха! сказалъ Алексѣй, не зная, смѣяться ли ему надъ уловками этого мятежника, или досадовать: — стары шутки: этакъ вы хотѣли меня поймать въ свою ловушку, да и я вамъ не повѣрилъ, а не то батюшка.

— А батюшка, смотри, вотъ и повѣрить, сказалъ Мулюха.

— Я послалъ ему твои складни.

— Какіе?

— Тѣ, которыхъ у тебя нѣтъ больше на шеѣ.

Алексѣй хватился: въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ больше складней.

— Я поднялъ ихъ у Ольгина Буйвища, сказалъ, засмѣявшись, Мулюха.

— Да какже ты смѣлъ? вскричалъ Алексѣй.

— Она! чего не смѣетъ сѣверскій воевода? отвѣчалъ тотъ спокойно. — Не горячись; я сказалъ, что ты будешь нашъ, и ты и твой батюшка, такъ и будете. Не приходится вамъ служить Борису Федоровичу....

— Такъ не будемъ же мы ваши! воскликнулъ Алексѣй. — Не повѣритъ батюшка моей измѣнѣ, хоть бы ему принесли мою правую руку, не то складни.

— Увидимъ, отвѣчалъ съ увѣренностью Мулюха. — Вотъ твоя ставка, бояричъ. Эй, братцы, потѣснитесь, опростайте его милости землянку, закричалъ онъ двумъ казакамъ, которыхъ взъерошенные головы видны были въ небольшое оконце.

Казаки повиновались съ величайшею готовностью, и въ то время, какъ одинъ взвалилъ себѣ на плечи сѣдло и какой-то грязный хламъ, составлявшій всѣ ихъ пожитки, другой бросился за свѣжимъ сѣномъ, потому что «его милости не приходится, дескать, спать на голой землѣ».

Мулюха велѣлъ позаботится и о конѣ Алексѣя; но тутъ откуда ни возмись Добрыня.

— Посмотримъ , Парфиль Яковлевичъ , мы и сами , сказалъ Добрыня . — Нѣчто у насъ нѣту своихъ холопей ? Слѣзай , голубчикъ мой Алексѣй Николаевичъ , да отдохни , а я ужъ лошадей выхолю . Небось , не стыдно будетъ тебѣ прогуляться рядомъ съ царевичемъ , какъ сегодня ты съ нимъ прогуливался .

— Молчи хоть ты , дубовая башка ! сказалъ Алексѣй , слѣзая съ коня , и , бросивъ ему поводья , вошелъ въ землянку .

Оставшись одинъ съ своими безпокойствами , Алексѣй перемудралъ на свободѣ обо всѣхъ своихъ приключеніяхъ , которыми такъ обильно было короткое время пребыванія его на Руси . Жизнь ни одному юношѣ не является въ томъ видѣ , въ какомъ представляется заблаговременно воображенію . Алексѣй былъ сбить противнымъ вѣтромъ на первомъ своемъ полетѣ и , подобно только что выпорхнувшему орленку , опустился съ высоты , прикинулъ къ временному пристанищу и съ унылымъ сердцемъ прислушивался къ шумѣвшей вокругъ бурѣ .

Таково именно было его положеніе . Весь его пылъ исчезъ , все мужественное въ его душѣ осѣло на дно ; онъ чувствовалъ себя существомъ новымъ , непохожимъ на себя прежняго . и дѣйствительно , это былъ уже не тотъ Алексѣй Однорогъ , который пустился , черезъ далекую сѣверскую глушь , прямымъ странствующимъ богатыремъ , чтобы проникнуть въ тайну дѣвическаго терема , который такъ жарко схватился , съ другимъ удалцемъ , за дѣло царя законнаго , который такъ свято сохранилъ чувство покорнаго сына , нераздѣльное въ его душѣ съ преданностью къ общему отцу Россіи — государю , который такъ энергически поддерживалъ съ Басмановымъ вѣрный русскій духъ въ одномъ маленькомъ пунктѣ посреди мятежной Сѣверіи , и который , наконецъ , съ такимъ геройскимъ самопожертвованіемъ пытался уничтожить узелъ всѣхъ смутъ русской земли и кручину царя Бориса Феодоровича . Теперь въ немъ не осталось и мысли о какомъ нибудь порывѣ выйти изъ своего неподвижнаго состоянія : онъ какъ будто въ нѣсколько недѣль отжилъ свой вѣкъ , истратилъ весь сердечный огонь усиленнымъ горѣніемъ , выкипѣлъ до дна души и пересталъ чувствовать даже болѣзненное ожиданіе , чѣмъ кончится борьба царя Бориса съ Самозванцемъ .

Сперва этотъ упадокъ нравственныхъ силъ можно было приписать физическому истощенію его жизненности , такъ какъ онъ

прошлую ночь провелъ въ поспѣхѣ за Самозванцемъ ; но сонъ, овладѣвшій имъ на нѣсколько часовъ, не провелъ въ немъ никакой перемены. Онъ сидѣлъ, лежалъ на своей сѣнной постели, бродилъ передъ своей землянкой, ѣлъ, засыпалъ долгимъ, отягощающимъ сномъ, просыпался и какъ-то смутно перебиралъ въ головѣ разныя воспоминашя, какъ бы не находя въ нихъ никакого смысла. Добрыня поддѣвжалъ къ нему съ равными вѣстями, волнованными въ то время лагерь; но онъ гналъ отъ себя Добрыню и, не желая входить ни въ какія сношеня съ мятежниками, оставался одинъ.

Наконецъ, на третьи сутки послѣ его плѣна, наступилъ день знаменитой Новгородъ-Сѣверской битвы. Невозможно выразить, что стезвалось въ душѣ Алексѣя на гоготъ дикихъ дружинъ Самозванца и на гулъ ружейной и пушечной стрѣльбы. Говорятъ, что поэту доступны неиспытанныя имъ самимъ ощущеня души человѣческой; но имъ кажется, что я бы не понималъ того, что дѣлалось въ душѣ моего богатыря, если бы не былъ самъ однажды грустнымъ плѣнникомъ въ то время, когда мои и не мои оглашали бравнымъ громомъ небо и землю! Сперва въ немъ поднялось какое-то волненіе, какъ будто изъ его внутреннѣйшей части хлынула клокочащая кровь и начала переварачивать въ своемъ кипяткѣ его сердце. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ происходитъ: онъ былъ механической сосудъ, двигаемый какою-то какъ бы постороннею для него силою, и еслибы эта сила не сдѣлалась мало по малу доступна его сознанию, то она подавила бы его умъ и, можетъ быть, разрушила бы его на вѣки.

Но случилось иначе: по шѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ переходы браваго гула и грехота, въ немъ пробуждалось стремленіе броситься въ этотъ вихрь и утолить жажду чего-то чрезвычайнаго, которая въ то же время начала томить его душу. Онъ долго, однакожь, останавливалъ себя рыцарскимъ обязательствомъ, наложеннымъ на него Самозванцемъ; но вѣдь это обязательство не было сдѣлано съ обѣихъ сторонъ. Вольно было Самозванцу оставить при немъ оружіе; онъ, Алексѣй Одноорегъ, не произнесъ съ своей стороны никакого обѣщанія, и потому властенъ дѣлать съ собой что вдумается. Таковы были размышленія, пошатывавшія Алексѣя въ другую сторону, и они наконецъ дали его душѣ рѣшительное направленіе.

Онъ одѣлся, вооружился, отыскавъ своего коня (потому что Добрыня, вмѣстѣ съ прочею челядью, выгнѣвъ за самыя рогатки и, заслоняясь присохою, выглядывалъ на битву), осѣдлалъ и помчался въ поле, гдѣ, за дымомъ отъ пальбы и за свѣжымъ вихремъ, было немного видно. Слышался только гоготъ сѣверской орды, выстрѣлы, крики, и все покрывалось общимъ смѣшаннымъ гуломъ. Первый предметъ, представившійся глазамъ Алексѣя, былъ Мулюха, припавшій къ убитому человеку, который лежалъ, раскинувъ крестомъ руки, и исходилъ кровью, лившеюся изъ его груди. Мулюха голосилъ надъ нимъ какъ женщина и позабылъ о судьбѣ своего прирожденнаго осударя. Это былъ братъ его, котораго онъ такъ любилъ, что условился съ нимъ не жениться. Напрасно приходила вѣсть за вѣстью, что Басмановъ рѣжетъ казаковъ, выскочивъ изъ острожка, что царевичъ просить помощи, что поляки оставили его съ горсточкой гусаръ среди дружины Мстиславскаго: Мулюха ничего не хотѣлъ слышать. Куча людей быстро столпилась вокругъ Мулюхи, и нѣкоторые обратили вниманіе на Алексѣя. Этихъ онъ былъ обязанъ Добрынѣ, который, увидѣвъ своего боярича, выбѣгающаго изъ стана, пустился трушкомъ по слѣдамъ его и, вмѣшавшись въ толпу, успѣлъ уже шепнуть, что, божесть, бояричъ стоитъ за царевича.

— Вотъ кто поведетъ насъ противъ брянцевъ! закричали казаки. — Веди насъ, Алексѣй Николаевичъ! трубите сборъ! воль наши! Го-го! смерть Годуновцамъ! да заравствуютъ надежа царевичъ и бояричъ Однорогъ!

Въ это самое время началась страшная пальба въ сторонѣ, и вѣтеръ затянулъ облакомъ дыма всю равнину. Изъ дыму вырвался отрядъ конниковъ и прямо несся къ тому мѣсту, гдѣ голосилъ Мулюха надъ братомъ. Впереди всѣхъ скакалъ старикъ, въ которомъ Алексѣй узналъ своего отца.

— Проклятъ! проклятъ! проклятъ! кричалъ, въ изступленіи, старый Однорогъ и бросился съ саблею на сына.

Алексѣй не имѣлъ даже времени сообразить, что это было дѣло послѣдней услуги Мулюхи. Онъ дотога былъ пораженъ внезапностью и странностью этого явленія, что, вѣроятно, допустилъ бы отца совершить дѣтоубійство, но мулюхины сорванцы заступили его и напали съ ожесточеніемъ на стараго Однорога. Савелій и Лаврушка, слѣдовавшіе вмѣстѣ съ другими двор-

чанами за своимъ бояриномъ, ринулись въ схватку, и въ одно мгновеніе закипѣла сѣча. Алексѣй также не замедлилъ принять въ ней участіе.

— Батюшка! я не измѣнникъ! кричалъ онъ своему отцу и, въ доказательство своихъ словъ, отпускалъ его противникамъ ударъ за ударомъ, отъ которыхъ спасала ихъ только добрая сбура, выкованная Мулюхою. Одного, однакожь, онъ свалилъ съ коня и уже пробивался впередъ, чтобы стать рядомъ съ конемъ отцовскимъ, какъ въ это время позади его заревѣлъ изступленный голосъ Мулюхи: «Гибель Годуновцамъ!» вмѣстѣ съ тѣмъ на голову Алексѣя обрушился такой ударъ, какъ будто Мулюха вырвалъ съ корнемъ сѣверскую сосну и грянулъ ею со всего размаха. Свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ Алексѣя, и онъ упалъ безъ чувствъ на взрытый копытами свѣгъ....

Здѣсь всего удобнѣе было бы намъ кончить сказаніе о приключеніяхъ Алексѣя Одноорога. Но вѣдь извѣстно, что онъ геройствовалъ послѣ — только другимъ способомъ — въ Москвѣ и игралъ важную роль въ судьбѣ Басманова и Самозванца. Какъ онъ очутился въ Черныхъ Лозахъ у Прокла Проклыча, какъ оправился отъ мулюхина удара, какъ перенесъ потерю отца, который палъ отъ руки этого мятежника подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, какъ вызванъ былъ воцарившимся Самозванцемъ въ Москву и что потомъ съ нимъ было, — все это извѣстно мнѣ такъ же хорошо, какъ и предъидущая его исторія. Но тутъ мѣсто дѣйствія перемѣняется и, вмѣсто неправильной кутерьмы сѣверской, выступаетъ уже на сцену гражданская жизнь Московскаго государства; поэтому, не желая разрушать цѣлости впечатлѣнія моего разсказа на воображеніе читателя, я останавливаюсь....

НИКОЛАЙ Ш.